

SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

**HERALD OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG
THEOLOGICAL ACADEMY**

№ 4 (20), 2024

Scientific Journal

HAC

**Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy
2024**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

№ 4 (20), 2024

Научный журнал

ВАК

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2024**

UDC 281.93(066)

The journal is included in "List of peer-reviewed scientific publications
in which main scientific results of theses for the candidate of science degree,
for the doctor of science degree"

Specializations:

5.6.1. Russian history (historical sciences);

5.6.2. General history (historical sciences);

5.11.2. Historical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology);

5.11.3. Practical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology).

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk,
Candidate of Theology, Assistant Professor,
Saint Petersburg Theological Academy

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy:
scientific journal. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 4 (20). – 2024. – 128 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Article authors, 2024
© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2024

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по группам специальностей:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология);
- 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология).

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент
Санкт-Петербургской духовной академии

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 4 (20). — 2024. — 128 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Авторы статей, 2024
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2024

THE EDITORIAL COUNCIL

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeevich), Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy (Rector).

Metropolitan of Kaluga and Borovsk Clement (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Kaluga Diocese (Ruling Bishop), Publishing Council of the Russian Orthodox Church (Chairman), Kaluga Theological Seminary (Rector).

Bishop of Istra Seraphim (Amelchenkov Vladimir Leonidovich), Doctor of Theology, Candidate of Divinity, Candidate of Historical Sciences, Synodal Department for Youth Affairs (Chairman).

Archimandrite Alexander (Fyodorov Alexandr Nikolaevich), Doctor of Art Studies, Candidate of Architecture, Candidate of Theology, Professor, Ilya Repin St. Petersburg Academy of Arts.

Pyotr Evgenyevich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Alexandra Andreevna Dorskaya, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

Alexey Borisovich Egorov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Sergey Lvovich Firsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Vladimir Fyodorovich Khulap, Doctor of Theology, Candidate of Divinity, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolaevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts of the Louvain Catholic University, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Alexey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Prokopyev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the St. Petersburg State University.

Nikolay Anatolyevich Samoilov, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University.

Vladimir Vladimirovich Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Mikhail Vitalyevich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Central State Archives, St. Petersburg Theological Academy.

Dmitriy Viktorovich Shmonin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Theology Institute of the St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Irina Yuryevna Smirnova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Archpriest Valentin Nikolaevich Vasechko, Doctor of Theology, Associate Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Olga Yuryevna Vasilyeva, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Academy of Education (President).

Irina Vladimirovna Vorontsova, Doctor of Theology, Candidate of Historical Sciences, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Inna Igorevna Yurganova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, Санкт-Петербургская духовная академия (ректор).

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, Калужская епархия (правлящий архиерей), Издательский Совет Русской Православной Церкви (председатель), Калужская духовная семинария (ректор).

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), доктор теологии, кандидат богословия, кандидат исторических наук, Синодальный отдел по делам молодежи (председатель).

Архимандрит Александр (Федоров Александр Николаевич), доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, кандидат богословия, профессор, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Протоиерей Валентин Николаевич Васечко, доктор теологии, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Владимир Федорович Хулап, доктор теологии, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Ольга Юрьевна Васильева, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, Российская академия образования (президент).

Ирина Владимировна Воронцова, доктор теологии, кандидат исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Александра Андреевна Дорская, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия.

Алексей Борисович Егоров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Андрей Юрьевич Митрофанов, доктор исторических наук, доктор истории, археологии и искусств Лувенского католического университета, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Андрей Юрьевич Прокопьев, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Анатольевич Самойлов, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ирина Юрьевна Смирнова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

Наталья Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургская духовная академия.

Владимир Владимирович Шишкин, доктор исторических наук, доцент, Институт истории Российской академии наук.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургская духовная академия.

Дмитрий Викторович Шмонин, доктор философских наук, профессор, Институт теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургская духовная академия.

Инна Игоревна Юрганова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<i>Д. А. Карпук.</i> «Юбилеомания» — благо али хворь? или Несколько слов в качестве предисловия	10
--	----

Религиозная политика

<i>А. Ю. Митрофанов.</i> Поиски Императрицей Екатериной Великой (1762–1796) происхождения пугачевщины в истории Средневековья	12
<i>В. А. Капитонов.</i> Авторизованные гомилии — забытый государственно-конфессиональный проект в Англии начала Нового времени	22

Церковное право

<i>П. И. Гайденко.</i> «Или в подьяконах на прочее потщися»: канонический статус иподиакона на Руси XI–XIII вв.	34
---	----

Миссионерская деятельность

<i>Ю. Е. Кондаков.</i> Святейший Правительствующий Синод и строительство Русской Палестины	46
<i>А. М. Куликов.</i> Помощь архимандрита Гурия (Карпова) Н. П. Игнатьеву в период Второй опиумной войны в Китае	55
<i>Протоиерей Сергей Звонарёв.</i> Уравнение с несколькими неизвестными: автономия Японской Православной Церкви в контексте американской автокефалии по данным церковных архивных источников	64
<i>Д. А. Карпук.</i> Обстоятельства предоставления «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе» духовно-цензорских полномочий	72

Приход и приходская деятельность

<i>М. В. Шкаровский.</i> Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха» в конце XVIII–XX вв.	81
<i>Н. П. Тарасова.</i> Слободской приход Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря во второй половине XVIII столетия (предварительные данные)	88
<i>А. П. Сологуб.</i> Участие священно- и церковнослужителей в организации церковно-певческой деятельности в Киевской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам «Киевских епархиальных ведомостей»)	99
<i>А. С. Харчевников.</i> Празднование круглых дат со дня хиротонии в Российской империи начала XX в. по материалам «Известий по Санкт-Петербургской епархии»	111

Из жизни академии

Защита кандидатской диссертации игумена Серафима (Николина) «Источниковедческий аспект исследования деятельности святого Патриарха Тихона в 1917–1925 гг. и его значение для современной историографии»	119
--	-----

CONTENTS

From the Editorial Team

- Dmitry A. Karpuk*. “Jubileomania” — a Blessing or a Curse?
or A Few Words as a Preface 10

Religious Policy

- Andrey Yu. Mitrofanov*. The Search by Empress Catherine the Great (1762–1796)
for the Origin of Pugachev’s Movement in the History of the Middle Ages..... 12
- Vladislav A. Kapitonov*. Authorized Homilies —
a Forgotten State-Confessional Project
in Modern era England..... 22

Canon Law

- Pavel I. Gaidenko*. “Or in Subdeacons for Other Things, Try Hard”:
Canonical Status of Subdeacon in Rus’ in the 11th-13th Centuries 34

Missionary Activity

- Yuri E. Kondakov*. The Holy Governing Synod
and the Construction of Russian Palestine 46
- Andrey M. Kulikov*. Help from Archimandrite Guria (Karpov) to N. P. Ignatiev
during the Second Opium War in China 55
- Archpriest Sergei Zvonarev*. An Equation with Several Unknowns:
The Autonomy of the Japanese Orthodox Church in the Context
of American Autocephaly According to Church Archives..... 64
- Dmitry A. Karpuk*. Circumstances of granting spiritual-censorship powers
to the “Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus” 72

Parish and Parish Activities

- Mikhail V. Shkarovsky*. Holy Trinity Church “Kulich and Easter”
at the End of the XVIII–XX Centuries..... 81
- Natalya P. Tarasova*. Slobodskoy Parish of Krasnokholmsky Nikolaevsky
Antoniev the Monastery in the 2nd Half of the XVIII Century
(Preliminary Data)..... 88
- Anna P. Sologub*. Participation of Clergy and Church Ministers
in Organizing Church Singing Activities in the Kyiv Diocese
in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries
(Based on Materials from the Kiev Diocesan Gazette)..... 99
- Alexey S. Kharchevnikov*. Celebration of Round Dates from the Day of Consecration
in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century,
Based on Materials from the “News of the St. Petersburg Diocese”111

From the Life of the Academy

- Defense of the Candidate’s Dissertation of Hegumen Seraphim (Nikolin)
“Source Study Aspect of the Study of the Activities
of Saint Patriarch Tikhon in 1917–1925
and its Significance for Modern Historiography” 119

«Юбилеомания» — благо али хворь? или Несколько слов в качестве предисловия

Еще лет двадцать тому назад каждый юбилей был праздником, к которому долго и обстоятельно готовились. Проведение того или иного памятного мероприятия становилось — конечно же, при должной подготовке — самым настоящим торжеством. Сейчас — и это уже отнюдь не субъективные переживания автора этих строк — ситуация изменилась кардинальным образом. Вышестоящие инстанции ежегодно все более настойчиво требуют списки юбилейных дат, из которых потом по каким-то таинственным (а значит, субъективным) критериям отбираются те или иные памятные события или выдающиеся деятели, память которых следует почитать. При этом юбилеем теперь является любая дата кратная пяти. Безусловно, каждая епархия, каждая духовная школа и другие учреждения предлагает свои списки, и таковых перечней очень много. При этом, нисколько не сомневаемся, что люди или события, которым предполагается посвятить памятное(ые) мероприятие(я), заслуживают внимания. Вот только от этих перечней уж больно пестрит в глазах. Юбилеев так много, что самое время вводить какую-нибудь градацию: великие юбилеи, средние, ну и малые, конечно... Как бы то ни было, увеличившееся количество юбилеев — которые, повторимся, должны заострить внимание участников торжеств на том или ином имени или событии — приводит к обратному эффекту, — равнодушию большей части привлекаемых к празднованию лиц. Празднование юбилеев не становится, а стало уже рутинной. Праздник стал буднем.

Больше всего страдают от увеличивающегося количества юбилеев историки. Они вынуждены, а в некоторых случаях, можно сказать, обречены отвлекаться от своих научных трудов и составлять приветствия и доклады, писать статьи, а иногда и полностью готовить и проводить памятные мероприятия. И если раньше приходилось с тревогой заглядывать в календарь на следующий год (какой юбилей нас ожидает?), то теперь туда уже смотришь буднично, чтобы в свободную минутку можно было спокойно набросать несколько тезисов будущих докладов. При этом, даже если у вас будет невероятное желание на разных конференциях одному и тому же событию посвящать разные доклады, то девятый и следующий за ним вал юбилеев рано или поздно вынудят вас выступать с одним и тем же текстом (меняя только слова в заглавии и абзацы в тексте). Увы...

Еще одна проблема юбилеомании связана с тематикой. Далеко не секрет, что у каждого историка теперь имеется своя «грядка», ограниченная тематикой и хронологическими рамками. Однако, когда на просьбу (не)официальных лиц выступить с докладом на какую-нибудь тему, отвечаешь: «Это не мой период», то невольно в глазах вопрошающего видишь недоуменное изумление: «Ну ты же историк?!» Ну а дальше — или принципиальный отказ, или вынужденное согласие, учитывая дружеские (возможны и другие варианты) отношения с просителем.

Безусловно, есть от юбилеев и польза, и польза немалая. Во-первых, из бездны небытия всплывают незаслуженно забытые имена церковно-общественных деятелей разных времен и стран, которые заслуживают пусть иногда и небольшого, но все же разговора о себе. Во-вторых, материалы (статьи, доклады, фото- и видеоматериалы, монографии, альбомы и т. п.), готовящиеся в рамках праздничных мероприятий, при иногда кажущейся ненужности и даже бесполезности сейчас, впоследствии окажутся ценнейшим источником для последующих поколений историков. В-третьих, когда речь идет о крупных торжествах, появляются возможности привлечь не только внимание, но и финансирование для строительства / реконструкции / ремонта храмов, монастырей, духовных школ, чего-то еще. И иногда так бывает, что только юбилей позволяет привлечь государственные или спонсорские деньги на ремонтно-восстановительно-строительные работы. Для исследователя же вынужденное отвлечение и занятие тем или иным юбилеем может обернуться

в дальнейшем тем, что материал, который сейчас кажется «ненужным», потом станет немного / очень / чрезвычайно важным и ценным для проводимой научной работы. Пусть и не так часто, но с этим приходилось сталкиваться и автору этих строк.

Чем вызвано столь длительное вступление? Статьей, которая опубликована на страницах данного номера «Вестника Исторического общества». Речь идет о материале аспиранта Санкт-Петербургской духовной академии А. С. Харчевникова, посвященном празднованию круглых дат со дня хиротонии в Российской империи в начале XX в., по материалам «Известий по Санкт-Петербургской епархии». Когда материал только готовился к печати, редактор журнала обратился к Алексею с просьбой предоставить фотографии тех лиц (если не всех, то хотя бы некоторых), чтобы их также можно было опубликовать. Однако в ответ автор статьи ответил, что на страницах «Известий по Санкт-Петербургской епархии» (а к примеру этого издания можно отнести, к сожалению, и практически все остальные церковные издания синодальной эпохи) печатались юбилейные статьи, а вот для фотографий глубокоуважаемых юбилеров места не находилось. А ведь фотографии являются очень важным и ценным историческим источником! Жаль, что в синодальный период только очень редкие церковные периодические издания могли похвастаться богатым иллюстративным материалом на своих страницах. Вывод отсюда прост: уж если и делать печатный материал о юбилее / юбиляре (пусть и о малозначительном, как кому-то может показаться), то делать это надо всегда качественно!

В разделе **«Религиозная политика»** опубликованы две статьи. В первой затрагивается вопрос о самозванчестве в Российской империи в период правления императрицы Екатерины Великой. Во второй рассматриваются особенности развития английской Реформации на примере гомилий, т. е. проповедей.

В скромном по объему разделе **«Церковное право»** помещена только одна статья, затрагивающая сложную — если иметь в виду скудную источниковую базу — тему о каноническом статусе иподиаконов на Руси в XI–XIII вв.

Раздел **«Миссионерская деятельность»** — гораздо более объемный в сравнении с двумя предыдущими. Он включает в себя четыре статьи, в которых затрагиваются различные аспекты миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в синодальный период на Дальнем Востоке, в Палестине и на Кавказе. Одна статья посвящена обстоятельствам предоставления автономии Японской Православной Церкви в XX столетии.

В раздел **«Приход и приходская деятельность»** также включены четыре статьи, в том числе и упомянутая выше — о юбилеях пастырей. В двух других статьях рассматривается история известной петербургской церкви «Кулич и Пасха», а также история подмонастырского прихода Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Отдельного внимания заслуживает статья о деятельности иерархов и священнослужителей в деле совершенствования и развития церковного пения на приходах.

В рубрике **«Из жизни академии»** помещена информационная заметка о защите в стенах нашей академии кандидатской диссертации, посвященной анализу историографии о святителе Тихоне, патриархе Московском и всея России, которому в следующем 2025 году исполняется 100 лет со дня кончины.

Дмитрий Андреевич Карпук,
главный редактор «Вестника Исторического общества
Санкт-Петербургской Духовной Академии»

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

А. Ю. Митрофанов

**Поиски Императрицей Екатериной Великой (1762–1796)
происхождения пугачевщины
в истории Средневековья**

УДК 94(470+571)"17":32(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_12
EDN ZWQSCD

Аннотация: Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных феномену самозванчества. Автор исследует восприятие пугачевщины Екатериной Великой (1762–1796) на примере сохранившихся писем Императрицы. Делаются выводы об отсутствии прямого участия Императрицы в убийствах Петра III и Иоанна Антоновича, но о косвенной причастности Екатерины к этим преступлениям, которые она могла предотвратить, о влиянии на политическую доктрину Екатерины древнерусских литературных образов из прочитанной ею «Повести Временных Лет», о характере восприятия Императрицей византийской цивилизации. Формулируется концепция автора, согласно которой дворцовые перевороты XVIII века, осуществлявшиеся петровской гвардией, являлись коррекцией абсолютизма, в то время как появления самозванцев в екатерининскую эпоху — Емельяна Пугачева, Лже-Иоаннов Антоновичей и княжны Таракановой — в определенной степени были не только следствием веры масс в «мужицкого царя», но и проявлением многовековой византийской политической традиции. Автор приходит к выводу, что Екатерина вдохновлялась в своей политической деятельности примерами политиков Древней Руси и искала истоки пугачевщины в эпохе татаро-монгольского ига.

Ключевые слова: Екатерина II, Петр III, Византия, самозванчество, Пугачев, Тамерлан.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso- labore@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Поиски Императрицей Екатериной Великой (1762–1796) происхождения пугачевщины в истории Средневековья // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 12–21.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Andrey Yu. Mitrofanov

**The Search by Empress Catherine the Great (1762–1796)
for the Origin of Pugachev’s Movement
in the History of the Middle Ages**

UDC 94(470+571)“17”:32(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_12
EDN ZWQSCD

Abstract: The article continues the author’s series of publications devoted to the phenomenon of imposture. The author explores the perception of Pugachovism by Catherine the Great (1762–1796) using the example of preserved letters of the Empress. Conclusions are drawn about the absence of the Empress’s direct participation in the murders of Peter III and John Antonovich, but about the indirect involvement of Catherine II in these crimes, which she could have prevented, about the influence on the political doctrine of Catherine II of ancient Russian literary images from the “Tale of Bygone Years” read by the Empress, about the nature of the Empress’ perception of Byzantine civilization. The author’s concept is formulated, which consists in the fact that the palace coups of the XVIII century, carried out by the Peter’s Guard, were a correction of absolutism, while the appearance of impostors in the Catherine era: Yemelyan Pugachev, False John Antonovich and Princess Tarakanova to a certain extent were not only a consequence of the faith of the masses in the “peasant tsar”, but a manifestation of centuries-old Byzantine political tradition. It is concluded that Empress Catherine was inspired in her political activity by the examples of politicians of Ancient Russia and sought the origins of Pugachev in the era of the Tatar-Mongol yoke.

Keywords: Catherine II, Peter III, Byzantium, imposture, Pugachev, Tamerlane.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Arts, and Archaeology at the Catholic University of Louvain, Professor at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Full Member of T.V. Barsov Society for the Study of Canon Law (Barsov Society) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso- labore@m@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. The Search by Empress Catherine the Great (1762–1796) for the Origin of Pugachev’s Movement in the History of the Middle Ages. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 12–21.

Екатерина Великая (1762–1796), осмысляя разрушительный феномен пугачевщины, справедливо искала истоки происхождения этого патологического социального явления в истории Средневековья. Насколько адекватен был подобный метод Императрицы? Чем он был вызван? В данной статье мы постараемся найти ответ на эти вопросы.

Участь Петра III представляет собой предмет многочисленных гипотез и спекуляций. Важными источниками, позволяющими хотя бы отчасти разобраться в загадке убийства Петра III, являются известные записки Алексея Орлова, посланные Екатерине из Ропшинского дворца. Первая записка¹, датированная 2/13 июля 1762 г., и вторая² без даты (край записки оборван) сохранились в секретных пакетах Государственного архива Российской Империи и были опубликованы в 1907 г. в академическом собрании сочинений Екатерины Великой³.

Указанные записки имеют важное значение с точки зрения дискуссии относительно возможного соучастия Екатерины в убийстве Петра III. Сторонники версии, изложенной в книге Жана Анри Кастера (1749–1838), опубликованной в 1797 г., утверждают, что в Ропшинском дворце 5/16 июля 1762 г. Петр III был вначале отравлен Орловым и Тепловым, что было невозможно осуществить без предварительного одобрения Екатерины. Затем процесс ускорили, и Петр был задушен Орловым и князем Ф. С. Барятинским. Цитированные же записки Орлова будто бы представляют собой извещение о состоянии «пациента» после процедуры отравления. Не исключено, что смерть Императора должны были зафиксировать заранее посланные в Ропшу 3-го июля врач Лидерс, а 4-го июля штаб-лекарь Лейб-Гвардии Конного полка Христиан Паульсен. Н. И. Павленко отмечал, что Паульсен был отправлен в Ропшу с инструментами для препарирования трупов, тем самым намекая, что Екатерина принимала участие в подготовке убийства⁴. Однако В. А. Бильбасов не допускал подобной версии в силу определенных политических причин, подчеркивая, что в убийстве Петра III были заинтересованы братья Орловы, в то время как Екатерина не испытывала в устранении Петра III безусловной необходимости⁵.

М. М. Сафонов приводит интересные заметки Е. Р. Дашковой (1743–1810) на полях книги Жана Анри Кастера. Дашкова утверждала, что Теплов не был в Ропше вместе с Петром III, а вся история с отравлением — ложь французского писателя. В то же время описание расправы над Императором, учиненной Орловым и князем Барятинским, Дашкова не комментировала никак, на основании чего исследователь делает вывод о достоверности этого описания. С нашей точки зрения, цитированные записки Алексея Орлова представляют собой важные свидетельства невиновности Екатерины и ее непричастности к убийству супруга. Если убийцы и Екатерина были в сговоре, зачем Алексей Орлов писал эти записки? Для конспирации? Вряд ли Екатерина рассчитывала на то, что эти записки будут когда-либо опубликованы. Не проще ли было, не привлекая внимания, устно известить Императрицу о ликвидации Петра Федоровича через преданного офицера, не пытаясь фабриковать записки в расчете на будущих беспристрастных исследователей?

¹ Записка гласит: «Только урод наш (Петр) очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он в сегодняшнюю ночь не умер...»

² Записка намекает на близкую кончину Императора: «Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, что теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России также и закона нашего. А теперь и тот приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожид до вечера и почти совсем уже в беспамьятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорее с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланный офицер может вашему величеству донести, в каком он состоянии теперь, ежели обо мне усомниться изволите. Писал сие раб ваш <ве>рны<й>».

³ Сафонов М. М. К истории убийства Петра III (Е. Р. Дашкова и Ф. В. Ростопчин) // Die Deutschen in Sankt Petersburg. Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). 2011. № 6. С. 34–54.

⁴ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая Гвардия, 2003. С. 50.

⁵ Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 125–126.

В первой записке Алексей Орлов констатирует болезнь Императора, на которую он сможет списать его безвременную кончину. Вероятно, Орлов отправил первую записку тогда, когда Петр III был уже в действительности мертв (3 июля). Во второй записке «Алехан» опасается гнева Императрицы, оправдывается и отводит от себя возможные обвинения в убийстве, и одновременно ищет политическую и даже религиозную санкцию, по-видимому, уже совершенному преступлению, буквально повторяя пункты Манифеста о вступлении Екатерины на престол: «чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России также и закона нашего...» Если Петр III был жив в момент написания этой записки, зачем Орлов оправдывался перед Екатериной, цитируя ее Манифест? Вряд ли медицинские познания сержанта-преображенца были столь уж глубоки, что позволяли ему наверняка предсказать развитие недуга свергнутого Императора. Записки Орлова напоминают лихорадочные попытки замести следы уже совершенного преступления и оправдаться перед Императрицей, которая к содеянному непричастна. Теория участия Екатерины в подготовке отравления Петра III несостоятельна еще и потому, что в значительной мере базируется на версии французского писателя, писавшего о Екатерине в период правления «Директории» и явным образом заинтересованного в том, чтобы дискредитировать монархическую форму правления. Тем более, что негативное отношение Екатерины к французской революции было во Франции хорошо известно.

Существует еще и знаменитая третья записка Алексея Орлова, в которой прямо излагается история убийства Петра III и из которой следует, что 5/16 июля 1762 г. Петр был убит в результате застойной ссоры либо самим Орловым, либо молодым князем Ф. С. Барятинским, причем неясно, как именно убит.

В настоящее время доказано, что третья записка Алексея Орлова представляет собой подделку, изготовленную Ф. В. Ростопчиным в начале XIX в. для Е. Р. Дашковой, а возможно, и при ее непосредственном участии. Подделка эта призвана была убедить Императора Александра I (1801–1825), травмированного мартовскими событиями 1801 г., в том, что слухи о причастности его бабушки к убийству деда недостоверны.

Фрагмент же из мемуаров Е. Р. Дашковой, в котором упоминается записка Алексея Орлова, будто бы найденная А. А. Безбородко в бумагах Императрицы Екатерины после ее смерти и показанная Павлу I, является поздней интерполяцией английских издателей этой книги⁶. Но данное обстоятельство, по нашему мнению, никак не может скомпрометировать Екатерину, ибо, как уже было отмечено, две настоящие записки «Алехана» свидетельствуют скорее в пользу ее невиновности.

С нашей точки зрения, подделавший третью записку «Алехана» Ф. В. Ростопчин мог решиться на подлог только, опираясь на устные сведения об убийстве Петра III, полученные от непосредственных участников преступления, или же от свидетелей переворота, таких как Е. Р. Дашкова. И сведения эти недвусмысленно указывали на то, что Петр был умерщвлен *без ведома* Екатерины. Трудно допустить то, что дворянин Ростопчин дерзнул бы открыто лгать своему Императору, недавно вступившему на престол в результате переворота и трагического убийства отца, и намеренно обелять Екатерину в том случае, если бы она действительно была замешана в убийстве. Разоблачение подобной лжи кем-то из современников событий 1762 г. могло бы иметь для дальнейшей карьеры Ф. В. Ростопчина самые печальные последствия. Во всяком случае, сам Ф. В. Ростопчин, несомненно, был уверен в невиновности Екатерины.

Наиболее правдоподобно, что Петр был убит в пьяной драке кем-то из гвардейских офицеров, но это убийство было не более чем т.н. эксцессом исполнителя, в данном случае охранников. Как писал современник событий, секретарь датского посольства Шумахер, Петр III был задушен ружейным ремнем неким «крупным и сильным» лейб-компанцем Швановичем, перешедшим в православие шведом, 4 июля

⁶ Иванов О. А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1996. № 2. С. 36–38; № 3. С. 25–28; Сафонов М. М. К истории убийства Петра III... С. 34–54.

1762 г.⁷ Свидетельство дипломата подрывает версию, исходя из которой убийство Петра III было подготовлено Екатериной заранее и замаскировано двумя записками Алексея Орлова, сообщавшего о внезапной болезни свергнутого Императора. Вряд ли бы секретное политическое убийство доверили солдату-иностранцу, который воспользовался для совершения преступления элементом амуниции. Рациональнее было бы поручить дело преданному офицеру, который мог просто заколоть Петра своей шпагой⁸.

Почему же Екатерина не покарала убийц своего мужа, если она была невиновна? По-видимому, потому что убийство это было не более, чем трагической случайностью, а убийцы были лично ей преданы и действовали ради ее же блага. Петр III был настолько непопулярен в гвардии, среди офицерства, в армии и при дворе, что живой он был для Екатерины гораздо менее опасен, чем мертвый. Убийство Петра только компрометировало Екатерину, что, по свидетельству Е. Р. Дашковой, признавала она сама⁹.

Тем не менее, с политической точки зрения гибель Петра III развязывала Екатерине руки, ибо в будущем предотвращала появление оппозиции, которая могла бы использовать Петра Федоровича как знамя. Поэтому, вероятно, следует согласиться с мнением Е. В. Анисимова, который считал, что Екатерина разделяет ответственность за гибель мужа хотя бы в силу того, что Императрица не могла не понимать степень опасности, которую представляло для Петра III конвоирование пьяными гвардейцами – участниками переворота, и содержание бывшего Императора под конвоем его вчерашних подданных. Несмотря на это обстоятельство, Екатерина ничего не сделала, чтобы предотвратить Ропшинскую расправу¹⁰. Примечательно, что Екатерина писала о том, что конвоировать Петра III было специально поручено подразделению, состоявшему из «ласковых и отобранных людей» (*un detachment d'hommes doux et choisis*)¹¹.

Добавим, что Екатерина разделяет политическую ответственность за судьбу Петра III уже в силу того, что 28 июня 1762 г. она стала сувереном – самодержавной Императрицей, которой принадлежала вся полнота власти в стране. Именно поэтому, возможно, Екатерина незаметно появилась 10/21 июля 1762 г. в Александро-Невской лавре на похоронах Петра III и молилась там о его упокоении. Скрыв убийство Петра III и освободив Орловых от наказания, Екатерина, как отмечал В. А. Бильбасов, взяла на себя колоссальную политическую ответственность¹², которая обеспечила закрепление успеха переворота, но при этом бросила на Императрицу зловещую тень. Эта тень вскоре появится на берегах далекого Яика. Эта тень и до сего дня словно бы витает над местом преступления. Печальные и заброшенные руины Ропшинского дворца остаются немым свидетелем произошедшей трагедии...

Существует предположение о том, что в 1762 г., вскоре после переворота, Екатерина встречалась с заключенным Императором Иваном Антоновичем, якобы рассматривая возможность заключения брака с ним для легитимации переворота. Последнее совершенно невероятно, т. к. Екатерина уже сформулировала основания легитимности переворота в своих первых Манифестах и не нуждалась в подобном бракосочетании. Тем не менее, встреча Императрицы с Иваном Антоновичем действительно состоялась и имела место между 14 и 23 августа 1762 г. в Кексгольме. Эта встреча обросла таинственными слухами, которые век спустя стали основой для создания Г. П. Данилевским (1829–1890) романа «Мирович», посвященного несчастному государю. Факты свидетельствуют о том, что ко времени встречи с Екатериной Иван Антонович,

⁷ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 50.

⁸ Убийство Петра III в описании Шумахера напоминает убийство его сына – Императора Павла I в марте 1801 г., которое, вероятно, было следствием спонтанно проявившегося страха заговорщиков, столкнувшихся с отказом Павла отречься от престола, за свое будущее, а вовсе не результатом заранее продуманного плана.

⁹ *Dashkova E. The Memoirs of the Princess Dashkova Lady of Honour to Catherine II, by W. Bradford. Vol. I. London, 1840. P. 107.*

¹⁰ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 1998. С. 292–300.

¹¹ Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 76.

¹² Там же. С. 130.

проведший всю сознательную жизнь в одиночной камере, был в неадекватном состоянии, что подтверждают не только Манифест Екатерины от 17 августа 1764 г. о бунте Мировича, но, в первую очередь, дневниковые записи караульных офицеров. Несчастный Император был косноязычен, паясничал и периодически оскорблял своих стражников, напоминая им о своем Императорском положении. Отставал ли Иван Антонович в умственном развитии? Как известно, еще в Холмогорах он выучился грамоте, читал Библию и некоторые душеспасительные книги и, что самое важное, — осознавал себя и свое происхождение. Умственно отсталым Иван Антонович, конечно же, не был. Однако под влиянием одиночного заключения и грубого обращения к 22 годам у несчастного Императора, вероятно, стала проявляться определенная психоневрологическая патология, которая делала общение с ним весьма затруднительным¹³.

В июле 1764 г. Иван Антонович пал жертвой неудачной попытки освобождения из Шлиссельбургской крепости, предпринятой подпоручиком В. Я. Мировичем (1739–1764)¹⁴. После начала мятежа Иван Антонович был закован шпагами дежурных офицеров в соответствии с приказом Петра III о немедленном умерщвлении «тайного узника» в случае попытки его освобождения. Почему же Екатерина, взойдя на престол, не отменила приказ Петра III? Вероятно, она сознавала потенциальную опасность Ивана Антоновича для престола. Молодая Императрица должна была лишь утвердиться в подобном убеждении после того, как познакомилась с психическим состоянием узника. Больной Император в случае своего освобождения мог быстро превратиться в игрушку в руках злонамеренных сил, игрушку гораздо более опасную, чем самовлюбленный и ограниченный Петр III.

Действия Екатерины при всем их несоответствии современному ей духу философии Просвещения вполне отвечали древнерусским политическим традициям, освященным авторитетом Православной Церкви. Биографии равноапостольной княгини Ольги и ее внука равноапостольного князя Владимира, которые были хорошо известны Екатерине благодаря чтению «Повести Временных Лет», дают множество примеров физического устранения этими норманнскими (варяжскими) князьями своих политических противников, среди которых древлянские старейшины (в случае с Ольгой) и родные братья (в случае с Владимиром). Екатерина серьезно интересовалась историей Древней Руси, сюжеты которой впоследствии использовала для написания собственных театральных пьес. Вероятно, Екатерина весьма своеобразно воспринимала святость Ольги и Владимира, рассматривая этих средневековых князей в первую очередь как успешных политиков. Известно, что Екатерина до самых преклонных лет зачитывалась сочинениями Полибия и Плутарха, выразивших античный героический идеал правителя-воина, воплотившийся в образах Александра, Деметрия Полиоркета, Сципиона, и, разумеется, Цезаря.

При этом Императрица мало интересовалась собственно византийскими историческими сюжетами, предпочитая им Античность и Древнюю Русь. Вследствие достаточно позднего и поверхностного знакомства с византийской историей (государыня начала читать труд Гиббона в начале 1790-х гг., но забросила чтение, остановившись на описании событий V в.), Екатерина в период расцвета своей политической деятельности искала воплощение античного идеала политика прежде всего в древнерусской политической жизни, рассматривая «Греческий проект» как будущий своеобразный культурно-политический синтез античных форм и древнерусских идеалов. По меткому замечанию современного византиниста, «облик екатерининской Византии являл причудливое смешение греческой Античности, российской современности и Древней Руси»¹⁵. Очевидно, что подобные идеи зрели в душе государыни на протяжении многих лет и зародились, вероятно, еще до переворота.

¹³ Император Иоанн Антонович. 1740–1764 // Русская старина. 1879. Т. XXIV. С. 497–508; Т. XXV. С. 291–306; Т. XXVI. С. 493–506; Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 333–348.

¹⁴ Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 349–376.

¹⁵ Иванов С. А. Византия Екатерины Великой // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. № 2. С. 674.

Поэтому ради сохранения престола Екатерина, как и в ночь перед июньским переворотом 1762 г., буквально следовала примерам Ольги и Владимира. Указ Петра III о ликвидации Ивана Антоновича в случае попытки его освобождения отменен Екатериной не был. Подпоручик Минович был арестован, судим и казнен на Сытнинской площади Петербурга 15 сентября 1764 г. Бунтовщик был обезглавлен, а тело его затем было сожжено вместе с эшафотом¹⁶. Жестокость казни, проведенной в центре столицы, более двадцати лет не видевшей ничего подобного, носила показательный и назидательный характер, призванный подчеркнуть решимость Императрицы бороться с «ворами и изменниками».

После ареста Миновича Екатерина из человеколюбия запретила подвергать его пыткам, что дало основание для позднейшей легенды о том, что Императрица будто бы сама инициировала попытку освобождения Ивана Антоновича, дабы спровоцировать его убийство офицерами охраны, а Миновича пытать запретила, опасаясь, что под пыткой он назовет сообщников, среди которых могли оказаться приближенные Императрицы. Подобная легенда ничем не обоснована и носит характер мистификации в еще большей степени, чем легенда об организации Екатериной убийства Петра III. Заключение Ивана Антоновича сам по себе не представлял для Екатерины никакой опасности. Опасность представляло лишь его освобождение заговорщиками. Поэтому в организации Императрицей столь хитрой и рискованной комбинации по устранению Ивана Антоновича не было особого смысла. Если бы Екатерина действительно желала физического устранения Ивана Антоновича (как и Петра III), гораздо проще было доверить это дело преданному и решительному офицеру, для которого достаточно было устного приказа обожаемой государыни. Кроме того, текст манифеста, написанный Миновичем от лица Ивана Антоновича накануне попытки его освобождения, настолько наивен и примитивен, что может служить исчерпывающим доказательством непричастности Екатерины к попытке освобождения несчастного узника в целях политической провокации¹⁷. Составить подобный текст мог только малообразованный человек, действовавший на свой страх и риск. С этой точки зрения весьма красноречив пассаж манифеста, сообщающий о том, что Екатерина «опоила» Императора Петра III... Подобное выражение сразу же вызывает ассоциации с пропагандой сторонников царевны Софьи Алексеевны, которые в 1698 г. распространяли слухи о том, что немцы в Голландии «опоили и подменили царя Петра». Вероятно, Жан Анри Кастера в своей версии отравления Петра III также опирался на подобные «народные» слухи.

В сентябре 1762 г. Екатерина была коронована и стала самодержавной Императрицей России. Однако переворот 1762 г., встреченный с энтузиазмом солдатами и офицерами гвардии, а также жителями Санкт-Петербурга, вызвал брожение на окраинах империи, которое привело к новому расцвету самозванчества. Самым страшным самозванцем не только екатерининской эпохи, но и всей двухсотлетней истории Императорской России стал донской казак Емельян Пугачев (1742–1775), поднявший в 1773 г. бунт яицких казаков и инородцев и провозгласивший себя выжившим Императором Петром III. Пугачевский бунт вылился в настоящую кровавую гражданскую войну, своим размахом напоминая казацкие мятежи XVII в. и охватившую значительные территории Приуралья и Поволжья.

Пугачевщина совпала по времени с появлением в Европе еще одного самозванца — женщины, выдававшей себя за дочь Императрицы Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского и известной под именем Елизаветы Владимировой или же княжны Таракановой (1745/1753–1775). Несмотря на то, что княжна Тараканова, по всей видимости, была авантюристкой, искренне верившей в свое Императорское происхождение, тем не менее она приобрела определенное политическое влияние при европейских дворах, осложнявшее внутривнутриполитическое положение России, и представляла

¹⁶ Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 393–396.

¹⁷ Мадарица И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 72–73; Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. II. Берлин, 1900. С. 381–382.

известную опасность для Императрицы Екатерины II в период завершения Первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.¹⁸

Политический масштаб и значение этих самозванцев в известной степени позволяют сопоставлять их со знаменитыми самозванцами периода Смутного Времени и дают основание говорить о возрождении византийского политического феномена в русской общественной жизни эпохи «просвещенного абсолютизма». Трагические события, связанные с деятельностью Пугачева и княжны Таракановой, многократно становились предметом изучения историков и осмысления писателей, поэтому нет необходимости подробно на них останавливаться. Более важной задачей является исследование отношения к самозванчеству их венценосной соперницы — Императрицы Екатерины II, которая хотя и захватила власть при помощи вооруженной силы, но опиралась при этом не на мнимое происхождение, а на общественный договор, выраженный гвардией. По справедливому замечанию известного русского предпринимателя Н. Е. Врангеля (1847–1923) (отца последнего главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля (1878–1928)), дворцовые перевороты гвардии являлись в русской истории XVIII в. коррекцией абсолютизма¹⁹.

В распоряжении исследователей сохранились письма Екатерины II, адресованные генерал-майору П. С. Потемкину (1743–1796), генерал-аншефу графу П. И. Панину (1721–1789), Вольтеру (1694–1778) и другим лицам, в которых Императрица достаточно подробно излагает свое отношение к пугачевщине и отдает распоряжения, направленные на скорейшее подавление бунта. Эти письма уже привлекали внимание ряда ученых, исследовавших историю пугачевского бунта, однако с нашей точки зрения отношение Екатерины II к Пугачеву и пугачевщине требует специальной характеристики, которая призвана уточнить ряд важных аспектов политического и культурно-исторического мировоззрения Императрицы. Как отмечает современный исследователь С. С. Кочережко, Екатерина в своих письмах осуждала пугачевский бунт не столько как явление, угрожавшее ее личной власти, сколько как политический процесс, несущий разрушение Империи, разорение Российской государственности. Императрица, в частности, писала: «После Тамерлана, я думаю, едва ли найдется кто либо другой, кто более истребил рода человеческого... он вешал без пощады и всякого суда всех лиц дворянского рода, мужчин, женщин и детей, всех офицеров, всех солдат, какие ему только попадали в руки: ни единое местечко, по которому он прошел, не избегло расправы его; он грабил и опустошал даже те места, которые, чтоб избегнуть его жестокостей, пытались заслужить его расположение добрым приемом: никто не был у него безопасен от разбоя, насилия и убийства... Мерзкая сия история славу Империи повреждающая..., коя... нас отсылала во мнении всей Европы к варварским временам от двух сот лет назад к крайнейшему моему сожалению...»²⁰ Пугачевский бунт, по мнению Екатерины, отбрасывал Россию в эпоху Тамерлана (1336–1405) и компрометировал Российскую Империю в общественном мнении при европейских дворах. Этот тезис Императрицы является ключевым для понимания ее политической философии и в полной мере демонстрирует ее политическое кредо, которое заключалось в следовании историческим заветам Петра Великого.

Заключение

Таким образом, поиски происхождения пугачевщины в истории Средневековья — правда, не византийского, а русского, — предпринятые Екатериной II, были совершенно адекватны и оправданны с точки зрения тех политических перспектив,

¹⁸ Гребениčkова Г. А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. II: Секретные экспедиции русского флота. СПб.: Остров, 2020. С. 315–468, 531–494.

¹⁹ Мы благодарим уважаемого д. и. н., профессора К. М. Александрова за устную консультацию.

²⁰ Кочережко С. С. Некоторые вопросы восприятия Екатерины II восстания Е. И. Пугачева. 1773–1775 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 58–71.

которые предлагал стране Емельян Пугачев. Как уже было отмечено, Екатерина с юности благоговела перед Античностью, но в не меньшей степени она была очарована Древней Русью. Поэтому попытки Екатерины сопоставить современные социально-политические явления с событиями из истории средневековой Руси вполне закономерны и проистекают из ее историософии и мирозерцания.

Благодаря Петру Россия стала Империей, несущей цивилизацию варварским окраинам, и с этой точки зрения, по мнению Екатерины, Россия была призвана развиваться не как степной Туран средневековых Тимуридов, а как современная военноморская держава. Екатерина сравнивает самозванца Емельяна Пугачева с Тамерланом, ибо Пугачев воевал в тех же местах, где когда-то Тамерлан воевал против Тохтамыша, опирался на поддержку кочевых и полукочевых племен, некогда признавших господство Тамерлана, и подобно Тамерлану жестоко уничтожал тех, кто служил России. Нам представляется закономерным, что в своем отношении к мужу — Петру III, и к потенциальному конкуренту Ивану Антоновичу, фактически превратившемуся в русскую «железную маску», Екатерина следовала тому же самому петровскому принципу, заключавшемуся в защите чести и достоинства России. Ради процветания государства, ставшего для нее новой родиной, Екатерина с последовательным протестантским рвением низвергла с политического олимпа Петра III и устранила со своего пути Ивана Антоновича, воспользовавшись неудачной попыткой его спасения. Позднее хрупкая Екатерина железной рукой задушила бунт казацкого самозванца, который в своей борьбе против Империи сочетал средневековый террор Тамерлана и политическую демагогию византийских Лже-Диогенов.

Источники и литература

Источники

1. Император Иоанн Антонович. 1740–1764 // Русская старина. 1879. Т. XXIV. С. 497–508; Т. XXV. С. 291–306; Т. XXVI. С. 493–506.
2. *Catherine II. Mémoires de l'impératrice Catherine II écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen.* Londres, 1859.
3. *Dashkova E. The Memoirs of the Princess Dashkova Lady of Honour to Catherine II,* by W. Bradford. Vol. I–II. London, 1840.

Литература

4. *Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 1998.
5. *Бильбасов В. А.* История Екатерины второй. Т. I–II. Берлин, 1900.
6. *Гребенищикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. II: Секретные экспедиции русского флота. СПб.: Остров, 2020.
7. *Иванов О. А.* Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф. 2007.
8. *Иванов О. А.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1996. № 2. С. 36–38; № 3. С. 25–28.
9. *Иванов С. А.* Византия Екатерины Великой // *Quaestio Rossica.* 2021. Vol. 9. № 2. С. 666–678.
10. *Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб.: Ленидат, 1992.
11. *Кочережко С. С.* Некоторые вопросы восприятия Екатерины II восстания Е. И. Пугачева. 1773–1775 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 58–71.

12. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
13. *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М.: Молодая Гвардия, 2003.
14. *Сафонов М. М.* Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59.
15. *Сафонов М. М.* К истории убийства Петра III (Е. Р. Дашкова и Ф. В. Ростопчин) // Die Deutschen in Sankt Petersburg. Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). 2011. № 6. С. 34–54.
16. *Сафонов М. М.* «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113–128.
17. *Сафонов М. М.* «Полк Его Высочества». Как Густав Румберг стал Карлом Ивановичем Лаухом // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

В. А. Капитонов

**Авторизованные гомилии — забытый
государственно-конфессиональный проект
в Англии начала Нового времени**

УДК 94(410)"15"+273.4-67-475:322(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_22
EDN XUAPXE

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению важного явления английской Реформации — корпуса Авторизованных гомилий, также известного как «Вторая книга гомилий». В статье предлагается историческая ретроспектива и анализ ключевых факторов формирования и аспектов функционирования данного корпуса текстов. Дается характеристика социо-религиозного контекста эпохи, который обеспечил появление корпуса Авторизованных гомилий. В работе автор показывает, что «Вторую книгу гомилий» необходимо рассматривать не только в качестве явления религиозного порядка, но как часть масштабного государственно-конфессионального проекта, служившего целям преобразования коллективного восприятия новой религиозной доктрины.

Ключевые слова: англиканство, Реформация в Англии, «Вторая книга гомилий», Авторизованные гомилии, Елизаветинская эпоха.

Об авторе: **Владислав Алексеевич Капитонов**

Магистр религиоведения (МГУ им. М. В. Ломоносова), выпускник магистратуры Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: kapitvlad@gmail.com

Для цитирования: Капитонов В. А. Авторизованные гомилии — забытый государственно-конфессиональный проект в Англии начала Нового времени // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 22–33.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Vladislav A. Kapitonov

**Authorized Homilies – a Forgotten
State-Confessional Project
in Modern era England**

UDC 94(410)"15"+273.4-67-475:322(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_22
EDN XUAPXE

Abstract: The article is dedicated to the consideration of an important phenomenon of the English Reformation – the corpus of Authorized Homilies, also known as the “Second Book of Homilies”. The article offers a historical retrospective and analysis of the key factors in the formation and of the aspects of the functioning of this corpus of texts. The article offers a characteristic of the socio-religious context of the era, which ensured the emergence of the corpus of Authorized Homilies. In this work the author shows that the “Second Book of Homilies” should be considered not only as a religious phenomenon, but also as a part of a large-scale state-confessional project that served the purpose of transforming the collective perception of the new religious doctrine.

Keywords: anglicanism, Reformation in England, “The Second Book of Homilies”, Authorized Homilies, Elisabethan era.

About the author: **Vladislav Alekseyevich Kapitonov**

Master in Religious studies (Lomonosov Moscow State University), Master’s graduate of St-Petersburg Theological Academy.

E-mail: kapitvlad@gmail.com

For citation: Kapitonov V. A. Authorized Homilies – a Forgotten State-Confessional Project in Modern era England. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 22–33.

Рассуждая об истории и идеях раннего протестантизма, принято рассматривать его родоначальников, их тезисы, изложения веры и катехизисы. Однако эти труды становятся, в первую очередь, методом донесения протестантских идей до аристократии, дворянства и других представителей элиты средневекового европейского общества. Все это были люди, способные воспринимать новое учение в форме кратких исповеданий и тезисов, при этом хорошо понимая, что стоит за краткими письменными формулировками. Однако если вопрос распространения реформаторских идей сводить только до диалога с элитой, возникает важная проблема: распространение основ веры и ее ключевых положений никак не затрагивает широкие массы населения страны, в том числе и безграмотной его части. Для популяризации новых идей нужна была иная, более доходчивая форма.

В своей книге «Церковные суды и церковная дисциплина» («Church courts and Church discipline», 1843) писатель и церковнослужитель Роберт Уилберфорс (Robert Wilberforce) обращается к тексту Авторизованных гомилий как к самодостаточному источнику англиканского вероучения: «Гомилии сообщают нам критерии, по которым всегда можно определить истинную Церковь: «<...> чистое и ясное учение; совершение Таинств в соответствии со святыми Христовыми установлениями; и верное употребление церковной дисциплины»¹. Почти три столетия спустя после их издания Гомилии не были совершенно забыты и воспринимались образованными англиканами в качестве доктринального авторитета. В сам же момент своего появления на свет данный корпус текстов был ничем иным как инструментом унифицированной и массовой трансляции новых религиозно-политических смыслов.

Контекст формирования корпуса Авторизованных гомилий

В коммуникационном контексте XVI в. для максимально широкого охвата преимущественно неграмотного населения единственным методом являлось устное выступление в области скопления значительного числа людей. Вполне самоочевидно, что наиболее подходящей организованной структурой подобного рода являлись отнюдь не магистраты, но приходские церкви. И действительно, широко известно, что континентальный и островной протестантизм XVI в. характеризовался возрастающей ролью устной проповеди. Вербальный подход к качественному массовому распространению новых идей имел вполне очевидный недостаток, — он нуждался в подготовленных кадрах, которые были бы искусными проповедниками.

Продолжительный период волнообразной Реформации привел к тому, что к началу правления королевы Елизаветы Англиканская Церковь испытывала явный кадровый голод. К примеру, в 1554 г. в южном Ланкашире было 172 священника, а девять лет спустя, в 1563 г., уже 98 священников². В епархии Эли на 1561 г. только в трети всех церквей были штатные священники. Такая же ситуация наблюдалась в 1563 г. в Саффолке³.

Подобная значительная нехватка духовенства означала одно: огромное число простого народа было предоставлено в религиозном отношении самому себе или инициативе отдельных религиозных просветителей, деятельность которых не регулировалась государством или Церковью. В отношении социо-религиозного поля ситуация была вполне сравнима с началом 90-х годов XX в. в России. Сходство продолжается и в том, что англиканский епископат принял такую же методику решения проблемы: срочное насыщение Церкви кадрами, способными выполнять требуемый минимальный функционал, за счет резкого понижения требований к качеству подготовки данных кадров.

¹ «The Homilies inform us what are the criteria by which a true Church may always be recognized: «<...> pure and sound doctrine, the sacraments ministered according to Christ's holy institution, and the right use of ecclesiastical doctrine».

² *Haigh Ch.* English reformations: religion, politics, and society under the Tudors. Oxford University Press. 1993. P. 249.

³ *Ibid.*

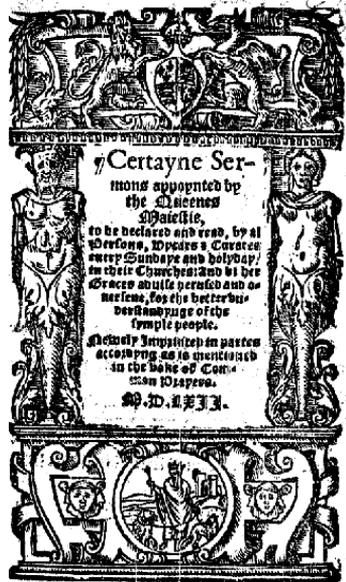
К примеру, заняв лондонскую кафедру в 1559 г., епископ Эдмунд Гриндал (Edmund Grindal) за семь месяцев рукоположил 110 священников⁴.

Очевидно, что формальные профессиональные качества новых клириков были принесены в жертву их числу. Подобные решения не могли не сказаться на качестве проповеди. О дезорганизации проповеднической деятельности пишет и Э. Бикнелл, отмечая при этом, что «образованных и умелых проповедников было немного, да и среди них многие были слишком вспыльчивыми»⁵. Это, в свою очередь, вело к пренебрежению проповедью как таковой со стороны прихожан: во время ее произнесения было в порядке вещей затеять разговор, пойти погулять по церковному дворику или пропустить кружку эля⁶.

Подобная нерегулируемая ситуация не могла быть выгодна ни Церкви, ни государству. Никакое единичное вторжение умелого проповедника в хаотичное социо-религиозное пространство не было способно завершить путь Реформации. Вариативность проповеднических практик, совсем не означающая их качества, должна была уступить место некоей системе регулярного учительства. Именно такое обоснование для унификации посредством Авторизованных гомилий мы встречаем в Королевских наказах Елизаветы I:

«...поскольку из-за отсутствия проповедников во многих местах царств и владений королевы люди остаются в невежестве и слепоте, все пасторы, викарии и кюре должны каждое воскресенье читать в своих церквах одну из гомилий, которые есть и будут изданы для данной цели властью Ее Королевского Величества»⁷.

Об этих же причинах рассуждает и архиепископ Уильям Лод (William Laud): «Я полагаю, что там, где нет даров, позволяющих людям проповедовать, может быть законное и полезное использование чтения печатных проповедей и гомилий; и в таких обстоятельствах вполне законно их слушать. <...> Я говорю, что если такая «книга проповедей» будет составлена по указанию Церкви и издана властью Короля и Парламента, как Книга общих молитв, <...> то такая книга, предназначенная не для «публичного богослужения», а для «общественного наставления», <...> могла бы быть использована с большой пользой; да, и гораздо большей, чем многие проповеди настоящего времени, которые каким-то образом ничему не учат, разве что непослушанию князьям и всякой власти под ложным предлогом послушания Богу»⁸.

Титульный лист Книги Гомилий. Издание 1562 г.

⁴ Ibid.

⁵ Bicknell E. J. A Theological introduction to the Thirty-Nine Articles of the Church of England. Glasgow University Press, 1946. P. 402.

⁶ Haigh Ch. Reformation and resistance in Tudor Lancashire. Cambridge University Press, 1975. P. 170.

⁷ «...Because through lack of preachers in many places of the Queen's realms and dominions, the people continue in ignorance and blindness, all parsons, vicars, and curates shall read in their churches every Sunday one of the homilies which are and shall be set forth for the same purpose by the Queen's majesty's authority» (Visitation articles and injunctions of the period of the Reformation. London: Longmans, Green & Co., 1910. P. 18).

⁸ «I conceive, where there are no gifts enabling men to preach, there might be a lawful and profitable use of reading of printed sermons and homilies; and in such cases they might very lawfully be heard. <...> I say, if such 'a book of sermons' should be so set out, by the Church direction, and published by the authority of King and Parliament, as the Book of Common Prayer is <...> I do then think, such a book, not devised for public worship, but for 'public instruction,' <...> might be used with great profit; yea, and with far more than many sermons of the present time, which do in a manner teach nothing

Существующая неоднородность проповеднических практик в религиозном поле, которая не была способна стать отправной точкой для созидательной трансформации социума, стала средой, в которой с исторической неизбежностью возникла необходимость появления корпуса Авторизованных гомилий.

Автор и актер

Портрет епископа Джона Джуэла.
Гравюра

Создание Авторизованных гомилий представляло собой комплексный процесс. На данный момент исследователями не установлено авторство всех текстов, однако достоверно известно имя редактора и, как считается, автора большей части гомилий рассматриваемого сборника. Им был епископ Джон Джуэл (John Jewel). В жизнеописании епископа, предвещающем текст его программного сочинения «Апологии Церкви Англии»⁹, встречаются следующие слова: «Первым и поистине лучшим писателем времен королевы Елизаветы был епископ Джуэл. Кто может похвалиться таким значительным участием во всем, что тогда делалось? В частности, в составлении “Второй книги гомилий”»¹⁰. Традиционный взгляд на епископа Джона Джуэла как на главного создателя сборника отражен и в предисловии к антологии его трудов: «Очевидно, что традиция, которая присваивает епископу Джуэлу ключевое значение в деле подготовки “Второй Книги Гомилий”, может быть подтверждена косвенными свидетельствами»¹¹. Под косвенными свидетельствами подразумевается литературный стиль, который показывает, что епископ Джуэл лично был автором не менее половины проповедей¹². Среди авторов остальных гомилий обычно упоминают других

ярких представителей реформаторского движения, среди которых были даже идеологические изгнанники в период правления Марии Тюдор: архиепископы Мэттью Паркер (Matthew Parker) и Эдмунд Гриндал (Edmund Grindal), епископ Джеймс Пилкингтон (James Pilkington), а также Ричард Тавернер (Richard Taverner).

Говоря об авторстве, нельзя обойти стороной вопрос вовлеченности королевы Елизаветы I в процесс создания текстов сборника¹³. Упомянутые исследователями косвенные свидетельства не позволяют однозначно утверждать, имело ли место

but disobedience to princes and all authority, under a false pretence of obedience to God» (The Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D. D. Oxford: John Henry Parker, 1857. P. 113–115).

⁹ Современники крайне высоко оценили значение «Апологии». В ходе Конвокации 1563 г. даже оформилось движение за признание «Апологии» в качестве постоянного вероучительного стандарта, наряду с «39 Статьями».

¹⁰ Jewel J. An apology for the Church of England. London: John Hearne, 1829. P. CXVIII.

¹¹ The Works of John Jewel, D. D. Bishop of Salisbury. Vol. 1. Oxford University Press, 1848. P. XVI.

¹² The Two Books of Homilies appointed to be read in churches. Oxford University Press, 1859. P. XVII.

¹³ Ibid. P. XVII–XXI.

непосредственное участие королевы в правках текста или же при ней работала некая особая королевская комиссия. В пользу непосредственного участия Елизаветы британские исследователи выдвигают аргумент, что правки, которые касаются вопросов использования священных изображений, могли поступить только лично от самой королевы, которая, как известно, сохраняла изображение Распятия в своей собственной часовне¹⁴. В пользу теории о комиссии можно привести замечания, что изменения, которые касались некоторых нюансов церковных обрядов и богословских тонкостей о личности Христа, могли быть предложены только образованным духовным лицом. Впрочем, в условиях почти полувекового религиозного кризиса нельзя однозначно отрицать возможность того, что королева вполне разбиралась в ряде богословских вопросов¹⁵. В любом случае, оправданно утверждать непосредственную вовлеченность монаршего авторитета в процесс создания корпуса Авторизованных гомилий.

Комплексная работа по приведению в мир «Второй книги гомилий», включавшая в себя клирикальное авторство, монарший авторитет и санкционную силу Конвокации 1563 г., позволяет охарактеризовать сборник как государственно-конфессиональный проект. Впрочем, подобная характеристика предполагает равноправный союз двух акторов: государства и Церкви. В условиях перетекания в политическое тело монарха важных функций, которые прежде существовали исключительно как церковные, мы уже не можем говорить о равенстве акторов.

Английская реформация по сути усваивала достоинство *vicarius Christi* только королевскому служению, хотя терминологически Акт о супрематии от 1534 г. и не допускал подобных выражений. Елизаветинские королевские указы относительно религии провозглашали верховенство королевской власти в первом же пункте:

Во-первых, все настоятели, архидиаконы, пасторы, викарии и все другие церковные лица должны сами добросовестно соблюдать, и, насколько это возможно, обеспечивать соблюдение другими, всех и каждого закона и статута, изданных с целью возвращения короне древней юрисдикции над церковью в государстве и упразднения всякой иностранной власти, противоречащей сей королевской власти¹⁶.

Реформационные процессы оформляли королевство как систему, «управляемую королем в качестве викария Христа и направляемую служителями церкви»¹⁷. В тех же указах мы встречаем предписание неукоснительно соблюдать церковные церемонии и богослужения, которые предписаны отнюдь не церковным авторитетом, как это можно было бы ожидать, но «публичной», т. е. «политической» властью¹⁸. Даже «Проповедь о добрых делах» из «Второй книги гомилий» говорит об обязанности подчиняться магистратам, как Божим служителям.

В условиях главенствующей роли монарха инкорпорированная в политикогосударственное пространство Церковь все же располагала авторитетом и санкционирующей властью, что говорит о составном характере властного актора, который

¹⁴ Griffiths J. The two books of homilies appointed to be read in churches. Oxford: The University Press, 1859. P. XXI–XXII.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «The first is, that all deans, archdeacons, parsons, vicars, and all other ecclesiastical persons, shall faithfully keep and observe, and as far as in them may lie shall cause to be observed and kept of other, all and singular laws and statutes made for the restoring to the crown the ancient jurisdiction over the state ecclesiastical and abolishing of all foreign power repugnant to the same» (Hughes P., Larkin J. Tudor Royal Proclamations. Vol. 2: The later Tudors (1553–1587). Yale University Press, 1969. P. 118).

¹⁷ Канторович Э. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 306. Хотя данная цитата и относится к политическому трактату второй половины XIII века, именно процесс Реформации полноценно религиозно легитимизировал и закрепил в Западной Европе доминирующее положение светской власти по отношению к церковной.

¹⁸ Hughes P., Larkin J. Tudor Royal Proclamations. Vol. 2: The later Tudors (1553–1587). Yale University Press, 1969. P. 123.

не исчерпывался лишь королевской фигурой¹⁹. Чтобы уйти от двойственного описания актора как государственно-конфессионального, нам видится возможным воспользоваться термином Э. Х. Канторовича *corpus reipublicae mysticum* (мистическое тело государства), в котором слово «мистическое» подчеркивает заимствование термина из церковного богословского обихода, но при этом употребляется синонимично «политическому» и «публичному» телу государства, которое в Англии «определялось не только королем (т. е. одной главой), но королем вместе с советом и парламентом»²⁰, а для нашего конкретного случая — королем и Конвокацией. В условии единства устремлений, обеспечиваемого монархическим единоначалием, мы вправе говорить о публичном теле государства именно как об интенциональном акторе, выступившим инициатором комплексного процесса создания корпуса Авторизованных гомилий.

Системный фон и функционал

Французский исследователь Режи Дебре говорит, что печатная продукция подорвала церковную иерархию, обойдя ее стороной. Это утверждение в целом справедливо, т. к. описанная трансформация частично забрала у духовенства одну из классических пастырских обязанностей — учительство. Стандартизированная проповедь, лишённая личного измерения, нивелирует роль персоны священнослужителя, выводя его за рамки процесса наставления и научения конгрегации, которая постепенно привыкает, что получение информации подобного рода не должно быть непременно отождествлено с клириком их приходской церкви.

Стоит отметить, что уникальность корпуса Авторизованных гомилий заключалась в том, что она не была сборником текстов, на которых духовенству просто рекомендовалось бы основывать свои собственные проповеди. Подобная практика не имела бы никаких принципиальных отличий от дореформенной (в XV в.), когда, как считается, книжные собрания того или иного объема были приблизительно у 25% приходского духовенства²¹. Одной из самых часто встречающихся книг была «Золотая легенда» (*Legenda aurea*), которая была хорошо известна еще в допечатную эпоху, но с изобретением пресса стала более доступна для рядового приходского священника, который использовал ее сюжеты в качестве основы или примеров для своих проповедей²². Однако «Золотая легенда» была не только достоянием личной библиотеки. Подобно Гомилиям, она использовалась и непосредственно для чтения вместо проповеди. Об этом свидетельствует переписка епископа Стивена Гардинера (*Stephen Gardiner*) об употреблении «Золотой легенды» и «Книги праздников», в которой он говорит, что «никогда особо не пытался удостоверять или порицать те истории, которые ... принято читать в Церкви»²³ и «хотел бы, чтобы Церковь вовсе не терпела чтения в ней ничего ... кроме Писаний или очень достоверных историй»²⁴. Несмотря на определенную схожесть, практику чтения «Золотой легенды» и «Второй книги гомилий» отличает нормативная база, делающая чтение Гомилий обязательным, и на основе которой за этим осуществлялся надзор.

Государство и Церковь предприняли целый ряд формальных мер для того, чтобы создать для Гомилий вполне функциональное пространство. Уже сама публикация первого сборника признавалась как фундаментальное политическое событие, закрепившее желание монархии всерьез заниматься пропагандой новой веры²⁵. Но комплекс мер был значительно шире.

¹⁹ Ibid. P. 325–326.

²⁰ Ibid. P. 326.

²¹ *Harper-Bill C.* The pre-Reformation church in England, 1400–1530. New York, 1989. P. 76.

²² Ibid.

²³ *Muller J.* Stephen Gardiner and the Tudor reaction. New York: Macmillan Co., 1926. P. 156.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Bordot L.* The Bible and Protestant Inculturation in the Homilies of the Church of England // The Bible in the Renaissance: Essays on biblical commentary and translation in the fifteenth and sixteenth centuries. Ashgate, 2001. P. 150–151.

Во-первых, любая устная проповедь, не являвшаяся чтением Гомилий, была запрещена, только если проповедник не обладал специальной лицензией. При королеве Елизавете I практика регулирования проповеднической деятельности встречается уже в прокламации 1558 г.:

...в соответствии с полномочиями, предоставленными Ее Величеству для мирного управления всеми ее подданными, она сочла необходимым поручить и повелеть всем своим подданным, как тем, которые призваны к служению в Церкви, так и всем прочим, что им надлежит воздерживаться проповедовать или учить, или преподавать слушателям какую-либо форму научения или проповеди, кроме Евангелий и Посланий, обычно называемых Евангелием и Посланием дня, и Десяти Заповедей, читаемых на народном наречии и без прибавления объяснения...²⁶

Правом выдачи лицензий на осуществление проповеднической деятельности обладали епархиальный епископ, университет и королевская власть. Соблюдение данного требования вменялось в обязанность церковным старостам, как следует из циркулярного письма архиепископа Мэтью Паркера (Matthew Parker):

Вы ни в коем случае никому не должны позволять учить публично или в частном порядке, читать или проповедовать в какой-либо из указанных церквей, часовен, частных домов или в иных местах, разве что таковые люди имеют лицензию на право проповеди, чтения и учительства по велению Ее Королевского Величества, с разрешения архиепископа Кентерберийского или епископа епархии²⁷.

Во-вторых, чтение Гомилий регулировалось уже упоминавшимися королевскими прокламациями и предписаниями, согласно которым оно должно было совершаться каждый воскресный день, за исключением тех случаев, когда на приходе оказывался лицензированный проповедник, произносящий проповедь не по написанному. Нормировался и характер произнесения гомилий: клирику предписывалось читать их спокойно, ясно и четко, с чем, очевидно, возникали проблемы.

Как видно из нормативных документов, в елизаветинскую эпоху существовала необходимость регулировать общественную дисциплину во время произнесения проповеди или чтения Гомилий:

Во время ектении, общей молитвы, проповеди или чтения священником Писания прихожанам, никакие лица без уважительной и неотложной причины да не бродят по храму и не выходят из церкви²⁸.

²⁶ «...According to the authority committed to her highness for the quiet governance of all manner her subjects, thought it necessary to charge and command... all manner of her subjects, as well those that be called to ministry in the Church as all others, that they do forbear to preach or teach or to give audience to any manner of doctrine or preaching other than to the Gospels and Epistles, commonly called the Gospel and Epistle of the day, and to the Ten Commandments in the vulgar tongue without exposition to be applied or added» (*Hughes P., Larkin J. Tudor Royal Proclamations. Vol. 2: The later Tudors (1553–1587). Yale University Press, 1969. P. 102).*

²⁷ «And that in no wise ye suffer any person publicly or privately to teach, read, or preach in any of the said churches, chapels, private houses or other places, unless such be licensed to preach, read, or teach, by the Queen's Highness' authority, the archbishop of Canterbury his license, or by the license of the bishop of the diocese» (*Correspondence of Matthew Parker, D. D.: Archbishop of Canterbury: comprising letters written by and to him, from A. D. 1535, to his death, A. D. 1575. Cambridge University Press, 1853. P. 383).*

²⁸ «And in the time of the lityny, of the common prayer, of the sermon, and when the priest readeth the Scripture to the parishioners, no manner of persons, without a just and urgent cause, shall use any walking in the church, nor shall depart out of the church» (*Hughes P., Larkin J. Tudor Royal Proclamations. Vol. 2: The later Tudors (1553–1587). Yale University Press, 1969. P. 122).*

...никто да не отвлекает самовольно проповедника во время его проповеди²⁹.
...никто: мужчина, женщина или ребенок, — да не будут заняты во время богослужения чем-либо, разве что в тишине присутствуют, чтобы слушать, отмечать и понимать то, что читается, проповедуется и служится³⁰.

Кроме того, нормативно предписывалось избирать для каждого прихода по 3–4 человека, которые бы осуществляли на местном уровне контроль за тем, чтобы члены прихода посещали богослужения каждое воскресенье, присутствовали на протяжении всей службы и вели себя достойным образом³¹. При этом судебной юрисдикцией по вопросам посещения церкви обладали как церковные, так и светские суды, что характеризует посещение церкви по воскресным и праздничным дням как важный элемент взаимодействия публичного тела государства с народными массами, который требуется строго контролировать³². Исследователь Ричард Вундерли (*Richard Wunderli*) пишет, что судебные прецеденты действительно содержат свидетельства приходских священников и старост, сообщавших в контролирующие инстанции о тех прихожанах, которые пренебрегали посещением воскресных и праздничных служб. Хотя дел против таких прихожан было немного, однако же обвиняющая сторона могла быть довольно настойчивой, чтобы продемонстрировать соблюдение общественных норм³³. Все это позволяет утверждать, что государством были предприняты беспрецедентные комплексные меры по созданию условий для регулярного и контролируемого распространения требуемого комплекса идей, изменяющих отношение рядового прихожанина к религиозным практикам и формирующих у него обновленное восприятие социально-политической реальности.

Впрочем, мы ни в коем случае не должны идеализировать созданную систему, которая, очевидно, имела изъяны, мешавшие восприятию новой религиозной пропаганды. По своему характеру Гомилии тяготеют к богословским трактатам, что накладывает отпечаток на их структуру, усложняющую восприятие текста на слух. При этом никуда не пропадали и внешние факторы. В записях лондонского суда консистории (*Consistory court of London*) за 1607 г. значится дело, в котором викарий требует принять меры для починки действующей церкви. Из судебного разбирательства следует, что даже в функционирующем приходском храме, в котором не пренебрегают произнесением проповеди, ее восприятие может быть затруднено неожиданными внешними факторами:

Окна не застеклены, птицы оскверняют церковь и производят такой шум, что невозможно нормально слышать божественную службу и проповедь³⁴.

Еще одним слабым местом системы был процесс распространения самих книг по приходам. Оправданно предположить, что церкви укомплектовывались Гомилиями по такой же схеме, как до этого новыми Библиями и «Книгами общих молитв». Так, в 1541 г. была выпущена королевская прокламация, в которой каждому приходу не только предписывалось приобрести по экземпляру Библии

²⁹ «...No man shall willingly let or disturb the preacher in time of his sermon» (Ibid. P. 126).

³⁰ «...No man, woman, or child, shall be otherwise occupied in the time of the service than in quiet attendance to hear, mark, and understand that is read, preached, and ministered» (Ibid. P. 126).

³¹ Ibid. P. 127.

³² Lynch S. *The Elizabethan parish in its ecclesiastical and financial aspects*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1908. P. 10.

³³ Wunderli R. *London church courts and society on the eve of the Reformation*. Cambridge, 1981. P. 122–123.

³⁴ «The windowes are unglased, birds defile the church and make such a noyse, that divine service and sermon cannott very well be heard» (*Hale W. Precedents in Causes of Office Against Churchwardens and Others*. London: Printed for J. G. F. & J. Rivington, 1841. P. 12).

на английском языке, но также и вводились денежные штрафы за неисполнение данного предписания³⁵.

Подобную уже применявшуюся методику напоминает ситуация, описанная в деле 1628 г., которое слушалось в лондонском суде консистории. Истец указывает на отсутствие в церкви Книги гомилий. Ответчик, церковный староста, показывает суду, что его знакомый, другой церковный староста, должен привезти новую Книгу гомилий по возвращении из текущей поездки³⁶. Из дела четко следует, что приход должен был сам приобрести экземпляр Гомилий, а также что за неисполнение данного требования ответственные лица были привлечены к церковному суду. Оба элемента, характеризующие практику насыщения приходов экземплярами Авторизованных гомилий, вполне напоминают методику распространения Библий и «Книги общих молитв».

Поскольку укомплектование приходов экземплярами книги возлагалось, преимущественно, на сами приходы, то инспекции нередко обнаруживали полное отсутствие Гомилий даже через несколько лет после их официального утверждения к применению. Подобные свидетельства имеются о графстве Ланкашир: «Серьезной проблемой для перспектив обращения Ланкашира было отсутствие одного или обоих томов Авторизованных гомилий. В ходе инспекций различной степени тщательности, было установлено, что в 1578 г. Гомилии отсутствовали в четырех церквях, в 1581 г. — в трех, в 1601 г. — в семи, а в 1604 г. не менее чем в восемнадцати»³⁷.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что вся масштабная система, обеспечивавшая функционирование Авторизованных гомилий, была нацелена на возвращение, как виделось идеологам Реформации, лучшего, более благочестивого общества посредством переустройства национального духовного сознания³⁸, т. е. являлась ничем иным, как вполне современной системой религиозно-политической пропаганды. Ее основной аудиторией были рядовые прихожане. Однако образовательная цель Гомилий была все же двоякой. В предисловии к «Первой книге гомилий» архиепископ Томас Кранмер (Thomas Cranmer) четко проговаривает, что тексты являются подспорьем для священнослужителей, которые не обладают проповедническим даром, чтобы наставлять свою паству. Пожалуй, качественные изменения, произошедшие с течением времени именно в этой подгруппе целевой аудитории Гомилий, стали ключевым фактором, обеспечившим постепенный уход текстов из постоянного употребления.

Заключение

В контексте реформационных процессов в Англии Гомилии становятся явлением, обусловленным трансформацией социо-культурного поля, в котором мистическое (политическое, публичное) тело государства предприняло уникальную на тот исторический момент попытку создания системы, которая бы служила целям пропаганды религиозно-политических нарративов.

Корпус Авторизованных гомилий, тексты которого были сочинены образованными церковнослужителями Церкви Англии, должны были сделать широко доступными важнейшие доктринальные идеи реформированной Церкви. При этом тексты Гомилий не отличались исключительно отвлеченным богословским содержанием. Во многих из них встречается вполне характерный синтез государственно-политического

³⁵ MacCulloch D., Hughes P. A Bailiff's List and Chronicle from Worcester // The Antiquaries Journal. 1995, September. Vol. 75. P. 244.

³⁶ «Pnted for that there is wanting a booke of cannons and a book of homilies... his partner the other churchwarden is gone to London and this rondent believeth that when ptner cometh home he will bring a new booke of homilies» (Hale W. Precedents in Causes of Office... P. 57).

³⁷ Haigh Ch. Reformation and resistance in Tudor Lancashire. Cambridge University Press, 1975. P. 244.

³⁸ The Oxford Handbook of the Early Modern Sermons. Ed. by H. Adlington, P. McCullough, E. Rhatigan. Oxford University Press, 2011. P. 348.

нарратива и нарратива церковно-конфессионального. По задумке, с каждой из кафедр «более чем в девяти тысячах приходских церквей Англии»³⁹ должно было звучать единое религиозно-политическое послание. Неграмотные представители конгрегации воспринимали бы сообщение на слух каждое воскресенье, пока цикл Гомилий не заканчивался и его чтение не начиналось вновь. Грамотные прихожане могли бы даже теснее познакомиться с текстами корпуса, т.к. книга размещалась в церкви (возможно нередко в открытом доступе) вместе с Библией и Книгой общих молитв⁴⁰.

Нормативная база, регулировавшая чтение Гомилий, а также делавшая обязательным присутствие членов конгрегации на воскресных богослужениях, в условиях XVI–XVII вв. делала взаимодействие прихожан с текстами Гомилий в качестве слушателей насколько возможно неотвратимым. При этом не только положительные предписания обеспечивали функционирование данной системы, но также и пенитенциарные меры, которые могли применяться ко всем вовлеченным в процесс, в случае несоблюдения ими его условий. Так, старосты и приходские священники попадали на скамью подсудимых за то, что пренебрегали чтением Гомилий или не обеспокоились покупкой экземпляра книги. Прихожане могли быть осуждены за неподобающее поведение в храме или отсутствие на воскресной службе. В идеальных условиях подобная система государственно-конфессиональной пропаганды была бы более эффективной, нежели пропаганда с помощью телевидения или радио.

Однако система, в которой значительными факторами являются человек и человеческие взаимоотношения, не может функционировать идеально. Она начинает давать сбои, уже начиная с предположения, что все приходские церкви были укомплектованы экземпляром «Второй книги гомилий». Как показывают судебные прецеденты, даже десятилетие спустя могли находиться церкви, в которых по каким-либо причинам книги не оказывалось.

Вторым существенным фактором, значение которого должно было бы быть минимизировано введением универсального печатного текста, так и остался приходской священник. Корпус Авторизованных гомилий, направленный на восполнение проповеднических недостатков среднестатистического приходского священника, все же оказался отчасти его заложником, поскольку от риторических навыков пастора по-прежнему зависело, насколько удачно будет озвучен прихожанам и без того не всегда простой для восприятия богословский трактат Гомилий.

Источники и литература

1. *Канторович Э.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
2. *Bicknell E. J.* A Theological introduction to the Thirty-Nine Articles of the Church of England. Glasgow University Press, 1946. 560 p.
3. *Bordot L.* The Bible and Protestant Inculturation in the Homilies of the Church of England // *The Bible in the Renaissance: Essays on biblical commentary and translation in the fifteenth and sixteenth centuries.* Ashgate, 2001. 232 p.
4. *Correspondence of Matthew Parker, D. D.: Archbishop of Canterbury: comprising letters written by and to him, from A. D. 1535, to his death, A. D. 1575.* Cambridge University Press, 1853. 510 p.
5. *Daniell D.* The Bible in English: its history and influence. New Haven: Yale University Press, 2003. 899 p.

³⁹ *Daniell D.* The Bible in English: its history and influence. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 122–123.

⁴⁰ *Hodgdon B.* The first part of King Henry the Fourth: texts and contexts. Boston: Bedford Books, 1997. P. 172.

6. *Griffiths J.* The two books of homilies appointed to be read in churches. Oxford: The University Press, 1859. 630 p.
7. *Haigh C.* English reformations: religion, politics, and society under the Tudors. Oxford University Press, 1993. 367 p.
8. *Haigh C.* Reformation and resistance in Tudor Lancashire. Cambridge University Press, 1975. 377 p.
9. *Hale W.* Precedents in Causes of Office Against Churchwardens and Others. London: Printed for J. G. F. & J. Rivington, 1841. 119 p.
10. *Harper-Bill C.* The pre-Reformation church in England, 1400–1530. New York, 1989. 135 p.
11. *Hodgdon B.* The first part of King Henry the Fourth: texts and contexts. Boston: Bedford Books, 1997. 419 p.
12. *Hughes P., Larkin J.* Tudor Royal Proclamations. Vol. 2: The later Tudors (1553–1587). Yale University Press, 1969. 543 p.
13. *Lynch S.* The Elizabethan parish in its ecclesiastical and financial aspects. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1908. 93 p.
14. *MacCulloch D., Hughes P.* A Bailiff's List and Chronicle from Worcester // The Antiquaries Journal. 1995, September. Vol. 75. P. 235–253.
15. *Muller J.* Stephen Gardiner and the Tudor reaction. New York: Macmillan Co., 1926. 429 p.
16. The Oxford Handbook of the Early Modern Sermons. Ed. by H. Adlington, P. McCullough, E. Rhatigan. Oxford University Press, 2011. 608 p.
17. The Oxford illustrated history of Tudor & Stuart Britain. Oxford University Press, 1996. 487 p.
18. The Two Books of Homilies appointed to be read in churches. Oxford University Press, 1859. 611 p.
19. Visitation articles and injunctions of the period of the Reformation. London: Longmans, Green & Co., 1910. 386 p.
20. The Works of John Jewel, D. D. Bishop of Salisbury. Vol. 1. Oxford University Press, 1848. 643 p.
21. The Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D. D. Vol. 6. Oxford: John Henry Parker, 1857. 358 p.
22. *Wunderli R.* London church courts and society on the eve of the Reformation. Cambridge, 1981. 163 p.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

П. И. Гайденко

**«Или в подьяконах на прочее потщися»:
канонический статус иподиакона
на Руси XI–XIII вв.**

УДК 271.2-726.4:348(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_34
EDN IOQSAA

Аннотация: Образ и служение иподиаконов в Древней Руси крайне редко становятся предметом исследований историков. Вместе с тем, сообщения церковно-правовых источников (Ответов митрополита Георгия, Канонических ответов митрополита Иоанна, Вопросаний Кирика) позволяют сделать ряд общих замечаний о месте иподиаконов в системе церковно-иерархических отношений и их частной жизни. Судя по всему, иподиаконы являлись частью диаконата, их место в древнерусском обществе было почетным и по-своему значимым. Вместе с тем, положение иподиаконов на Руси обладало своей спецификой, что, например, нашло свое отражение в двойственности, которая присутствовала в вопросе о браке. Указанная двойственность могла объясняться в том числе проблемами рекрутирования духовенства, а также качеством кандидатов.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, Канонические ответы митрополита Иоанна, история Русской Церкви, Владимирский Собор 1273/74 гг., иподиакон, диаконат, древнерусская иерархия.

Об авторе: **Павел Иванович Гайденко**

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, председатель редакционного совета журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Для цитирования: Гайденко П. И. «Или в подьяконах на прочее потщися»: канонический статус иподиакона на Руси XI–XIII вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 34–45.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Pavel I. Gaidenko

**“Or in Subdeacons for Other Things, Try Hard”:
Canonical Status of Subdeacon in Rus’
in the 11th-13th Centuries**

UDC 271.2-726.4:348(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_34
EDN IOQSAA

Abstract: The image and service of subdeacons in Ancient Rus’ extremely rarely become the subject of research by historians. At the same time, the messages of church-legal sources (Answers of Metropolitan George, Canonical Answers of Metropolitan John, Questions of Kirik) allow us to make a number of general comments about the place of subdeacons in the system of church-hierarchical relations and their private life. Apparently, subdeacons were part of the diaconate, their place in ancient Russian society was honorable and in its own way significant. At the same time, the position of subdeacons in Rus’ had its own specifics, which, for example, was reflected in the duality that was present in the question of marriage. The said duality could be explained, among other things, by problems with recruiting clergy, as well as the quality of candidates.

Keywords: church law, canon law, Canonical answers of Metropolitan John, history of the Russian Church, Vladimir Council of 1273/74, subdeacon, diaconate, ancient Russian hierarchy.

About the author: **Pavel Ivanovich Gaidenko**

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Studies at Moscow State Linguistic University, Professor at the History Department of Bauman Moscow State Technical University, Chairman of the Editorial Board of the journal “Paleorussia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas”; full member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (Barsov Society) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

For citation: Gaidenko P. I. “Or in Subdeacons for Other Things, Try Hard”: Canonical Status of Subdeacon in Rus’ in the 11th-13th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 34–45.

Один из Канонических ответов митрополита Иоанна II (†1089) черноризцу Иакову был посвящен возможности рукоположения иподиаконов. Донося мнение русского первосвященника, текст Канонических ответов не сохранил самого заданного вопроса. Впрочем, принимая во внимание ответ митрополита Иоанна, можно заключить, что вопрос был посвящен возможности поставять иподиаконов на более высокие церковные степени служения.

Или в подьяконах на прочее потщися никакоже поставитъ, дѣндеже оженится; по поставлении же поимающе жены, погубляют чин свой. А иже [преже] створеная, аще хочешь [по искушенью] расмотри¹.

При всей кажущейся ясности сути ответа и грозного предупреждения митрополита Иоанна все же приходится признать, что и перевод, и понимание изложенной русским первосвященником нормы крайне затруднительны. Во-первых, в тексте присутствуют очевидные пропуски слов или фраз, реконструкция которых является известной условностью. Следовательно, некоторые смыслы, очевидные для Иакова, для современного исследователя ускользают или, по меньшей мере, искажаются. Во-вторых, применяемые автором перевода словесные конструкции Канонических ответов (а сохранившийся текст Канонических ответов действительно является переводом с греческого) указывают на то, что и автор, и его читатели понимали, что именно скрывалось за «пропущенными» фразами. Однако эти смыслы далеко не самоочевидны для нас.

Примерный перевод текста таков:

Или [кто] в иподиаконах возжелает иного большего, никак не поставитъ [на церковную степень], покуда не оженится; по поставлении берущий жену губит свой чин. А если [ранее, прежде] совершения [поставления женился], если хочешь [после испытания] расмотри [возможность его рукоположить].

Действительно, иподиаконство (дьяки, диаки) — один из малоизученных в отечественной истории церковных чинов Древней Руси. В российской историографии ему посвящено лишь несколько, в своем большинстве самых общих замечаний и статей справочного характера², если не считать специальную статью А. А. Ткаченко в 26-м томе Православной энциклопедии³. Однако и она применительно к описываемой эпохе не вносит желаемой ясности в понимание иерархического и социального статуса иподиаконов. Правда, появление в трех канонических сборниках (Ответах митрополита Георгия, Канонических ответах митрополита Иоанна и Вопросании Кирика), а также в Уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках упоминаний об этом чине, как и о ряде ограничений и проступков, связанных с ним⁴, дают основания полагать, что обладатели

¹ Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089 гг.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 5.

² Например, служение в домонгольской Руси иподиаконов было исследовано Е. Е. Голубинским, который рассмотрел этот церковный чин в контексте истории дьячков (*Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. I: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1997. С. 462*).

³ Ткаченко А. А. Иподиакон // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 171–173.

⁴ Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц (1130–1156 гг.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 46–47; Вопросание Кириково, который предлагал вопросы новгородскому епископу Нифонту и другим [иереям] // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. С. 422 (Кирик. 81, 84).

этой церковной степени имели определенный вес и значение как в самой церковной среде, так и в широких кругах населения. Во всяком случае, иподиакон — не обычный причетник, а младший священнослужитель⁵, и в Уставе князя Всеволода Мстиславича упоминается среди тех, кто находился под княжеским покровительством и кого князь одаривал специальным содержанием⁶. При этом, согласно Уставу князя Владимира Святославича, иподьякон, как и иные члены причта и клира, входил в число церковных лиц, находившихся под юрисдикцией митрополичьего суда⁷. Данная норма, например, повторена в одном из списков «Заповеди св. отецъ», датированным В. Н. Бенешевичем XII в., и связываемым исследователем с именем новгородского архиепископа Григория (1186–1193)⁸.

Между тем, знакомство с церковными нормами, регламентировавшими вопросы служения иподиаконов, позволяет заключить, что положение последних обладает некоторой двойственностью. Не являясь священническим, их служение в некоторых моментах сопрягается с диаконским. Вероятно, иподиаконский чин некогда, в Древней Церкви, был близок с чином диаконис, которые тоже являлись «одной из степеней церковного клира»⁹, «не имея специальных функций за общественным богослужением»¹⁰, и представлял с ним своего рода пару с той лишь разницей, что перечень функций, выполнявшихся иподиаконом, обладал большим числом своего рода «прав», связанных с несением обязанностей при подготовке и во время богослужения. Как охарактеризовал иподиаконство А. А. Ткаченко, в современной Церкви это «высшая степень церковнослужителя, непосредственно примыкающая к иерархии священнослужителей»¹¹. При этом иподиаконы лишь «суть лица, служащие священнослужителям»¹². Например, сегодня иподиакон помогает мыть руки священнослужителям и архиереям, следит за порядком в храме, обладает правом ухаживать

⁵ Видимым знаком священного статуса рукоположенного иподиакона являлись тонзура и недопустимость пролития крови, о чем сообщает один из ответов митрополита Георгия: «80 Диаку аще буде(т) верхъ прострижень не достоить емою животины резати» (Неведомы(х) словесъ. изложено Георгиемъ. митрополито(м) Киевскимъ. Герману игоумену въпрашающу. оному поведаящю // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М.: Индрик, 2004. С. 248).

⁶ «[1] Се азъ, кн(я)зь великий Гаврииль, наречены Всеволод, самодержецъ Мстиславецъ, вноукъ Володимеровъ, властвующе всею Рускою землею и властию новгородскою и б(о)жиимъ бл(а)говолениемъ поставилъ есмь ц(е)рковь с(вя)тыи Иванъ Великий на Петрятине дворищи и оустроилъ есмь иконами многоценными, и еуа(н)г(е)лии многоценными, и всеми книгами исполон, и оустроилъ есми попы, и диакона, и дьяка къ съборной великой ц(е)ркве.

<...>

[3] А оброкъ даю попомъ, и дьяконому, и диакоу, и сторожамъ из весоу изъ вошаного: имати попамъ по осми гривенъ сребра, дьяконому 4 гривны сребра, диакоу 3 гривны сребра, А имати имъ той оброкъ и в веки по моему данию кн(я)зя великого Всеволода

<...>

[17] А поповъ, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ с(вя)т(о)го Ивана призирати старостамъ иваньскимъ и старостамъ паберескимъ и пабережанамъ» (Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках [Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 161–163).

⁷ «[10] Митрополичи люди ц(е)рк(о)вьньни: <...> дьякъ и вси причетници ц(е)рк(о)вьньни» (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Оленинская редакция. Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 16).

⁸ «А игумена и чернеца, и попа, и диакона, и диака, и ключаря, и проскурницу княжему суду не судити ихъ ни въ чемъ, нъ судити ихъ владыци» (Бенешевич В. Н. «Заповеди св. отецъ» до-монгольского периода. Пг., 1917. С. 2, 4).

⁹ Желтов М., диак. Диаконисса // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 581.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ткаченко А. А. Иподиакон... С. 171.

¹² Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). 3-е изд., испр. и доп. Киев, 1913. С. 753–754.

за церковными сосудами, прикасаться к Престолу и беспрепятственно передвигаться по алтарю. Что же касается его облачения, то оно, соответствуя диаконскому, лишено поручей, а орарь в современной практике препоясается крестообразно¹³. Правда, 22-е правило Лаодикийского Собора все же изначально не допускало использование иподьяконами ораря¹⁴. Круг этих преимуществ и обязанностей возник не одновременно и явился результатом эволюции православной литургии и церковных чинов¹⁵.

В отношении же Древней Руси, а именно Руси XI–XIII вв., ситуация видится более сложной, что объясняется состоянием источников. Однако и здесь иподиакон выступал не совершителем божественной службы, а лишь ее созерцателем. В данном случае примечательно одно из поучений Изборника 1076 г. Данный фрагмент обращает внимание на поведение участников божественной службы во время раздробления Тела Христова. Среди зрителей происходящего упоминается и иподиаконы:

Прозвутеры иерея х[ристо]вы предъстателя таиней его тряпезе: и дробителя телу его. всякою чьстью его почисти. и съ страхъмъ въз[и]раи н<a> ня Т[аже] дьяконы и[подь]якы¹⁶.

Что же касается места и формы участия иподиаконов в русском богослужении, то они, судя по всему, были подвержены изменениям, а к концу XIII в. даже были ужесточены. Во всяком случае, правила Собора 1273/74 г. предписывали:

Повелеваемъ же отселе въ всехъ церквахъ ни Апостола чисти, ни прокимена пети, ни въ олтарь входити неосвященному. Дьякъ аже освященъ боудеть, да не прикасаеть[ся] къ [сѣ]соудомъ освященымъ, ни святаго кандила никакоже да не дързнетъ принести, разве аще не дьяконъ или попъ, ни самому тому великому подьякоу¹⁷.

Вводившиеся в отношении иподиаконов, которые все же в большей мере рассматривались в качестве самой низшей степени священнослужителей, и причетников ограничения были, вероятно, призваны пресечь местный русский обычай предоставления иподьяконам диаконских прав, одним из которых считалось право прикасаться к священным сосудам. Более того, появление данной нормы очевидно указывало на широту таких практик ранее. Однако насколько отмеченные требования были корректны с церковно-правовых (канонических) позиций?

Так, Апостольские постановления — памятник, датируемый концом IV в. — содержат следующее предписание:

А о иподиаконах постановляю вам, епископам, я, Фома. Рукополагая иподиакона, ты, епископ, возложи на него руки и скажи: Владыка, Бог неба и земли и всего, что в них Создатель, явивший в скинии свидетельства стражей, блюстителей святых Твоих сосудов. Сам и ныне призри на раба Твоего сего, избранного иподиакона, и дай ему Духа Святого для того, чтобы достойно

¹³ Там же. С. 754.

¹⁴ Данная норма закреплена и в Алфавитной синтагме Матфея Властаря (Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 2. СПб., 1911. С. 96–97; *Матфей Властарь, иером.* Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или Алфавитная синтагма М. Властаря. 2-е изд. Симферополь, 1901. С. 189).

¹⁵ *Ткаченко А. А.* Иподиакон... С. 171–173.

¹⁶ Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965. С. 267.

¹⁷ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II (1274 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 99.

*прикасаться служебных Твоих сосудов и творить волю Твою всегда, Христом Твоим, с Которым Тебе слава, честь и почитание, и Святому Духу во веки. Аминь*¹⁸.

Правда, 21-е и 25-е правила Лаодикийского Собора (того же IV в.) устанавливали запрет на прикосновение иподиаконов к священным литургическим сосудам, участие в преподавании верующим Хлеба и благословение ими Чаши:

*Иподиаконам не подобает быти на месте диаконов, и касатися священных сосудов*¹⁹.

*Не подобает иподиакону раздавати хлеб, или благословляти чашу*²⁰.

Данные нормы, кажется, стали результатом того, что между иподиаконскими и диаконскими обязанностями произошло размывание границ, что и стремились пресечь участники Собора. Однако вводившиеся ограничения обладали, судя по всему, избыточностью, вступавшей в противоречие с первоначальным представлением об изначальном призвании иподиаконов. Некоторое преодоление возникавшего затруднения произошло только в Алфавитной Синтагме Матфея Властаря (XIV в.), в которой были оговорены различные стороны иподиаконского служения и иподиаконской жизни²¹. Однако, возвращаясь к проблеме отношения иподиаконов со священными сосудами и предметами, а также о месте иподиаконов в алтаре во время богослужения, необходимо отметить, что в данном своде все же уточнялось, — запрет прикасаться к священным сосудам и заботиться о них действует лишь тогда, когда те содержат Святые Дары:

*21-е правило Лаодикийского собора говорит: не должно иподиаконам в так называемом диаконике касаться священных сосудов для совершения посредством их священнодействия над приносимым в жертву, т.е. хлебом и вином (здесь содержащим обозначается содержимое): ибо не позволяется им проходить диаконское служение. Прикасаться же к порожним священным сосудам, готовить их к священнодействию и прибирать после сего и полагать в честном месте иподиаконам приличествует более всего: ибо в этом, собственно, и состоит их служение*²².

Таким образом, в древнерусских богослужебных реалиях XI–XIII в. положение иподиаконов видится сложным и переменчивым.

Скорее всего, иподиаконы присутствовали только при кафедрах и в крупных и богатых храмах, таких как, например, в Иване на Опоках. В приведенной выше статье Изборника иподиаконы упомянуты совместно с диаконами, что вероятно, объяснялось тем, что ни первые, ни вторые не имели — как не имеют и сейчас — права на самостоятельное служение, являясь лишь сослужащими помощниками иереев и епископов. Более того, их совместное упоминание позволяет говорить об иподиаконах как о части диаконата. Иной вопрос: насколько основательно отмеченное положение было закреплено в церковно-правовых (канонических) нормах? Либо оно определялось таковым в силу одной лишь схожести функций? Правда, об обязанностях иподиаконов упоминаемая статья ничего не говорит, останавливаясь лишь на умозрительной стороне литургического служения.

¹⁸ Постановления апостольские. Казань, 1864. С. 285.

¹⁹ Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 2. СПб., 1911. С. 95–96.

²⁰ Там же. С. 98.

²¹ Большая часть вопросов, касающихся служения иподиаконов или хоть как-то их затрагивающих описана в 4 главе Начала буквы У, а также в иных частях (*Матфей Властарь, иером.* Собрание по алфавитному порядку... С. 101, 103, 105–106, 126, 152, 154, 174, 189, 206, 219, 226, 233, 247, 270, 384–385, 404).

²² Там же. С. 384.

Некоторая ясность обнаруживается в деяниях Владимирского Собора 1273/74 гг., внесившего, как уже было сказано, ряд ограничений для рукоположенных иподиаконов, если только таковые не были диаконами и «попами». Последнее обстоятельство весьма примечательно, поскольку указывает, что функции иподиаконов могли исполнять не только диаконы, но и священники. Привлечение иереев к подобному служению или функциям, исполняемым иподиаконами, могло происходить только при богослужении главы Церкви. То есть в данном случае указанные ограничения основывались на примере богослужения главы Русской митрополии. Отчасти на это указывает и упоминание в рассматриваемой статье соборного постановления о «великом иподиаконе», присутствие которого могло быть отмечено только при первенствующей кафедре. Однако вызывает интерес то обстоятельство, что в русском варианте число этих запретов было более широким, чем в постановлениях Лаодикийского Собора, и помимо священных сосудов распространялось также на святое кандило (скорее всего, на большую напрестольную лампаду). Правда, в этом случае логично заключить, что, по крайней мере, до решений данного Собора практика привлечения иподьяконов к переносу литургических сосудов, напрестольных лампад и, вероятно, иных напрестольных предметов скорее всего являлась нормой. Теперь же ее пробовали пресечь.

Не менее примечателен 24-й ответ Константинопольского Собора епископу Феогносту. При рассмотрении вопроса о возможности кого-либо крестить при отсутствии священника был получен следующий ответ:

Вопрос. Аще будет нужда при смерти, а не будет святителя, ни попа, ни диакона, а будет дяк, лзе ли ему крестить? — Ответ. Не будет святителя, ни попа, ни диакона, а будет диак причетник, да и тому подобает крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа²³.

То есть, совершенное иподиаконом крещение воспринималось как действенное, при особых ситуациях приемлемое и даже единственно возможное.

Кроме того, сформулированная в Канонических ответах норма в отношении иподиакона примечательна тем, что позволяет посмотреть на подготовку лиц к иерархическому служению и на критерии, предъявлявшиеся ставленникам. Согласно ей, иподиаконство рассматривалось русским первосвятителем как церковная степень, обладатель которой мог претендовать («возжелать») на занятие более высоких должностей, приобретение которых достигалось через «искус» испытания. В отмеченной ситуации положение соискателя иподиаконства фактически полностью совпадало с положением ставленника, взыскующего диаконской степени, ибо «диакону надобно пройти время испытания», что «немыслимо относительно епископа»²⁴. Примечательно, что отмеченный порядок приготовления и испытания перед рукоположением во диакона присутствует и в постановлениях Владимирского Собора 1274 г., согласно которым перед рукоположением ставленника необходимо было испытать на исповеди²⁵.

²³ Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста (1276 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 136–137.

²⁴ Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. *Заозерский Н. А.* О сущности церковного права (против воззрений проф. Рудольфа Зомы) СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 169–170.

²⁵ Главным образом, это нашло свое выражение в несении церковных послушаний: «Първее дасть емоу (ставленнику. — П. Г.) еоухию, еже есть молитва анагностская об остризании причетническо[мъ], кратькьи фелонь; ти потомъ да конархаеть въ сборней церкви и чтеть, дондеже въззоуметь все, да предасть и епископъ старейшему церковному на оучение. По мнозехъ же днехъ боудеть дяконъ не мне полоу 30 летъ <...>» (Определения Владимирского собора... Стб. 91–92).

Комментируя положение иподиаконов на Руси, Е. Е. Голубинский, ссылаясь на правило митрополита Иоанна, отметил, что те «должны вступить в брак до посвящения, а иначе погубяют свой чин». При этом, по мнению церковного историка, русский первосвященник «дает знать, что прежде дозволялось им жениться и после посвящения». Правда, при этом Е. Е. Голубинский допустил, что такая практика, вероятно, была основана на установлении 10-го правила Анкирского Собора²⁶. Данное правило, действительно, расширяя нормы 26-го Апостольского правила²⁷, допускало возможность вступления клирика в брак в случае, если безбрачный диакон до своего рукоположения заявлял о своем намерении жениться²⁸. Судя по всему, хоть оно и было отменено 6-м правилом VI Вселенского Собора²⁹, однако не было изъято из корпуса самих канонических норм, дав основания для его расширительных толкований.

Примечательно, что данное правило по своему содержанию близко к одному из ответов, полученных Кириком от святителя Нифонта Новгородского:

Белец поп без жены, аще ся случит ему пасти единой токмо, или пьяну, или како? — Аще и мертвые, рече, воскрешай, не может попом быть, такоже и дьяконом. В подьяконстве аще ти ся кает, прими его, но иное ему епитимии нет, и не дай еже лишиться сана, такоже и женатым³⁰.

Как и в случае Канонических ответов, вопрос затрагивает сферу интимной жизни иподиакона. Правда, если в вопросах мниха Иакова дело касалось возможности жениться, то во втором, у прп. Кирика Новгородца, — блуда. Примечательно, что оба архиерея предельно снисходительно отнеслись к таковым поступкам иподиаконов. Так, митрополит Иоанн, отрицательно относившийся к намерению иподиакона жениться и достичь после этого священства, все же, судя по ответу, не исключал такой возможности для настоящего клирика. Что же касается епископа Нифонта, то он, не допуская и мысли разрешать служение соблудивших священников и диаконов («пусть хоть мертвых воскрешают»), если же дело касалось иподиакона, напротив, призывал Кирика не усугублять положение иподиакона и сохранять такового в церковном чине. Правда, эта снисходительность новгородского архиерея все же была относительной

²⁶ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. I: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1997. С. 462.

²⁷ «Повелеваем, да из вступивших в клир безбрачными, желающие вступают в брак одни токмо чтецы и певцы» (Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 1. СПб., 1911. С. 86–88).

²⁸ «Поставляемые во диаконов, если при самом поставлении засвидетельствовали и объявили, что они имеют нужду жениться и не могут без того пребыть, — таковые после сего женившись, да пребывают в своем служении, поскольку сие позволено было им от епископа. Если же которые, умолчав о сем и приняв рукоположение с тем, чтобы пребыть без женитьбы, после вступили в брак, таковым престать от диаконского служения» (Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 2. СПб., 1911. С. 12).

²⁹ «Понеже речено в Апостольских правилах, яко из производимых в клир безбрачных, токмо чтецы и певцы могут вступати в брак: то и мы, соблюдая сие, определяем: да отныне ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеет позволения, по совершении над ними рукоположения, вступати в брачное сожителство: аще же дерзнет сие учинити, да будет извержен. Но аще кто из поступающих в клир восхощет сочетаться с женою, по закону брака: таковый да творит сие прежде рукоположения во иподиакона, или в диакона, или во пресвитера» (Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 1. СПб., 1911. С. 448–453).

³⁰ Для лучшего понимания помогает перевод: «[Вот] поп-белец без жены. Если случится ему впасть в [блудный грех] только раз, или пьяному, или еще как?» 158 — «Пусть [он] хоть мертвых воскрешает, — постанововил, — не может быть попом. Также [впавший в блуд дьякон] — дьяконом. Если кто в иподьяконстве и кается тебе — прими его. Только нет для него другой епитимии. Не допусти, чтобы лишился сана. Эти (Л. 33а) же [правила применяй] к женатым» (Вопросы Кирика, Саввы и Илии... Стб. 46–47; Вопросание Кириково... С. 422 (Кирик. 84)).

и имела свой предел. В дальнейшем для «отличившегося» на любовном поприще иподиакона доступ к священству оказывался закрыт, как и для согрешивших подобным образом священников и диаконов, поскольку «нет для него другой епитимии». Подобная норма полностью соответствует 51-му правилу свт. Василия Великого, определяющему для всех падших клириков одинаковое наказание³¹. Примечательно, что аналогичную норму содержат и ответы митрополита Георгия:

76. По(н) аще твори(т) блуд(д). не пети ему до смрти в ризах³².

НГФ 6 (с. 39): Аще по(н) дшу погубить. или блуд(д) створи(т). не пети ему в риза(х) до смерти. то ему за епитимью.

77. Покаалникъ блуд(д) твори(т). диакономъ не стати потомъ.

Ср.: НГФ 13 (с. 39): Аще дьякъ по покаянши блудъ створить не станеть попомъ;

ЗИСД 17 (с. 116): Аще хоче(т) по покаянши блуд(д) створите дьякъ. не достоитъ ему стати попомъ³³.

Не вполне ясно, что являлось причиной отмеченной двойственности в мировоззренческих позициях архиереев при том, что согласно каноническим правилам, рукоположение действительно становилось препятствием к браку. По мнению епископа Никодима (Милаша), данная ограничительная мера в отношении клириков (иподиаконов, диаконов и пресвитеров), запрещающая им вступать в брак после принятия сана, «есть только дисциплинарный закон церкви», который может быть отменен подобным же соборным решением³⁴.

Как представляется, данное обстоятельство хорошо осознавалось всяким, кто вдумчиво относился к нормам церковного (канонического) права. Вероятно, в этой вдумчивой позиции митрополита Иоанна и епископа Нифонта следует искать одно из объяснений отмеченной двойственности. Правда, такая мера могла объясняться и иными причинами, например, проблемами рекрутирования духовенства, а также качеством кандидатов. Судя про всему, реалии жизни Древней Руси, вступавшие в противоречие не только с представлениями о должном образе пастырей, но и с нормами христианской морали, в описываемый период не позволяли кафедрам легко решать проблему пополнения клира.

Примечательно, что значительная часть казусов, которые интересовали прп. Кирика и его совопрошателей при составлении своего канонического свода, так или иначе были связаны с неблагоприятным поведением клириков. Именно эти нормы доминируют в дисциплинарной части древнерусских церковных сводов и иных сводов, использовавшихся на Руси. Так, например, в «Заповеди святых отецъ», являвшихся русским переводом одного из латинских пенитенциариев, сексуальные проступки клириков и причетников составляют большую часть зафиксированных в сборнике грехов клириков, впечатляя разнообразием вариантов³⁵. Среди таковых значится, например, блуд с чужой женой: «Аще кто от причьта съ чюжею

³¹ «О состоящих в клире правила положены безразлично. Они повелевают определяти падшим единое наказание, извержение от служения, находятся ли они в степени священства, или проходят служение, не имеющее рукоположения священства» (Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 2. СПб., 1911. С. 433–434).

³² Возможно, под лишением священника права совершать службу в ризах («петь в ризах») понималось отстранение от служения, запрет, вероятно, допускавший возможность сохранения за священником права занятия более низкой церковной должности.

³³ Неведомы(х) словесь... С. 247.

³⁴ Никодим (Милаш), еп. Рукоположение как препятствие к браку. Канонический труд Никодима Милаша, епископа Далматинского. СПб., 1907. С. 47.

³⁵ Среди таковых значатся содомский грех [ст. 2], обычный блуд [ст. 3, 13], блуд с чужой женой [8, 9]. Помимо этого, упоминаются оставление своей жены [ст. 12] и пьянство [ст. 37] (Максимович К. А. Заповеди святых отецъ: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 170–195).

женою блондъ створивъ. или съ невестою. или съ двцею. 3 лет. да покается о хлебе и о воде». Если же дело касалось клириков, то ситуация приобретала больший драматизм: «Аще ли есть дяконъ. ли чърноризць. 4 лет. аще ли есть попъ. то 7 лет .3 от нихъ о хлебе и о воде. аще ли еп[и]с[ко]пъ то да извержется и 9 ле[т]. покается»³⁶. Несомненно, перечисленные правила были заимствованы из латинской практики, да и ничто в истории русских архиереев XI–XIII вв. не указывает на то, что кто-либо из них оказался повинен в подобном, если не считать драматичную историю судов над Лукой Жидятай и его обидчиками³⁷. Однако в основном своем содержании приведенная выше норма, как и иные правила «Заповеди святых отецъ», совпадала с реалиями русской жизни, в которой желавшему священства ставленнику приходилось задавать непростые вопросы, призванные испытать совесть готовившегося к рукоположению³⁸.

Вместе с тем, в данном митрополитом Иоанном ответе заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Повеление «рассмотри», с которым митрополит обратился к мниху Иакову, указывает на то, что Иаков не был рядовым монашествующим и в его обязанности входила — или должна была входить — подготовка ставленников к рукоположению. При этом мних наделялся правом испытать лицо, готовящееся к принятию церковного чина или сана. Вероятно, что под испытанием могли пониматься как исповедь, так и проверка готовности и способности кандидата во священство выполнять свои обязанности. Подобными полномочиями могли обладать только хартофилаксы и духовники, обладавшие священным саном. Таким образом, Иаков должен был либо иметь иерейский сан, либо готовиться к его принятию. Более того, принимая во внимание ряд норм, которые были в ведении епископата, разумно предположить, что Иаков мог готовиться и к святительской хиротонии.

Заключение

Все вышесказанное позволяет заключить, что на Руси XI–XIII вв. иподиаконы являлись одним из важных и почетных церковных чинов. Зримым образом принадлежности иподиаконов к клиру становилась выстригаемая на их главе тонзура. Рукоположенный иподиакон являлся низшей степенью священства и рассматривался как часть диаконата, что на каком-то этапе привело к некоторому размыванию границ между диаконским и иподиаконским служением.

Неоднозначен ответ на вопрос о праве иподиаконов жениться. Судя по всему, на этот шаг смотрели неодобрительно, однако на практике такое допускалось с наложением на виновного пожизненного лишения права занимать более высокие церковные чины.

Иподиаконы имели свою иерархию. При кафедрах были «великие иподиаконна». Вместе с тем, иподиаконские функции могли исполнять неосвященные лица, а также диаконы и иереи. Вероятно, последние привлекались к такому служению при главе Церкви.

³⁶ Там же. С. 174 [ст. 9].

³⁷ По мнению В. В. Милькова, свт. Лука был осужден по обвинению в блуде. Данный вывод был основан на анализе наказания, которому были подвергнуты обидчики новгородского архиерея (*Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 65–70).

³⁸ «Потом подобает испытать их о вещах греховных, еда в блудстве содомском быть будет, ли со скотиной, ли в руку соъгрешение, или в татьбе, разве аще не детского, ли преже поятия жены своей растлит девство, ли с многими легал будет, или от своей законной блуд створил будет, а или в лживе послушестве был будет, или убийство створил будет, волей или нужей, или резовник, или челядь друча голодом и наготой, страдой насиллие творя, или дани бегая, или чародец. Аще кто от прежереченных сих вин хотя единой ят будет, таковой не может быть поп, ни диакон, ни причетник» (Определения Владимирского собора... Стб. 90–91).

Источники и литература

Источники

1. Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц (1130–1156 гг.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 21–62.
2. Вопрошание Кириково, который предлагал вопросы новгородскому епископу Нифонту и другим [иереям] // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. С. 413–429.
3. Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965. 1091 с.
4. Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089 гг.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 1–20.
5. *Максимович К. А.* Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 170–195.
6. *Матфей Властарь, иером.* Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или Алфавитная синтагма М. Властаря. 2-е изд. Симферополь, 1901. 416 с.
7. Неведомы(х) словесъ. изложено Георгиемъ. митрополито(м) Киевскимъ. Герману игоумену въпрашающу. оному поведаящю // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М.: Индрик, 2004. С. 233–255.
8. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II (1274 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 83–102.
9. Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста (1276 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. 2-е изд. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 129–140.
10. Постановления апостольские. Казань, 1864. 311 с.
11. Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 1. СПб., 1911. 641 с.
12. Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Т. 2. СПб., 1911. 638 с.
13. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Оленинская редакция. Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 13–16.
14. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках [Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 158–163.

Литература

15. *Бенешевич В. Н.* «Заповеди св. отец» до-монгольского периода. Пг., 1917. 6 с.
16. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). 3-е изд., испр. и доп. Киев, 1913. 1797 с.
17. *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1997. 968 с. [Репр. изд.].

18. *Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. 416 с.
19. *Желтов М., диак.* Диаконисса // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 580–587.
20. *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. *Заозерский Н. А.* О сущности церковного права (против воззрений проф. Рудольфа Зомы) СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 310 с.
21. *Никодим (Милаш), еп.* Рукоположение как препятствие к браку. Канонический труд Никодима Милаша, епископа Далматинского. СПб., 1907. 48 с.
22. *Ткаченко А. А.* Иподиакон // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 171–173.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

Ю. Е. Кондаков

Святейший Правительствующий Синод и строительство Русской Палестины

УДК 327(470+571:569.4)(091)+271.2-732.3-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_46
EDN WZBDZS

Аннотация: В 1857 г. Александром II было санкционировано открытие в Иерусалиме российской Духовной миссии. Перед новым учреждением ставился широкий спектр задач, в том числе и религиозных. В 1859 г. в Иерусалиме было начато строительство инфраструктуры для паломников. Всеми этими мероприятиями руководили министр иностранных дел А. М. Горчаков и великий князь Константин Николаевич. Св. Синод был отстранен от Восточной политики и лишь уведомлялся о проводимых мероприятиях. Обер-прокурор привлекался для консультаций по вопросам Русской Палестины. Пассивность Св. Синода в вопросах Русской Палестины была определена позицией митрополита Московского Филарета (Дроздова). Он считал, что греческое духовенство справлялось с задачей защиты православия в Св. Земле. Россия же должна была ограничиться только материальной помощью без вмешательства Русской Православной Церкви в религиозную ситуацию на Востоке. Св. Синод не участвовал в конфликтах глав Духовной миссии с консулами. Он вынужденно принял решение императора о ликвидации Духовной миссии в 1879 г. Обер-прокурор Св. Синода был членом Палестинского комитета и Императорского православного палестинского общества и назначал чиновников Св. Синода в Палестинскую комиссию.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Святейший Синод, Министерство иностранных дел, император, Русская Палестина, Иерусалим, обер-прокурор, Духовная миссия, консул.

Об авторе: **Юрий Евгеньевич Кондаков**

Доктор исторических наук, доцент, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

Для цитирования: Кондаков Ю. Е. Святейший Правительствующий Синод и строительство Русской Палестины // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 46–54.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Yuri E. Kondakov

**The Holy Governing Synod
and the Construction of Russian Palestine**

UDC 327(470+571:569.4)(091)+271.2-732.3-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_46
EDN WZBDZS

Abstract: In 1857, Alexander II authorized the opening of a Russian Spiritual Mission in Jerusalem. The new institution was faced with a wide range of tasks, including religious ones. In 1859, construction of infrastructure for pilgrims began in Jerusalem. All these events were led by the Minister of Foreign Affairs A. M. Gorchakov and Grand Duke Konstantin Nikolaevich. The Holy Synod was removed from Eastern politics and was only notified of ongoing events. The Chief Prosecutor was involved in consultations on issues of Russian Palestine. The passivity of the Holy Synod on issues of Russian Palestine was determined by the position of Metropolitan of Moscow St. Philaret (Drozdov). He believed that the Greek clergy was up to the task of defending Orthodoxy in the Holy Land. Russia should have limited itself only to material assistance without the interference of the Russian Orthodox Church in the religious situation in the East. The Holy Synod did not participate in conflicts between the heads of the Spiritual Mission and the consuls. He was forced to accept the emperor's decision to liquidate the Spiritual Mission in 1879. The Chief Prosecutor of the Holy Synod was a member of the Palestine Committee and the Imperial Orthodox Palestine Society and appointed officials of the Holy Synod to the Palestine Commission.

Keywords: Russian Orthodox Church, Holy Synod, Ministry of Foreign Affairs, Emperor, Russian Palestine, Jerusalem, Chief Prosecutor, Spiritual Mission, Consul

About the author: **Yuri Evgenievich Kondakov**

Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

For citation: Kondakov Y. E. The Holy Governing Synod and the Construction of Russian Palestine. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 46–54.

* Photos are taken from open sources.

Великий князь
Константин Николаевич

Русской Палестиной принято называть недвижимость, приобретенную Российской империей в Палестине и построенную там инфраструктуру для паломников. Первая часть приобретений была сделана в 1857–1860 гг. в рамках «Иерусалимского проекта», запущенного великим князем Константином Николаевичем (1827–1892), младшим братом Александра II. В качестве временной замены Черноморскому флоту в 1856 г. великий князь инициировал открытие Русского общества пароходства и торговли.

Кроме военных и коммерческих задач этот проект имел и религиозные аспекты. Великий князь хотел возбудить общее желание в православной России побывать на единоверческом Востоке, устроив, таким образом, «мирные крестовые походы». Эти соображения были доложены императору. Александр II дал разрешение учредить пароходство. Для знакомства с ситуацией на Востоке в Палестину был направлен сотрудник Морского министерства Б. П. Мансуров. Его отчет по возвращении, в декабре

1857 г., и стал Иерусалимским проектом¹. Под прикрытием частного пароходства планировалось оказывать помощь паломникам, одновременно восстанавливая влияние России на Востоке.

Инициативы великого князя беспокоили главу Министерства иностранных дел А. М. Горчакова, который считал это вторжением в свою сферу. Он принял решение присоединиться к начинанию великого князя и, собрав сведения, подал 23 марта 1857 г. императору доклад о возобновлении Духовной миссии в Иерусалиме. В докладе декларировалась задача усиления российского влияния на Востоке при помощи церковных структур. Основная часть доклада Горчакова была посвящена описанию нового положения на Востоке, создавшегося после Крымской войны. С католической и протестантской пропагандой Горчаков предлагал бороться, опираясь на славянский и арабский элементы. Он критиковал греческое духовенство, не справляющееся с миссией защиты православия. Предлагалось восстановить российскую Духовную миссию, назначив её главой епископа. В доклад была включена инструкция Миссии из 16 пунктов. Миссия должна была церковными средствами проводить на Востоке российскую политику. Миссии предписывалось находиться в хороших отношениях с греческим и инославным духовенством, особое внимание обращать на арабское духовенство, поддерживать его пособиями и привлекать к российскому богослужению, наблюдать за нравственностью паломников, с уважением относиться к российскому генеральному консулу. Пожертвования, приходящие из России, должны были передаваться грекам главой Духовной миссии, и способствовать улучшению греческих и арабских училищ в Иерусалиме, созданию собственной библиотеки. Миссия не должна была ограничиваться Иерусалимом, а влиять на арабов и в других местах, на яковитов, халдеев и коптов в Египте².

Религиозные мероприятия, проводимые Российской империей в Палестине, не могли остаться без участия Св. Синода. А вот в какой мере высшее управление

¹ Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С. Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856–1857 годах // Научный диалог. 2022. № 9. С. 433–436.

² Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост. Н. Н. Лисовой. Т. 1. М., 2015. С. 109–113.

Русской Православной Церкви участвовало в основании Русской Палестины, необходимо выяснить. Специально это проблема в исторической литературе не рассматривалась, но затрагивалась в ряде исследований³.

Главным источником для изучения участия Св. Синода в деле строительства Русской Палестины является архив Св. Синода. Важные для этой темы документы сконцентрированы в канцелярии обер-прокурора Св. Синода, где они и велись. Порядок хранения дел имеет сложную структуру. Материалы по Русской Палестине поступали в раздел «О заграничном православном духовенстве». В период обер-прокурора Д. А. Толстого это был 12 разряд, второго стола, второго отделения в каждой описи. В каждом столе была своя нумерация дел. Разряд мог содержать до сотни дел духовенства разных зарубежных посольств и миссий. После Толстого порядок хранения изменился, с 1862 г. дела не делились на разряды и столы, а вперемешку находились в одном отделе. Это было уже несколько сотен дел, среди которых трудно вывить относящиеся к Русской Палестине. К счастью, все важнейшие мероприятия в сфере помощи паломникам проводились как раз в обер-прокурорство Толстого.

По окончании Крымской войны в 1856 г. в Св. Синоде фактически не велось дел, касавшихся Палестины. В этом году обнаружено лишь дело «О снабжении Православных церквей востока служебными книгами»⁴. В следующем году картина резко меняется. Св. Синод оказывается вовлечен в политические события на Востоке. 28 января было заведено дело «О восстановлении сношений с Константинопольским патриархом»⁵. 4 февраля по прошению МИД Св. Синод назначил в Москву нового управляющего Антиохийским подворьем⁶. 7 марта 1857 г. по записке Его Высочества генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича слушалось дело «Касательно учреждения при церквях кружки для сбора приношений, предназначаемых в вознаграждение обществу Черноморского пароходства за перевоз паломников к Св. Местам»⁷ (в архиве отсутствует). Это было первое дело Синода, относящееся к будущему строительству Русской Палестины.

Непосредственно к формированию политики России на Востоке Св. Синод был привлечен возобновлением деятельности Духовной миссии в Иерусалиме. Этому было посвящено дело, начатое 2 апреля 1857 г., «Об учреждении Духовной миссии в Иерусалиме и назначении ее главой епископа Кирилла»⁸. О его важности для Русской Православной Церкви свидетельствует большой объем документов: 1 том — 213 л.,

³ Алексеев А. И. О конфликтах в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине) // Православный палестинский сборник. 2020. Вып. 118. С. 69–90; Вах К. А. Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // Православный палестинский сборник. 2014. Вып. 110. С. 21–62; Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Антонин (Капустин). СПб., 1904; Лисовой Н. И. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; Смирнова И. Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365–379; *Ее же*. Церковно-дипломатические отношения России и иерусалимского патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (124). История. Вып. 29. С. 101–108.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 26. 1856. От. 2. Ст. 2. Д. 450. О снабжении Православных церквей востока служебными книгами.

⁵ РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 363. О восстановлении сношений с Константинопольским патриархом.

⁶ РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 365. О назначении в Москву нового управляющего Антиохийским подворьем.

⁷ РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 369. Касательно учреждения при церквях кружки для сбора приношений.

⁸ РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 373. Об учреждении Духовной миссии в Иерусалиме и назначении ее главой епископа Кирилла.

А. М. Горчаков. 1865–1870 гг.
Фотография С. Л. Левицкого

2 том — 232 л. Практически все эти документы составлялись в МИД и носили уведомительный характер. В Св. Синоде они не обсуждались, а только заслушивались. МИД частным образом консультировался по этому поводу с обер-прокурором Синода. Высший орган церковного управления проявлял инициативу только в случае прямого предписания.

10 августа 1857 г. товарищ министра МИД сообщал обер-прокурору, что Порта дала официальное разрешение на деятельность Миссии, на этом основании глава Миссии может на равных «сноситься» с Иерусалимским патриархом, без участия Святогробского братства⁹. После того, как планируемый на место начальника Миссии епископ Одесский Поликарп (Радкевич) заболел, вместо него был назначен инспектор духовной академии архимандрит Кирилл (Наумов). Выбор был сделан министром иностранных дел А. М. Горчаковым по согласованию с обер-прокурором Св. Синода¹⁰. Кандидатура была утверждена императором по докладу Горчакова. 15 сентября архимандрит

Кирилл направил в Св. Синод список лиц, которых он желал иметь в составе Миссии¹¹. Св. Синод утвердил присланный список. Инструкция главе Духовной миссии была составлена в МИД. Все распоряжения он получал из МИД, лишь изредка информируя Синод о своей деятельности. В сборнике первый такой рапорт — от 17 марта 1858 г., об отношениях с англиканским епископом¹². Инертность Синода была столь велика, что на послание епископа Кирилла 18 ноября 1857 г., по поводу прибытия Миссии, ответ был дан лишь 31 июля 1858 г.¹³

В Св. Синод неоднократно обращался великий князь Константин Николаевич. В отличие от МИД, великий князь считал, что его проекты на Востоке могут обойтись без участия духовенства и лишь оповещал о проводимых мероприятиях обер-прокурора и Св. Синод. Подобная позиция вызвала протест членов Синода.

Первое зафиксированное обращение Константина Николаевича в Св. Синод, 7 марта 1857 г., о сборе пожертвований на перевоз паломников, никаких последствий не имело. В архиве Св. Синода сохранилась недатированная записка великого князя (лето 1857 г.) к обер-прокурору. Он просил по приезду в С.-Петербург епископа Поликарпа (намеченного главой Духовной миссии) познакомить их. Великий князь требовал не отправлять Миссии в Иерусалим до возвращения Мансурова, который должен привести важные сведения¹⁴. Желание великого князя удовлетворено не было. Доклад Мансурова, ставший основой Иерусалимского проекта, был направлен в Синод. Судя по количеству экземпляров доклада, предполагалось, что он будет роздан членам Св. Синода. Митрополиту Московскому Филарету

⁹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост. Н. Н. Лисовой. Т. 2. М., 2017. С. 119–120.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Там же. С. 133–134.

¹³ Там же. С. 143–144.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. От. 2. Ст. 2. Д. 373а. Об учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме. Л. 54.

(Дроздову) и главе первой Духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Порфирию (Успенскому) великий князь отправил доклады индивидуально. Только через год, 25 апреля 1858 г., митрополит Филарет подготовил для великого князя Константина Николаевича «Отзыв о собранных г. Мансуровым сведениях о святых местах». В своём отзыве владыка Филарет называл сведения, собранные Мансуровым, «прискорбными и не нужными» и жалел, что они опубликованы¹⁵.

Митрополит Московский Филарет занял принципиальную позицию по поводу деятельности Русской Православной Церкви на Востоке. Он считал, что она должна заключаться только в помощи греческим патриархам. Практически все его отзывы о мероприятиях на Востоке носили отрицательный характер. Это наложило отпечаток и на пассивную позицию Св. Синода в Восточном вопросе. В 70-е гг. позицию митрополита Филарета разделил один из самых активных деятелей Русской Палестины Б. П. Мансуров. Уже при Александре III на эти позиции встала российская общественная партия «филэллинов». По их мнению, восточные патриархи справлялись с защитой православия на Востоке. От России требовалась лишь материальная поддержка. На противоположных позициях стояло Императорское православное палестинское общество. Его деятели считали, что патриархи не справляются со своей задачей и их требуется направлять.

Во всех собраниях глав ведомств по поводу помощи паломникам в Палестину принимал участие обер-прокурор. Следов обсуждения этих мероприятий Св. Синодом не сохранилось. Очень вероятно, что до членов Синода просто доводились уже принятые решения. 1 марта 1858 г. Александр II издал указ о начале сбора пожертвований и кружечном сборе в церквах на дело помощи паломникам. Вместе с указом в Св. Синод была направлена просьба великого князя прислать ему списки архиереев. Он хотел разослать им личную просьбу о сборе пожертвований¹⁶.

Св. Синод выполнил распоряжение императора и во всех церквах были учреждены кружки для сбора пожертвований с надписью: «Для улучшения быта православных поклонников в Палестине». При этом Св. Синод критиковал инициативу великого князя, т.к. она отнимает средства у бедного духовенства, извещение о воле великого князя приведет к насилию над волей прихожан, паломники пока не нуждаются в помощи по причине их малочисленности, эта помощь облегчит путешествие, чем привлечет в Палестину праздных бездельников. Наконец, Св. Синод настаивал, чтобы деньги от пожертвований поступали сначала в его Хозяйственный департамент, а только потом великому князю. Писать лично архиереям Св. Синод великому князю не рекомендовал¹⁷.

Константину Николаевичу пришлось подчиниться. 15 марта 1858 г. в письме обер-прокурору великий князь обещал не писать архиереям и согласился на то, чтобы деньги от сборов поступали в Хозяйственный департамент Св. Синода¹⁸. 26 марта на заседании Св. Синода было заслушано сообщение митрополита Литовского о том, что для паломников нельзя сделать большого сбора, т.к. сама епархия нуждается в средствах. Постановили рапорт приобщить к делу для сведения¹⁹. При этом бюрократическая машина духовного ведомства по сбору средств на паломников все же была запущена.

Сохранился недатированный рапорт Мансурова, где описывались проблемы в сборе средств для паломников: «После четырех месячных бесплодных споров о формальностях, последовал только тот существенный результат, что появились синодальные циркуляры». Они были разосланы Синодом в самом начале апреля, а дошли

¹⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. СПб., 1885. С. 320.

¹⁶ РГИА. ф. 797. Оп. 28. Д. 334. О начале сбора пожертвований и кружечном сборе в церквах на дело помощи паломникам. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 5–7.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 18.

Епископ Кирилл (Наумов)

до епархий только 11 июня. «В самой Одессе результатом циркуляра было учреждение новой кружки, пятой в порядке их следования во время Литургии, которая вероятно останется незамеченной»²⁰. До августа 1858 г. кружечный сбор не принес средств.

Весной 1859 г. был учрежден Палестинский комитет, куда были включены представители всех ведомств, участвовавших в строительстве Русской Палестины, в том числе и обер-прокурор Св. Синода. На этом противостояние великого князя и МИД прекратилось. С 1859 по 1864 гг. Палестинский комитет провел всего несколько заседаний, на них обер-прокурор играл роль статиста. В 1864 г. дело заботы о паломниках было передано в МИД. При азиатском департаменте была создана Палестинская комиссия, состоявшая всего из трех человек. По выбору обер-прокурора Св. Синода туда назначался председатель хозяйственного или учебного управлений Св. Синода. Его функции заключались в том, чтобы подписывать ведомости по расходу средств на паломников²¹.

Св. Синод не вмешивался в борьбу, разгоревшуюся в Иерусалиме между главами Духовной миссии, с одной стороны, и консулами и Б. П. Мансуровым, с другой. Благодаря придворным связям епископу Кириллу (Наумову) удалось добиться удаления из Иерусалима сперва консула, а затем и Мансурова. Епископ Кирилл недолго оставался в Иерусалиме. В мае 1863 г. от консула в Иерусалиме в МИД поступило донесение «об образе жизни» начальника Духовной миссии. Утверждалось, что греческое духовенство дорожит русским епископом, поскольку он в «их руках». Предлагалось отозвать владыку Кирилла из Иерусалима. Донесение было доложено Александру II, и он посчитал эти сведения достаточными для смещения епископа Кирилла с занимаемой должности. Глава Духовной миссии Иерусалим покидать не желал. Его удалось вернуть в Россию только в начале 1864 г., после вмешательства митрополита Московского Филарета²². Главой Духовной миссии назначили архимандрита Леонида (Кавелина), но уже в 1865 г. был заменен и он.

Новым главой Духовной миссии был назначен архимандрит Антонин (Капустин). С ним у Св. Синода было больше всего проблем. Несколько раз рассматривалось и отклонялось предложение отца Антонина о преобразовании Духовной миссии в монастырь, независимый от консульства. Получая деньги от жертвователей, архимандрит Антонин приобретал на них недвижимость по всей Палестине. Сделки оформлялись на подставное лицо — служащего Миссии араба Холеби. Это было грубым нарушением российских законов. Но архимандрит Антонин игнорировал все предписания Св. Синода перевести недвижимость на российское правительство. В 1878 г. в МИД было принято решение ликвидировать Духовную миссию в Иерусалиме, преобразовав её в церковь при консульстве. В феврале 1879 г. это решение было утверждено императором. Св. Синод к обсуждению не привлекался. Обер-прокурор был извещен задним числом. Лишь совместными усилиями В. Н. Хитрово, Е. В. Путятину

²⁰ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 972. Оп. 1. Д. 149–176. Проект преобразования Иерусалимской Духовной Миссии.

²¹ Кондаков Ю. Е. Палестинский комитет (1859–1864 гг.) // Клио. 2024. № 3 (207). С. 123–131.

²² Титов Ф. И. Преподобный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский. Киев, 1902. С. 289–294.

и К. П. Победоносцеву удалось отложить реализацию указа. После воцарения Александра III ликвидация Духовной миссии была отменена²³.

В 1889 г. функции Палестинской комиссии перешли к Императорскому православному палестинскому обществу. В правление Общества был включен чиновник от Св. Синода²⁴. Только Обществу удалось завершить передачу земель, купленных архимандритом Антонином, государству. Конфликты главы Духовной миссии и светских чиновников в Иерусалиме продолжались, но Св. Синод традиционно в них участия не принимал.

Главной проблемой пассивности Св. Синода в деле строительства Русской Палестины было отсутствие российского патриарха. Проводя реформу Церкви, Петр I подразумевал, что патриарха заменит коллективный орган, во главе которого будет стоять император. Св. Синод патриарха заменить не смог. С высшим органом Русской Православной Церкви не считались высшие чиновники и его игнорировали восточные патриархи. После Петра I российские императоры не считали для себя возможным единолично решать дела Русской Православной Церкви и направлять политику Церкви. С текущими делами Св. Синод справлялся вполне эффективно. Например, предложение князя А. И. Бярятинского об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе рассматривалось в Св. Синоде с 1857 по 1860 гг. В устав Общества был внесен ряд поправок, после чего оно начало свою работу. По-иному обстояло дело с вопросами высокой политики. Члены Синода не могли противостоять брату императора или главе МИД. Дела Русской Палестины решались без участия Синода. Высший орган церковной власти лишь уведомлялся о принятых решениях. К формированию политики на Востоке привлекался обер-прокурор. Но это был государственный чиновник и он был вынужден подчиняться воле вышестоящих лиц. Таким образом, важный для Русской Православной Церкви вопрос решался без участия духовенства.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 972. Оп. 1. Д. 149–176. Проект преобразования Иерусалимской Духовной Миссии.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 797. Оп. 26. 1856. От. 2. Ст. 2. Д. 450. О снабжении Православных церквей востока служебными книгами.
3. РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 363. О восстановлении сношений с Константинопольским патриархом.
4. РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 365. О назначении в Москву нового управляющего Антиохийским подворьем.
5. РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 369. Касательно учреждения при церквях кружки для сбора приношений.
6. РГИА Ф. 797. Оп. 27. 1857. От. 2. Ст. 2. Д. 373. Об учреждении Духовной миссии в Иерусалиме и назначении ее главой епископа Кирилла.
7. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. 2. Ст. 2. Д. 373а. Об учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме.
8. РГИА. Ф. 797. Оп. 28. Д. 334. О начале сбора пожертвований и кружечном сборе в церквях на дело помощи паломникам.
9. РГИА. Ф. 797. Оп. 59. От. 2. Ст. 3. Д. 115. О закрытии Палестинской комиссии.

²³ Кондаков Ю. Е. Особенности ликвидации духовной миссии в Иерусалиме в 1879 г. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1138–1149.

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 59. От. 2. Ст. 3. Д. 115. О закрытии Палестинской комиссии. Л. 2.

10. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост. Н. Н. Лисовой. Т. 1–2. М.: Индрик, 2015, 2017. 816, 1092 с.

11. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. СПб., 1885. 614 с.

Литература

12. *Алексеев А. И.* О конфликтах в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине) // Православный палестинский сборник. 2020. Вып. 118. С. 69–90.

13. *Вах К. А.* Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // Православный палестинский сборник. 2014. Вып. 110. С. 21–62.

14. *Дмитриевский А. А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Антонин (Капустин). СПб., 1904. 56 с.

15. *Кондаков Ю. Е.* Особенности ликвидации духовной миссии в Иерусалиме в 1879 г. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1138–1149.

16. *Кондаков Ю. Е.* Палестинский комитет (1859–1864 гг.) // Клио. 2024. № 3 (207). С. 123–131.

17. *Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С.* Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856–1857 годах // Научный диалог. 2022. № 9. С. 433–436.

18. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.

19. *Смирнова И. Ю.* К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365–379.

20. *Смирнова И. Ю.* Церковно-дипломатические отношения России и иерусалимского патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (124). История. Вып. 29. С. 101–108.

21. *Титов Ф. И.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский. Киев, 1902. 440 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

А. М. Куликов

**Помощь архимандрита Гурия (Карпова) Н. П. Игнатьеву
в период Второй опиумной войны в Китае**

УДК 327(470+571:510)(091)+271.2-764(511.12)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_55
EDN YOEMSQ

Аннотация: В статье рассмотрен ряд эпизодов, произошедших в период Второй опиумной войны в Китае (1856–1860) между начальником XIV Российской духовной миссии в Пекине, архимандритом Гурием (Карповым) и уполномоченным Российской империи в Китае, Николаем Павловичем Игнатьевым. Сделана попытка анализа взаимоотношений двух дипломатов, которая привела к успешному заключению русско-китайского Пекинского трактата 1860 г. Также в статье упоминаются Н. Н. Муравьев-Амурский и уполномоченный и пристав XIV Российской духовной миссии Петр Николаевич Перовский.

Ключевые слова: Российская духовная миссия в Пекине, архимандрит Гурий (Карпов), Николай Павлович Игнатьев, Николай Николаевич Муравьев-Амурский, Петр Николаевич Перовский, Пекинский трактат 1860 г., Опиумные войны.

Об авторе: **Андрей Михайлович Куликов**

Кандидат исторических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН; доцент кафедры региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: bilis@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>

Для цитирования: Куликов А. М. Помощь архимандрита Гурия (Карпова) Н. П. Игнатьеву в период Второй опиумной войны в Китае // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 55–63.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Andrey M. Kulikov

**Help from Archimandrite Guria (Karpov) to N. P. Ignatiev
during the Second Opium War in China**

UDC 327(470+571:510)(091)+271.2-764(511.12)-9

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_55

EDN YOEMSQ

Abstract: The article considers a number of episodes that occurred during the Second Opium War in China (1856–1860) between the head of the XIV Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, Archimandrite Guriy (Karpov) and the Commissioner of the Russian Empire in China, Nikolai Pavlovich Ignatiev. An attempt was made to analyze the relationship between the two diplomats, which, incl. led to the successful conclusion of the Russian-Chinese Beijing Treaty of 1860. The article also mentions N. N. Muravyov-Amursky and the commissioner and bailiff of the XIVth Russian Ecclesiastical Mission, Perovsky Pyotr Nikolaevich Perovsky.

Keywords: Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, Archimandrite Gury (Karpov), Nikolai Pavlovich Ignatiev, Nikolai Nikolayevich Muravyov-Amursky, Pyotr Nikolayevich Perovsky, Beijing Treaty of 1860, Opium Wars.

About the author: **Andrey Mikhailovich Kulikov**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Research Fellow of the China Department at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Problems in World Politics at Moscow State University.

E-mail: bilis@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>

For citation: Kulikov A. M. Help from Archimandrite Guria (Karpov) to N. P. Ignatiev during the Second Opium War in China. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 55–63.

* Photos are taken from the open sources.

В историю русской дипломатии вписано множество славных имен и подвигов. Но специфика внешнеполитической деятельности государства такова, что результат ее почти всегда является симфонией трудов сразу нескольких персон. Порой они могут не знать о существовании друг друга, но чаще находятся в прямом или косвенном взаимодействии.

Эффективность подобного взаимодействия зависит не только от конкретных целей государства, но и от амбиций дипломатов, их характеров, психологии и целого ряда иных факторов. Успешные результаты дипломатической игры зачастую достигаются не только в борьбе с противоположной стороной переговоров, но и созвучием в среде дипломатов одной стороны. Таким образом, за успешным соглашением всегда стоят труды и противоречия множества людей.

На наш взгляд крайне интересно в этой связи рассмотреть период Второй опиумной войны в Китае (1856–1860), на протяжении которой Российская империя заключила с цинской династией три важнейших соглашения: Айгунский трактат от 16 (28) мая 1858 г., Тяньцзиньский от 1 (13) июня 1858 г. и Пекинский от 2 (14) ноября 1860 г.

В работе над трактатами принимали участие не только члены царского правительства Александра II, но и множество людей на местах — в первую очередь, члены администрации генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева¹ и представители XIII (1849–1858) и XIV (1856–1864) Российских духовных миссий в Пекине (далее — РДМ).

Ниже мы подробнее остановимся на некоторых эпизодах взаимодействия российского уполномоченного в Китае, Николая Павловича Игнатьева² с главой XIV РДМ, архимандритом Гурием (Карповым)³, которые в итоге привели к заключению крайне выгодного для Российской империи Пекинского трактата 1860 г.

¹ Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881) — русский государственный деятель.

² Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) — русский государственный деятель и дипломат. Родился в С.-Петербурге в семье генерала Павла Николаевича Игнатьева (1797–1879). Образование получил в Пажеском корпусе (1849 г.) и Военной академии (1851 г.), которую окончил с серебряной медалью. В 1856 г. принимал участие в Парижской конференции, после которой за успехи в переговорах о разграничении в Бессарабии получил орден св. Станислава II степени. В 1856–1857 гг. — военный агент в Лондоне. В 1857–1858 гг. возглавлял российскую миссию в Хиву и Бухару, в результате которой заключил с Бухарским эмиром соглашение об установлении дипломатических и торговых отношений, за что получил орден св. Анны II степени и был произведен в генерал-майоры. В 1859 г. командирован в Китай для ратификации Айгунского трактата 1858 г., но воспользовавшись возобновлением военных действий между Цинской империей, Британией и Францией, заключил в 1860 г. новый трактат (Пекинский), по которому Российская империя не только подтвердила российский статус Приамурья по Айгунскому трактату, но и приобрела в свое владение Уссурийский край. Новый дипломатический успех принес Игнатьеву ордена св. Владимира II степени и св. Станислава I степени, а также чин генерал-адъютанта. С 1861 по 1864 гг. — директор Азиатского департамента МИД. С 1864 по 1877 гг. находился в Османской империи, сначала в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра (1864–1867), а далее в качестве полномочного посла, на посту которого активно поддерживал борьбу славянских народов против Османской империи. С 1877 г. — член Государственного совета. В 1881 г. — министр государственных имуществ. С 1881 по 1882 гг. — министр внутренних дел. В 1882 г. предложил императору Александру III созвать Земский собор для укрепления положения самодержавия. Проект был отвергнут, а Игнатьев отправлен в отставку. С 1884 г. — президент Общества для содействия русской промышленности и торговли. С 1888 г. — президент С.-Петербургского славянского благотворительного общества. В 1896 г. награжден орденом св. Андрея Первозванного. Умер в имении Круподерницы в Киевской губернии.

³ Гурий (в миру — Григорий Платонович Карпов, 1814–17 (29) марта 1882) — архиепископ, участник XII и руководитель XIV РДМ. Родился в семье священника в Саратове. В 1836 г. окончил Саратовскую духовную семинарию, после чего работал преподавателем латинского языка в Саратовском духовном училище. В 1837 г. поступил в С.-Петербургскую Духовную Академию. 12 июня 1838 г. принял монашество с именем Гурий, 4 августа рукоположен в иеродиаконы, 20 ноября 1839 г. — в иеромонахи. В 1839 г. зачислен участником XII РДМ и в этом же году, досрочно сдав экзамены, утвержден в степени кандидата богословия.

Архиепископ Гурий (Карпов)

Личное знакомство Игнатьева и архимандрита Гурия состоялось 15 (27) июня 1859 г. — через несколько часов после того, как уполномоченный в парадных силах въехал в Пекин для переговоров с Цинской стороной⁴. Несмотря на торжественный приезд, появление Игнатьева в китайской столице пришлось на крайне неудачный период для российско-китайских отношений.

24–25 июня 1859 г. в устье р. Байхэ между англо-французскими союзниками и китайцами состоялась так называемая Вторая битва за форты Дагу (大沽), завершившаяся поражением западных держав, которые потеряв более 500 человек личного состава, вынуждены были увести свои суда к Шанхаю⁵. Эскадру сопровождали дипломаты Англии и Франции, намеревавшиеся попасть в Пекин для ратификации Тяньцзиньских трактатов 1858 г.

Нанеся поражение союзникам, китайцы сумели восстановить военный престиж, значительно подорванный в ходе первого этапа кампании (1856–1858)⁶. На фоне победы при Дагу в маньчжурском правительстве усилилась клика, ратовавшая за решитель-

ный ответ иностранцам и сворачивание переговоров с «заморскими варварами». Одни из самых последовательных представителей этой клики в Пекине был сановник Су Шунь (肅順)⁷, с которым впоследствии и выпало трактовать Игнатьеву.

Противоречия существовали и в стане русских представителей в Пекине. Предшествующий уполномоченный Российской империи в Китае — Петр Николаевич

В Пекине занимался миссионерской деятельностью, переводом на китайский язык богослужебных книг и молитв. Один из кандидатов на должность руководителя XIII РДМ. По возвращению из Китая в 1855 г. возведен в степень магистра богословия, а 25 августа 1856 г. назначен руководителем XIV РДМ. 10 декабря 1860 г. получил орден св. Анны II степени. В период руководства миссией занимался миссионерской работой, переводами (в том числе, Нового Завета) и дипломатической деятельностью. По возвращении в Россию пожалован орденом св. Владимира III степени и пожизненной пенсией в 1500 р. 26 января 1866 г. назначен настоятелем посольской церкви в Риме. 11 мая того же года стал епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии. 16 декабря 1867 г. переведен на самостоятельную кафедру епископа Таврического и Симферопольского. В 1869 г. награжден орденом св. Владимира II степени. Активно занимался миссионерской деятельностью среди старообрядцев и сектантов. Решением Св. Синода Украинской Православной Церкви от 18 мая 2008 г. прославлен в лике местночтимых святых с днем памяти 17 марта.

⁴ Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859–60 годах. СПб., 1895. С. 38.

⁵ Подробнее об Опиумных войнах см.: Бутаков А. М., Тизенгаузен А. Е. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: АСТ, 2000.

⁶ Русские представители о событиях в Дагу узнали с некоторым опозданием — уже когда П. Н. Перовский (см. о нем ниже) отбыл в Россию. Известия о битве ему доставил курьер, посланный Игнатьевым из Пекина. См.: Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева... С. 42.

⁷ Айсиньгоро Сушунь (愛新覺羅·肅順 1816–1861) — влиятельный цинский сановник, впоследствии в результате придворных интриг был казнен.

Перовский⁸, отправленный туда в 1858 г. с целью ратификации Тяньцзиньского трактата и обсуждения целого ряда иных вопросов (в том числе, подтверждения Айгунского трактата), не сумел в полной мере справиться с поставленными задачами.

В отличие от западных союзников, Перовский смог 24 апреля (6 мая) 1859 г. ратифицировать русско-китайский Тяньцзиньский трактат, но не сумел убедить маньчжурское правительство в признании более важного для России Айгунского трактата, касающегося территориального размежевания на Дальнем Востоке. По мнению Игнатьева «Перовский поддался на удочку китайцев, придумавших, с свойственной им изворотливостью, тянуть переговоры, преувеличивая затруднения с той целью, чтобы упорством своим на мелочах и мнимыми уступками, отделаться от существенных требований наших по разграничению [на Амуре и Уссури]»⁹.

21 мая (3 июня) 1859 г. Перовский получил от Верховного совета цинского двора извещение, в котором указывалось, что все отношения Российской империи и Китая (исключая указанных в Тяньцзиньском трактате) фактически предлагалось решать на основе Нерчинского трактата 1689 г. Таким образом, Айгунский трактат, устанавливающий новую границу по Амуру, фактически китайцами был проигнорирован.

18 (30) июня Перовский покинул Пекин, выдав ратификацию Тяньцзиньского трактата за крупный дипломатический успех. К сожалению, помимо явной дипломатической неудачи на переговорах, Перовский оставил после себя тяжелую атмосферу в стенах XIV РДМ, приставом которой являлся.

Автор «Материалов, относящихся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859–60 годах» замечал по этому поводу: «Даже с начальником нашей духовной миссии, о. Гурием, Перовский до того враждовал, что настаивал и словесно, и письменно, чтобы Игнатьев его вовсе отстранил от всякого дела и остерегался его, как “вреднейшего человека”. Члены духовной миссии, светские и даже духовные, т. е. непосредственные подчиненные о. Гурия, были, благодаря бестактности, слабости и даже подстрекательству Перовского, в явном неповиновении и дурных отношениях с о. Гурием, который, с своей стороны, горько жаловался как на них, так и в особенности на Перовского, считая сего последнего виновником раздора и сплетен, раздиравших немногочисленное Русско-Пекинское общество»¹⁰.

Причины столь сложных отношений между архимандритом Гурием и уполномоченным, помимо прочего, объясняются протекцией Перовскому со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, с которым уполномоченный находился в постоянной переписке.

Будучи сторонником активной внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке и фактически являясь инициатором заключения Айгунского трактата 1858 г., Муравьев был не слишком доволен работой руководителей РДМ, считая ее слишком пассивной, а руководителей миссии чрезмерно осторожными. Не стоит отменять и того факта, что Перовский, скорее всего, и сам жаловался Муравьеву на начальника XIV РДМ.

Не по этой ли причине 21 февраля (5 марта) 1859 г. в письме министру иностранных дел, князю А. М. Горчакову¹¹ Муравьев упрекал членов РДМ: «...Духовные лица нашей миссии трусят, по свойственной им привычке, и г. Перовский лишен всех способов иметь какие-либо сведения о происходящем в Китае, так как миссия наша решительно ничего не знает о том, что нужно было бы знать»¹².

⁸ Петр Николаевич Перовский (1818–1865) — русский сановник и дипломат. Подробнее см.: *Сосна Н. А. Дипломат поневоле: деятельность П. Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг. // Клио. 2020. № 3 (159). С. 158–166.*

⁹ Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева.. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) — русский сановник и дипломат.

¹² *Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии).* Кн. 2. М., 1891. С. 245.

Несмотря на то, что руководители РДМ исправно сообщали Муравьеву сведения о Китае, генерал-губернатор Восточной Сибири, по всей видимости, оставался не вполне доволен добытыми сведениями. 11 ноября 1858 г. он писал директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому¹³ в связи со сменой руководителя РДМ: «Палладий¹⁴ обыкновенно пишет мне *все*, да *не все*; так ли будет писать Гурий — не знаю; впрочем, приучаюсь читать между строк»¹⁵.

Судя по всему, с более решительным архимандритом Гурием у Муравьева отношения были более сложными, чем с кротким архимандритом Палладием. Отсюда у генерал-губернатора возникло желание подчинить РДМ напрямую Игнатьеву. 6 апреля 1859 г. Муравьев, ожидавший приезда Игнатьева в Иркутск, писал директору Азиатского Департамента: «Надеюсь, что отношения мои с Игнатьевым будут так же дружны, как с Перовским, но трудно ему будет возиться с Гурием, и вообще я не понимаю причины, почему вы не подчинили ему миссию непосредственно»¹⁶.

Примечательно, что Муравьев, несмотря на недовольство деятельностью РДМ считал о. Гурия весьма полезным для дела человеком. 2 мая 1859 г. генерал-губернатор писал Ковалевскому: «Разъединение власти в Пекине, право, не может вести ни к какому результату, а неприятностей делает много, особенно с Гурием, который, наоборот, может быть полезен, в руках такого человека, каков Николай Павлович [Игнатьев]»¹⁷.

У самого Игнатьева об архимандрите Гурии сложилось довольно противоречивое мнение. В начале сентября 1859 г. он написал своему отцу: «Начальник духовной миссии, о. Архимандрит Гурий, при всех его несомненных качествах, не умеет ни влиять, ни привязать к себе ни своих непосредственных подчиненных, ни христиан-китайцев»¹⁸.

Хотя тон этого описания вполне критический, Игнатьев в данном случае больше не доволен не самим архимандритом, а скорее, организацией миссионерской работы РДМ, которую частично критиковали за малое число обращенных. Чаще всего критиками выступали чиновники, плохо представлявшие себе специфику миссионерской деятельности в Китае. Показательно, что в начале того же письма Игнатьев делает характерную оговорку: «Православные китайцы несравненно более прибежны к церкви и набожны, нежели большая часть членов духовной миссии; первые гораздо внимательнее во время богослужения, нежели, к сожалению, наши соотечественники. Даже духовные члены миссии большей частью не расположены и не подготовлены к миссионерству и не служат благодетельным примером в отношении наружного (никто не в праве разбирать внутреннего настроения) благочестия и благолепного церковного служения для своих прихожан»¹⁹.

Пробыв в Пекин почти год, Игнатьев не сумел добиться от китайцев положительного решения в пользу Айгунского трактата и, по инструкции императорского МИД, отправился к приморскому Тяньцзиню, где ожидался новый раунд противостояния западных держав с китайцами.

16 мая 1860 г. Игнатьев тайком покинул Пекин, предварительно оставив о. Гурию особую инструкцию. В тексте ее содержались следующие слова: «Прямого участия в ходе наших переговоров Вы, в качестве начальника духовной нашей миссии, иметь не можете, потому что, для облегчения своего положения при настоящем политическом кризисе, наша миссия должна сохранять в глазах китайцев и других иностранных государств свой исключительно духовный и учебный характер. Поддерживая убеждение, что миссия не имеет политического предназначения. Вы можете, однако

¹³ Егор Петрович Ковалевский (1809–1868) — русский дипломат и путешественник.

¹⁴ Палладий (в миру — Петр Иванович Кафаров 1817–1878) — архимандрит, востоковед, участник XII и глава XIII и XV РДМ.

¹⁵ Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам... С. 217.

¹⁶ Там же. С. 253.

¹⁷ Там же. С. 263.

¹⁸ Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева... С. 110–111.

¹⁹ Там же. С. 110.

же, в разговорах... содействовать достижению нашей цели полезными внушениями и объяснениями»²⁰.

Судя по той степени ответственности, которую Игнатъев налагал на архимандрита, отношения их к тому моменту были на высоком уровне доверия: «Для сообщения мне сведений [из Пекина], подлежащих тайне, или для пересылки известий частным путем, у Вас имеется особый шифр. Мне остается выразить Вам, почтеннейший о. Архимандрит, искреннюю признательность мою за усердное содействие Ваше и деятельную помощь, которые Вы мне оказывали во время пребывания моего в Пекине, при переговорах и сношениях моих и с Китайским правительством. Я убежден, что Ваши труды будут оценены Министерством Иностранных Дел в той же степени, как и мною»²¹.

Архимандрит Гурий получил сведения о том, что Игнатъев благополучно добрался до Тяньцзиня только в июле. В письме от 17 июля руководитель XIV РДМ писал уполномоченному: «Не имея ни от Вас, ни об Вас никаких известий полтора месяца, мы уже воображали, Бог знает, какие невзгоды с Вами. А много ли Вы получили моих почт? Ли-фань-юань (Трибунал Внешних Сношений)²² наотрез отказался пересылать почту, даже просто какое-нибудь известие. Уехали, говорит; кому там отдать? Еще отдадим, пожалуй, англичанам. Конечно, Вам это не понравится. Такие животные! А все этот козел Су Шунь! Теперь он уже Нэй-у-фу-да-жень [内務府大人]²³. В страшной силе... Очень тяжело становится; жизнь в Пекине день ото дня становится мудренее... Я без шуток боюсь за спокойствие населения в столице... Недовольных было много и прежде, а теперь легче сосчитать довольных настоящим порядком. Из нынешней беседы моей с [китайским] приставом на подворье [РДМ], я понял, что у нас на Амуре что-то не ладно. Выражая свое неудовольствие нынешним порядком дел, он (китайский пристав. — А. К.) прибавил: чудные эти европейцы: зачем домогаться нового, когда старое лучше и покойнее. Вот и Ваш Муравьев: зайти то зашел, а дальше не знает, что делать. Отступить стыдно, идти вперед силы нет. Эта мысль высказана не даром: или у нас что-нибудь там не ладно, или они наше терпение, поистине ослиное, принимают за бессилие»²⁴.

Николай Павлович Игнатъев

²⁰ Там же. С. 227.

²¹ Там же. С. 230.

²² Палата по управлению инородцами (кит. 理藩院). В литературе до 1917 г. часто называется «Трибунал внешних сношений». В соответствии с Кяхтинским трактатом, через *Лифаньюань* велась дипломатическая переписка с Россией (от имени Сената, что позволяло избежать включения русских монархов в список вассалов китайского императора) вплоть до учреждения в Пекине в 1861 г. *Цзунли ямэня* (кит. 總理衙門 «Главный приказ по [иностранным делам]»).

²³ Великий сановник Дворцового управления. Во времена династии Цин в Дворцовое управление входили высшие маньчжурские аристократы и сановники.

²⁴ Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатъева... С. 270–271.

Но несмотря на все затруднения с пересылкой почты в Тяньцзинь, о. Гурий все-таки сумел наладить связь с Игнатьевым через верных РДМ китайцев.

Осенью 1860 г. Игнатьев возвратился к китайской столице²⁵, которая на тот момент находилась в полу-осажденном состоянии. Умело сыграв на противоречиях западных держав и маньчжуров, русский уполномоченный подписал с китайцами выгодный для Российской империи Пекинский трактат, в том числе, подтвердивший ранее заключенный Айгунский.

Архимандрит Гурий сыграл значительную роль в налаживании контактов Игнатьева и маньчжурских сановников благодаря чему посредничество стало возможным. В своей «Отчетной записке, поданной в Азиатский департамент» Игнатьев писал: «Отец Гурий отвечал [китайцам], что “Россия издавна не переставала принимать живейшее участие в судьбе соседней Империи, что Русскому Посланнику, несмотря на все вины пред ним Китайского Правительства, стало жалко, при виде конечной гибели, грозящей столице, и он поспешил в Пекин, чтобы попытаться еще раз спасти Вас”. Тогда Китайские сановники стали просить Отца Гурия уговорить меня принять на себя посредничество в распри с европейцами»²⁶.

Обсуждение конкретных деталей договора также легло на плечи о. Гурия: «Только в важных случаях Посланник лично принимал [китайских] Уполномоченных, большею же частью переговоры велись изустно Татариновым²⁷ и Архимандритом Гурием, которые поочередно выходили в квартиру Посланника, сообщали ему о ходе дела, об ответах китайцев, о встреченных затруднениях и по возражении передавали Китайским Уполномоченным ответы и замечания Посланника»²⁸.

После отъезда Игнатьева из Пекина в 1860 г., его переписка с архимандритом Гурием по вопросам изменившихся отношений Российской империи и Китая некоторое время продолжалась.

По окончании «китайских дел» карьеры Игнатьева и о. Гурия сложились вполне благополучным образом. Архимандрит Гурий в 1867 г. был рукоположен в епископа Таврического и Симферопольского (с 1881 г. — архиепископ). А Н. П. Игнатьев после своего возвращения из Китая занимал несколько лет должность директора Азиатского департамента МИД, а затем с 1864 по 1877 гг. служил послом Российской империи в Турции. Ушел в отставку с дипломатической работы Николай Павлович только в 1878 г., после чего некоторое время занимал высокие посты в различных министерствах Российской империи.

Примерно за год до своей кончины, 12 апреля 1881 г. архиепископ Гурий, поздравил Игнатьева с назначением на должность Министра государственных имуществ и посетовал: «Уже двадцать лет прошло с тех пор, как была открыта Таврическая епархия, но архиерейский дом еще не наделен никакими угодьями»²⁹.

Неизвестно, была ли эта просьба исполнена, но, судя по всему, деловые отношения между владыкой Гурием и Н. П. Игнатьевым продолжались до самой кончины архиепископа. Возможно, они не перешли в дружескую плоскость, и, судя по различным материалам переписки, наши герои не всегда придерживались одинакового отношения к тем или иным вопросам. Тем не менее, разница во взглядах и решительные

²⁵ Примечательно, что именно Игнатьев привез о. Гурию западные переводы Нового Завета, которые помогли архимандриту в собственном переводе Св. Писания на китайский язык. Подробнее см.: Хохлов А. Н. Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 864–915.

²⁶ Отчетная записка поданная в Азиатский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году. СПб., 1895. С. 234.

²⁷ Александр Алексеевич Татаринов (1817–24 сентября 1886) — дипломат, востоковед, лекарь XII РДМ.

²⁸ Отчетная записка поданная в Азиатский департамент... С. 286.

²⁹ Цит. по: Хохлов А. Н. Миссионерская деятельность Гурия Карпова... С. 909–910.

характеры, не помешали общему делу, принесшему Отечеству важнейший дипломатический договор, плодами которого Россия пользуется и ныне.

На наш взгляд, рассмотрение отношений между сановниками, принимавшими участие в дипломатической игре периода Второй опиумной войны, следует продолжить и расширить, так как помимо владыки Гурия и Н. П. Игнатьева на этом поприще потрудились и многие другие персоны.

Источники и литература

1. *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 2. М., 1891.

2. *Бутаков А. М., Тизенгаузен А. Е.* Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: АСТ, 2000.

3. Материалы относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859–60 годах. СПб., 1895.

4. Отчетная записка поданная в Азиатский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году. СПб., 1895.

5. *Сосна Н. А.* Дипломат поневоле: деятельность П. Н. Перовского в Китае в 1858–1859 гг. // Клио. 2020. № 3 (159). С. 158–166.

6. *Хохлов А. Н.* Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 864–915.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

Протоиерей Сергей Звонарёв

**Уравнение с несколькими неизвестными:
автономия Японской Православной Церкви
в контексте американской автокефалии
по данным церковных архивных источников**

УДК [271.224(520)+271.22(73)]-9:930.2

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_64

EDN YURZSU

Аннотация: Предоставление Московским Патриархатом автономии Японской Православной Церкви стало частью решения американского церковного вопроса. Уврачевание многолетнего церковного раскола путем восстановления канонической связи Русской Церкви с церковными структурами на американском континенте и в стране восходящего солнца, ставшими результатом ее миссионерских трудов, было главной задачей усилий церковных дипломатов. Для ее решения требовалась большая подготовительная работа, предполагавшая учет интересов как церковных участников переговорного процесса, так и политических сил. Событием огромного духовного значения стало прославление в лике святых равноапостольного Николая Японского, просветителя японской земли. Это событие укрепило двусторонние церковные связи в самом начале автономного бытия Японской Церкви. Реакция Поместных Православных Церквей на церковную автономию продемонстрировала наличие в православном мире к 1970 г. двух центров — Московского Патриархата и солидарных с ним Церквей, и Фанара, в русле которого следовали Церкви, объединенные традицией эллинизма. Целью представленной читателю статьи является изложение хода исторических событий, связанных с обретением Японской Церковью автономного статуса в составе Московского Патриархата, с опорой на доступные материалы Архива Отдела внешних церковных связей, в том числе ранее не публиковавшиеся. Для достижения поставленной цели использованы общие исторические методы исследования.

Ключевые слова: автономия, автокефалия, Московский Патриархат, Японская Православная Церковь, Северо-американская митрополия, Фанар, св. равноап. Николай Японский, митрополит Никодим.

Об авторе: **Протоиерей Сергей Леонидович Звонарёв**

Кандидат богословия, секретарь по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: zvonariov@ Rambler.ru

Для цитирования: Звонарёв С. Л., прот. Уравнение с несколькими неизвестными: автономия Японской Православной Церкви в контексте американской автокефалии по данным церковных архивных источников // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 64–71.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Archpriest Sergei Zvonarev

**An Equation with Several Unknowns:
The Autonomy of the Japanese Orthodox Church
in the Context of American Autocephaly
According to Church Archives**

UDC [271.224(520)+271.22(73)]-9:930.2

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_64

EDN YURZSU

Abstract: The granting of autonomy to the Orthodox Church of Japan by the Moscow Patriarchate was part of the solution of the American Church question. The healing of the many years Church schism by restoring the canonical connection between the Russian Church and Church structures on the American continent and in the Land of the Rising Sun, which were the result of the missionary work of the Russian Church, was the primary goal of the efforts of church diplomats. This task required a great deal of preparatory work, which had to take into account the interests of both Church participants of the negotiation process and political forces. The canonization of St. Nicholas of Japan, the Enlightener of Japan, was an event of great spiritual significance. This strengthened bilateral church ties at the beginning of the autonomous existence of the Church of Japan. The reaction of the Local Orthodox Churches to this church autonomy demonstrated the existence of two centers in the Orthodox world by 1970: the Moscow Patriarchate and the Churches in solidarity with it, and the Phanar, followed by the Churches united by the Hellenistic tradition. The aim of this article is to describe the course of historical events connected with the acquisition of autonomous status by the Church of Japan within the Moscow Patriarchate on the base of available materials of the Archive of the Department for External Church Relations, including those previously unpublished. General historical methods of research are used to achieve this goal.

Keywords: autonomy, autocephaly, Moscow Patriarchate, Japanese Orthodox Church, Metropolia of North America, Phanar, St. Nicholas of Japan, Metropolitan Nikodim.

About the author: **Archpriest Sergei Leonidovich Zvonarev**

Ph.D. in Theology, Secretary for Far Abroad Relations of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, and a doctoral student at the Ss Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies.

E-mail: zvonariov@rambler.ru

For citation: Zvonarev S. L., archpriest. An Equation with Several Unknowns: The Autonomy of the Japanese Orthodox Church in the Context of American Autocephaly According to Church Archives. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 64–71.

Японское Православие стало результатом миссионерских усилий последней трети XIX и начала XX вв., связанных с именем архиепископа Японского Николая (Касаткина). Рост числа верующего населения страны восходящего солнца, строительство новых храмов и увеличение числа приходов привели к появлению Японской Церкви, находившейся в юрисдикции Русской Церкви. С началом Второй мировой войны, в которой Япония оказалась по разные стороны фронта с Советским Союзом, произошел фактический разрыв отношений Японской Церкви с Московским Патриархатом. Это разделение было подогрето японскими политиками и оформлено решением Церковного Собора Японской Церкви 16 июля 1940 г. Однако это решение не принесло церковного мира. Митрополит Токийский и Японский Сергей (Тихомиров) был вынужден уйти на покой, что породило борьбу внутрицерковных группировок. Сил для самостоятельного бытия у Японской Церкви не было, а потому более сильная церковная структура, также находящаяся в расколе с Русской Церковью, начала попытки распространить свое влияние на Японскую Церковь. Этой структурой была Северо-американская митрополия. Однако расположение центра митрополии в стане противника — Соединенных Штатах Америки, не давало успеха таким попыткам, которые купировались японскими властями. Ситуация изменилась в сентябре 1945 г. с капитуляцией милитаристской Японии. Военная оккупационная администрация, возглавляемая американским генералом Дугласом Макартуром, вмешалась в юрисдикционную принадлежность Японской Церкви и вынудила ее в 1945 г. перейти в подчинение Северо-американской митрополии.

По замыслу Вашингтона, на территории Соединенных Штатов и в зоне их влияния не должно было оставаться церковных структур, связанных с Русской Православной Церковью, а посредством ее с советскими властями. По линии Северо-американской митрополии, находившейся под плотным надзором властей США, велось финансирование Японской Церкви. Митрополия направляла для японских епархий епископов — людей американской культуры и антисоветски настроенных. Позиция японских властей в церковном вопросе всецело зависела от политики Вашингтона.

Московский Патриархат предпринимал попытки вернуть Японскую Церковь под свой контроль. Для успеха дела требовался прямой диалог священноначалия Русской и Японской Церквей. Ключ к решению японского церковного вопроса был найден в процессе подготовки к решению американского церковного вопроса. Как звенья одной цепи, они предполагали совместный подход. Потому предоставление автокефалии Православной Церкви в Америке, как первое звено, влекло за собой изменение канонического статуса Японской Церкви — второго звена¹. Для Московского Патриархата было важно преодолеть раскол и восстановить общение и с Северо-американской митрополией, и с Японской Церковью в том или ином их каноническом статусе. Переговоры с руководством и представителями Японской Церкви велись параллельно консультациям с Северо-американской митрополией. Так, в контексте второго раунда официальных переговоров с представителями Северо-американской митрополии в Токио, 26–28 ноября 1969 г., состоялась серия встреч и обсуждений путей восстановления канонических отношений Русской и Японской Церквей, которые вели председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее — ОВЦС) митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) и епископ Токийский Владимир (Нагосский).

19 декабря 1969 г. в Токио состоялся Собор Японской Православной Церкви. Собрание признали результаты токийских договорённостей делегаций Московского Патриархата и Японской Церкви от 28 ноября 1969 г., постановили «срочно» просить предстоятеля Русской Православной Церкви об автономии в составе Московского Патриархата, а также «срочно» прекратить судебный процесс Русской Церкви

¹ Суханова Н. А. Японское православие юрисдикции Московского Патриархата (1947–1970 гг.) // Восток (Oriens). 2008. № 1. С. 60.

против Японской Церкви². Судебные издержки осложняли и без того трудное финансовое положение Японской Церкви³.

Патриарший и синодальный Томос о предоставлении автономии Японской Православной Церкви был подписан в один день с Томосом об автокефалии Православной Церкви в Америке — 10 апреля 1970 г. на расширенном заседании Св. Синода⁴. Документом объявлялось, что Автономная Японская Православная Церковь — независимая и свободная в делах своего внутреннего управления, а в вопросах сохранения догматов веры и канонов — связана через Русскую Церковь со Вселенской Церковью. Предстоятель Автономной Церкви избирается ее Поместным Собором и утверждается патриархом Московским и всея Руси. Если избранник не имеет архиерейского сана, то его хиротония совершается предстоятелем Русской Церкви или его представителем в Токио⁵. Святейшим патриархом Алексием и Св. Синодом главой Японской Церкви с титулом архиепископ Токийский, митрополит всей Японии был утвержден Владимир (Нагосский), избранный 19 декабря 1969 г. на заседании чрезвычайного Собора Японской Православной Церкви⁶.

Патриарх Алексий оценил восстановление общения между Русской и Японской Церквями как историческое и священное, открывающее «новые широкие возможности для совместного братского во Христе служения»⁷. Однако звучали и альтернативные позитивному настрою на предоставление автономии Японской Церкви мнения. В частности, такую позицию озвучил председатель Совета Православной

Митрополит Никодим (Ротов)

² Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее — АОВЦС). Д. 60. 1970. Ч. 5. С. 4. Судебный процесс возбужден в марте 1968 г. по имущественному иску Православной духовной миссии в Японии к Японской Церкви на право собственности в отношении Воскресенского кафедрального собора («Николай-до»). В обеспечение иска был наложен арест на земельный участок вокруг собора. Участие в судебном процессе влекло немалые финансовые издержки, которые на фоне затруднительного материального положения Японской Церкви были названы председателем Совета Православной духовной миссии в Японии епископом Токийским и Японским Николаем (Саямой) одной из причин торопливости руководства Японской Церкви в обращении к священноначалию Русской Церкви с просьбой об автономии. Прекращение всех имущественных судебных процессов, как следствие дарования автономии Японской Церкви, стало результатом договоренностей между представителями Московского Патриархата и Японской Церкви 28 ноября 1969 г. в Токио.

³ Суханова Н. А. Японское православие... С. 57.

⁴ Томос Алексия, милостию Божию Патриарха Московского и всея Руси, от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5.

⁵ Там же.

⁶ Определение Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5.

⁷ Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Высокопреосвященному Владимиру, Архиепископу Токийскому, Митрополиту всей Японии, Преосвященному Феодосию, епископу Киотскому, пастырям, усердным служителям и всем верным чадам святой Православной Автономной Японской Церкви от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5. С. 12.

Митрополит Феодосий (Нагасима)

духовной миссии в Японии епископ Токийский и Японский Николай (Саяма). Иерарх полагал, что предоставление автономии Японской Церкви преждевременно по причинам малого числа епархий, священнослужителей и мирян (по словам архипастыря, по субботам всенощное бдение в кафедральном соборе Японской Церкви «Николай-до» посещают 7–8 прихожан, а по воскресным дням — не более 30 верующих), необходимости предварительно решить вопрос с поставлением во главе Японской Церкви иерарха японского происхождения, а не американского, каковое имел епископ Токийский Владимир (Нагоский)⁸. Забегая вперед, скажем, что спустя два года после дарования автономии Японской Церкви у нее появится предстоятель из числа местного населения. Им стал епископ Киотосский и Западно-Японский Феодосий (Нагасима) по избранию в марте 1972 г. на чрезвычайном Соборе Японской Церкви. Кроме того, Японскую Церковь было нельзя назвать несостоятельной: в 1970 г. она имела в своем составе три епархии, сорок приходо-в, порядка шестидесяти храмов и молитвенных домов, в которых служили тридцать священников и духовно окормляли двадцать пять тысяч верующих — преимущественно японского происхождения⁹.

В день объявления автономии на расширенном заседании Св. Синода Русской Церкви к лику святых был причислен просветитель Японии архиепископ Николай (Касаткин). Такое значимое для Русской и Японской Церквей духовное событие в столетнюю годовщину учреждения Православной миссии в Японии должно было укрепить двусторонние церковные отношения и подчеркнуть исторический характер дарования автономии Церкви страны восходящего солнца. Работа по изучению вопроса о возможности прославления архиепископа Николая была возложена Св. Синодом Русской Церкви 16 декабря 1969 г. на специально учрежденную Комиссию под председательством митрополита Никодима. Председатель ОВЦС скрупулезно подошел к вопросу подготовки канонизации архиепископа Николая. По итогам работы Комиссии был подготовлен доклад митрополита Никодима, в котором иерарх отмечал, что «жизнь и деятельность (архиепископа Николая. — *прот. С. З.*) представляется христиански возвышенной, жертвенной, самоотверженной, всецело преданной апостольскому подвигу и Церкви Христовой»¹⁰.

Местоблюститель московского патриаршего престола митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков) 12 июня 1970 г. сообщил окружными посланиями председателям Поместных Православных Церквей о состоявшемся даровании автономии Православной Церкви Японии¹¹ и о прославлении равноапостольного Николая¹².

На окружные послания поступили отклики из Поместных Церквей. Митрополит Варшавский и всея Польши Василий сообщил патриаршему местоблюстителю о том,

⁸ АОВЦС. Д. 60. 1970. Ч. 5. С. 1–4.

⁹ Там же. Д. 60. 1970. Ч. 6. С. 6.

¹⁰ Там же. Д. 60. 1970. Ч. 6.

¹¹ Послания патриаршего местоблюстителя главам Поместных Православных Церквей об автономии Православной Церкви в Японии от 12 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 7. С. 2–3, 8–9.

¹² Послания патриаршего местоблюстителя главам Поместных Православных Церквей о канонизации архиепископа Николая Японского от 12 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 7. С. 4, 8–9.

что решение Русской Церкви одобрено Архиерейским Собором Польской Церкви¹³. Патриарх Болгарский Кирилл свидетельствовал о духовной радости по поводу дарования автономии и свершившегося прославления¹⁴, а митрополит Пражский и всей Чехословакии Дорофей назвал деяния Русской Церкви «благородным примером умиротворения»¹⁵. В переписку включился и предстоятель молодой Автокефальной Православной Церкви в Америке митрополит всей Америки и Канады Ириней, сообщивший о включении имени равноапостольного Николая Японского в святцы (но не упоминавший о позиции в отношении автономии Японской Церкви)¹⁶. Сербская Православная Церковь, занявшая нейтральную позицию по вопросу дарования автокефалии Православной Церкви в Америке, по случаю автономии Японской Церкви устами своего председателя выразила приветствие «развивающемуся и произрастающему» церковному делу¹⁷. О весте прославления равноапостольного Николая как о радостном событии сообщил архиепископ Афинский и всея Эллады Иероним, однако, не упомянул о позиции в отношении японской автономии¹⁸. Патриарх Румынский Юстиниан в ответном письме отметил, что не могло быть препятствий для установления автономного статуса Японской Церкви¹⁹. Признала автономию Японской Церкви и приняла канонизацию просветителя Японии Грузинская Православная Церковь. Остальные Поместные Церкви ограничились молчанием. Официально не ответил на окружное послание местоблюстителя московского патриаршего престола константинопольский патриарх, не признавший автономию Японской Церкви. Позиция Фанара была предсказуема, поскольку еще до провозглашения японской автономии 8 января 1970 г. была образована Новозеландская митрополия Константинопольского Патриархата, в состав которой включена и Япония, а к титулу митрополита Новозеландского добавлено «Японский». Солидарной с Константинопольским Патриархатом позиции придерживались и другие греческие Церкви, шедшие в фарватере церковной политики Фанара.

Дарование Японской Церкви автономного статуса в составе Московского Патриархата стало несомненным дипломатическим успехом Русской Церкви. Для восстановления канонической связи между двумя Церквями потребовалось решить уравнение с несколькими неизвестными. Задача осложнялась связью японской автономии с американской автокефалией, а потому и переговоры о каноническом урегулировании приходилось вести параллельно с руководством и представителями Североамериканской митрополии и Японской Церкви. Очевидно, что провал американского трека повлек бы за собой обнуление результатов переговоров на японском направлении. Кроме того, задача отягощалась пересечением с церковными интересами политических интересов США и Японии, с одной стороны, и СССР, с другой. Чтобы

¹³ Послания предстоятелей Поместных Православных Церквей по поводу причисления к лику святых Николая, Архиепископа Японского, и дарования автономии Японской Православной Церкви. Письмо Блаженнейшего Митрополита Варшавского и всея Польши Василия местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 264/20 от 10 июля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 8.

¹⁴ Письма Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 373 от 7 июля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 7–8.

¹⁵ Письмо Блаженнейшего Митрополита Пражского и всей Чехословакии Дорофея местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 58/70 от 22 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 7.

¹⁶ Письмо Блаженнейшего Архиепископа Нью-Йоркского, Митрополита всей Америки и Канады Ириней местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 43 от 28 января 1971 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 9.

¹⁷ Письмо Святейшего Патриарха Сербского Германа местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 2456 от 30 декабря 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 9.

¹⁸ АОВЦС. Д. 60-Б. 1970.

¹⁹ Там же. Д. 60-Б. 1970. С. 2 (4).

не споткнуться в этой сложной многоходовой партии, требовалась большая подготовительная работа, без успеха которой было невозможно ожидать позитивного исхода. Эта работа легла в первую очередь на плечи председателя ОВЦС митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. Благодаря его дипломатическому таланту удалось решить японскую церковную проблему с максимальной пользой для участников переговорного процесса. Во-первых, дарованием автономного статуса Японской Церкви уравнивалось болезненное разделение между двумя Церквями, длившееся три десятилетия. Разрыв в церковном общении был вызван политическим фактором, вмешательством в церковную жизнь сначала японских, а затем американских властей. Восстановление канонической связи двух Церквей означало крушение деструктивных замыслов политиков. Во-вторых, Японская Церковь выходила из подчинения Северо-американской митрополии, на основе которой рождалась Православная Церковь в Америке, и вновь входила в юрисдикцию Московского Патриархата. Тем самым была восстановлена историческая справедливость и преемственность миссионерских трудов равноапостольного Николая Японского, прожившего всю свою жизнь для проповеди православной веры японскому народу. Корабль Японской Церкви после десятилетий скитаний вновь вернулся в родную гавань. В-третьих, духовные связи двух Церквей помогали Московскому Патриархату получить союзника в сфере межхристианского диалога, в частности, на площадке Всемирного совета церквей, а Японской Церкви — патрона, помогавшего ей выходить на межправославный уровень, отстаивавшего право на участие автономной Церкви в решении общеправославных вопросов.

Источники и литература

1. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее — АОВЦС). Д. 60. 1970. Ч. 5.
2. АОВЦС. Д. 60. 1970. Ч. 6.
3. АОВЦС. Д. 60-Б. 1970.
4. Определение Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5.
5. Письма Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 373 от 7 июля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 7–8.
6. Письмо Блаженнейшего Архиепископа Нью-Йоркского, Митрополита всей Америки и Канады Ирины местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 43 от 28 января 1971 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 9.
7. Письмо Блаженнейшего Митрополита Пражского и всей Чехословакии Дорофея местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 58/70 от 22 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 7.
8. Письмо Святейшего Патриарха Сербского Германа местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 2456 от 30 декабря 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 9.
9. Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Высокопреосвященному Владимиру, Архиепископу Токийскому, Митрополиту всей Японии, Преосвященному Феодосию, епископу Киотскому, пастырям, усердным служителям и всем верным чадам святой Православной Автономной Японской Церкви от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5. С. 12.
10. Послания патриаршего местоблюстителя главам Поместных Православных Церквей о канонизации архиепископа Николая Японского от 12 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 7. С. 4, 8–9.

11. Послания патриаршего местоблюстителя главам Поместных Православных Церквей об автономии Православной Церкви в Японии от 12 июня 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 7. С. 2–3, 8–9.

12. Послания предстоятелей Поместных Православных Церквей по поводу причисления к лику святых Николая, Архиепископа Японского, и дарования автономии Японской Православной Церкви. Письмо Блаженнейшего Митрополита Варшавского и всея Польши Василия местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Крутицкому и Коломенскому Пимену № 264/20 от 10 июля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 4. С. 8.

13. *Суханова Н. А.* Японское православие юрисдикции Московского Патриархата (1947–1970 гг.) // Восток (Oriens). 2008. № 1.

14. Томос Алексея, милостию Божиею Патриарха Московского и всея Руси, от 10 апреля 1970 г. // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 5.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

Д. А. Карпук

**Обстоятельства предоставления
«Обществу восстановления православного христианства
на Кавказе» духовно-цензорских полномочий**

УДК 271.2-784(470.6)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_72
EDN XXGMEN

Аннотация: В центре статьи находится деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе на начальном этапе его существования в 1860-х гг. Одной из главных задач, стоявших перед Обществом, являлась просветительская деятельность среди народов Кавказа. Для ее реализации необходимо было активно заниматься переводами и изданием соответствующей литературы, однако, согласно действующим законам, все это необходимо было делать, получая разрешения духовной цензуры на каждое издание в Санкт-Петербурге или Москве. Подобного рода волокита приводила исключительно к затягиванию процесса по времени без какой бы то ни было пользы для дела. В результате, Святейший Синод поддержал инициативу Наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича и разрешил Обществу иметь свою собственную типографию и издавать книги под своей собственной цензурой. Данная реформа стала важным шагом в деле децентрализации духовной цензуры во второй половине XIX столетия.

Ключевые слова: Общество восстановления православного христианства на Кавказе, духовная цензура, переводы богослужебных книг, великий князь Михаил Николаевич, князь А. И. Бярятинский, митрополит Исидор (Никольский), архиепископ Евсевий (Ильинский).

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской Духовной Семинарии.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Для цитирования: Карпук Д. А. Обстоятельства предоставления «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе» духовно-цензорских полномочий // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 72–80.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Dmitry A. Karpuk

**Circumstances of granting spiritual-censorship powers
to the “Society for the Restoration
of Orthodox Christianity in the Caucasus”**

UDC 271.2-784(470.6)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_72
EDN XXGMEN

Abstract: The article focuses on the activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus at the initial stage of its existence in the 1860s. One of the main tasks facing the Society was educational activities among the peoples of the Caucasus. To implement this, it was necessary to actively engage in translations and publication of relevant literature, but, according to the current laws, all this had to be done by obtaining permission from the spiritual censorship for each publication in St. Petersburg or Moscow. This kind of red tape led exclusively to the delay of the process without any benefit to the cause. As a result, the Holy Synod supported the initiative of the Viceroy of the Caucasus, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, and allowed the Society to have its own printing house and publish books under its own censorship. This reform became an important step in the decentralization of spiritual censorship in the second half of the 19th century.

Keywords: Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus, spiritual censorship, translations of liturgical books, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, Prince A. I. Baryatinsky, Metropolitan Isidore (Nikolsky), Archbishop Eusebius (Ilyinsky).

About the author: Dmitry Andreevich Karpuk

Candidate of Theology, Head of Postgraduate Studies, Associate Professor of the Department of Church History at the St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church History and General Humanities at the Pskov-Pechersk Theological Seminary.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

For citation: Karpuk D. A. Circumstances of granting spiritual-censorship powers to the “Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus”. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 72–80.

* Photos are taken from open sources.

Князь А. И. Барятинский

Нельзя не согласиться с высказанным в одной из публикаций, посвященных истории «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», мнением, что этой дореволюционной структуре Русской Православной Церкви посвящено достаточное количество работ, как дореволюционных¹, так и современных². Действительно, довольно детально на данный момент уже рассмотрены: обстоятельства учреждения Общества в 1860 г. при активном участии Наместника на Кавказе князя Александра Ивановича Барятинского и архиепископа, впоследствии митрополита Исидора (Никольского); первые десятилетия деятельности Общества и структурные изменения, произошедшие в середине 1880-х гг. при участии тогдашнего обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева; собственно переводческая и миссионерская деятельность Общества³.

В данной статье мы рассмотрим всего лишь один незначительный, как может показаться, эпизод, связанный с издательской деятельностью Общества. Вместе с тем, есть

все основания полагать, что данный сюжет был важен не только для непосредственно самого «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», но и в целом для духовной цензуры, которая в 1860-х гг. переживала период децентрализации.

Итак, в 1863 г. «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» в лице нового, после князя А. И. Барятинского, председателя и Наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича обратилось к обер-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову с просьбой рассмотреть возможность разрешить учреждение «при Совете Общества восстановления христианства на Кавказе особой духовной цензуры и на печатание в Тифлисе, на счет Общества, как священно-церковных

¹ Платонов А. И. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910.

² Волхонский М. А. Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 105; Савенко Е. А., Савенко С. Н. Вопросы историографии восстановления православного христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX в. Ставрополь: Графа, 2013; Бубулашвили Э. Общество восстановления православного христианства на Кавказе // Православная энциклопедия. Т. LIII. М., 2018. С. 310–312; Цициба А. Л. Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 61–74.

³ История деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» так или иначе рассматривалась в целом ряде современных кандидатских диссертаций. См., например: Цициба А. Л. Деятельность Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе: исторические условия, методы и формы работы. Дисс... канд. истор. наук. Майкоп, 2001; Дзанагова Л. В. Роль православного христианства в развитии просвещения и школы народов Центрального Кавказа (XVIII – начало XX вв.) Дисс... канд. педаг. наук. Владикавказ, 2003; Наскидаева Е. Х. Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа: середина XVIII – нач. XX вв. Дисс... канд. истор. наук. Владикавказ, 2011; Савенко Е. А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг.: идеи, практика, результаты. Дисс... канд. истор. наук. Пятигорск, 2013.

книг, необходимых для церквей Грузинского Экзархата, так и переводов и других сочинений, издаваемых Обществом в видах восстановления Православного христианства на Кавказе»⁴.

До этого обращения схема цензурирования и издательства, в полном соответствии с тогдашним законодательством, была следующей. Все тексты и переводы, сделанные на Кавказе, представлялись в один из двух столичных цензурных комитетов – Санкт-Петербургский или Московский. После получения разрешения тексты окончательно разрешались Св. Синодом и возвращались или обратно на Кавказ, в Тифлис, или печатались, если речь шла о текстах на грузинском языке, в Московской синодальной типографии. Очевидно, что подобного рода последовательность, во-первых, страшно увеличивала временные сроки, поскольку на переписку и пересылку уходило иногда даже не недели, а месяцы. Во-вторых, в Петербурге и Москве зачастую просто не было соответствующих специалистов и знатоков кавказских языков и наречий, которые могли бы профессионально рассмотреть и утвердить сделанные переводы. Поэтому получалось, что пересылка была не только довольно продолжительной по времени, но и совершенно бесполезной, если говорить о содержательной стороне вопроса.

В этом контексте инициатива великого князя выглядела вполне обоснованной, пусть даже и противоречащей действовавшим на протяжении десятилетий правилам. События развивались следующим образом. В отношении Наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича на имя обер-прокурора Св. Синода от 31 мая / 5 июня 1863 г. за № 689 отмечалось, во-первых, что Общество во главе своей миссионерской деятельности поставило введение и распространение грамотности среди кавказских горских народов, а также перевод священно-церковных и учебных книг на горские наречия. Во-вторых, в отношении была обозначена прежняя схема, когда эти переводы, после рассмотрения на месте, представлялись на разрешение Св. Синода и затем, после получения разрешения, печатались в типографии Главного управления Наместника в Тифлисе⁵.

По мнению великого князя, сложившаяся практика имела существенные недостатки. Прежде всего – и эти слова заслуживают особого внимания! – «отсылка в Святейший Синод переводов на одобрение есть лишь одна формальность, так как ни в Синоде, ни в духовном цензурном Комитете, ни даже в Академии наук нет ни одного лица, которое могло бы иметь притязание на практическое знание вообще кавказских горских языков, и следовательно поверить (так в тексте. – Д. К.) переводы и быть судьей достоинства их»⁶. С этим было невозможно спорить, что подтверждается в том числе другими материалами из фонда Санкт-Петербургского духовного

Великий князь Михаил Николаевич

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 1 об.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 3–3 об.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 3 об.

цензурного комитета (РГИА. Ф. 807), когда цензоры, не зная тех или иных языков, вынуждены были обращаться, например, в Министерство народного просвещения или местную духовную академию за помощью⁷. Последние также чаще всего отвечали отказом, ссылаясь на то, что у них нет соответствующих специалистов. И Синод в результате вынужден был отправлять рукопись на инородческом языке в ту же самую епархию, откуда она была прислана на проверку. Итоговое разрешение вопроса отдавалось на откуп местному епархиальному архиерею или духовной консистории, которые должны были передать рукопись на рассмотрение другому знатоку языка, если таковой вообще имелся⁸. Налицо совершенно сложная и, повторимся, бесполезная схема, приводящая исключительно к затягиванию вопроса без какой бы то ни было пользы для дела. Таким образом, по мнению великого князя, «в испрошении разрешения Святейшего Синода происходит бесполезная трата времени, которое столь дорого для выполнения целей Общества»⁹.

Именно поэтому великий князь находил необходимым и полезным предоставить «Обществу восстановления христианства на Кавказе» печатать издаваемые им книги под собственной цензурой. Понимая, насколько ревностно высший церковный орган относился к этой области своей деятельности, ответственность за соблюдение цензурных постановлений предлагалось возложить на вице-председателя и правителя дел Совета Общества. При этом, при цензуровании изданий предлагалось ввести и соблюдать следующий порядок.

Во-первых, издания Общества предлагалось печатать на основании постановлений Совета Общества. Постановления эти, в свою очередь, необходимо было фиксировать в журналах, и сведения об этом указывать как на рукописях, так и на каждом печатном экземпляре того или иного издания.

Во-вторых — и этот пункт представляет особый интерес, — рукописи, предназначенные к печати, необходимо было рассматривать «в коллегиальном порядке особо учреждаемую каждый раз вице-председателем комиссией из лиц, специально знающих языки горских народов. Комиссия эта, в видах ясности и удобопонятности, прочитывает переводы горцам и замечания их принимает в соображение. В случае возникшего в Комиссии разногласия, вопрос представляется на решение Совета Общества»¹⁰. Особое внимание здесь привлекает требование зачитывать переводы горцам на предмет понимания текстов с их стороны. Считаем, что данное требование является чрезвычайно важным и прорывным в контексте сложившейся практики, когда некоторые миссионеры середины XIX в. переводили богослужебные книги на местные языки, но местное население эти переводы решительно не понимало! В последнем случае переводы были во многом искусственными, а значит, в определенной степени и бесполезными. По крайней мере, бесполезными они были на момент осуществления миссии, поскольку можно предположить, что в дальнейшем эти переводы могли бы приобрести ценность, возвысив местный язык на более высокий уровень в сравнении с более примитивным наречением, использовавшимся местным населением на момент составления перевода.

⁷ Например, когда в 1859 г. в Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет поступила рукопись «Сказание о Гербовецкой Богоматерней иконе, на молдавском и болгарском языках», то в итоге ее вернули в Кишиневскую епархию, где молдавский перевод рассматривали сотрудники местной духовной консистории, поскольку в Санкт-Петербурге не нашлось соответствующих специалистов (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1359. Л. 252).

⁸ Так, например, переводы богослужебных книг на финский язык в 1870-х гг. пропускались к печати на основании синодальных указов под личную ответственность самого переводчика священника Иоанна Федоровича Альбинского (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1567. Л. 106 об). Об о. Иоанне Альбинском см.: *Надеждин А. Н.* История Санкт-Петербургской духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885. С. 572.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 3 об.–4.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 4 об.

Следующие два пункта относились уже во многом к формально-бюрократической стороне вопроса. Так, одобрение к печати должно было подписываться на корректурных листах одним из лиц, входивших в состав комиссии, рассматривавшей перевод или сочинение на том или ином языке. После того как книга была напечатана, выпуск из типографии должен был осуществляться по билету, за подписью вице-председателя, «скрепою правителя и приложением печати Общества»¹¹.

Во второй части своей записки Наместник на Кавказе отмечал неудобство, когда типография Главного управления Наместника, загруженная на полную мощность печатью светской литературы, вынуждена была печатать богослужебные и церковные книги. В этой связи также очень часто возникали задержки и вынужденное перенесение сроков издания той или иной книги, брошюры и т. п. Отметив проблемы в издательском деле, великий князь предложил довольно простую, но, как кажется, эффективную систему, благодаря которой эти проблемы разрешались по крайней мере с формальной стороны.

Великий князь предлагал создать отдельную типографию для Общества. Во-первых, одной из главных обязанностей Общества, как уже отмечалось выше, являлась печать и распространение богослужебных и церковных книг среди православных церквей в Грузинском экзархате. Однако книги на грузинском, например, языке до этого печатались исключительно в Московской синодальной типографии, которая, к сожалению, не успевала снабжать грузинские церкви необходимой литературой. В результате, это приводило к следующим не очень хорошим для местных православных приходов последствиям: «а., много церковных грузинских книг нет вовсе в печати, грузинская Библия составляет для здешнего народа более чем редкость и ни за самую высокую плату нельзя приобрести ее; б., в Москве книги печатаются исключительно церковным шрифтом, большинству грузин недоступным, и в., книгам этим назначается цена, слишком высокая, от чего приобретение их для бедных церквей и священно-церковно-служителей, обременительно»¹².

Повторимся, по мнению великого князя Михаила Николаевича, подобного рода нестроения можно было бы разрешить, если бы Общество получило возможность открыть в Тифлисе свою собственную типографию.

Примечательно, что Хозяйственное управление при Св. Синоде, которое рассматривало данное обращение великого князя, не затрагивая довольно щекотливый вопрос о духовной цензуре, в отношении типографии рекомендовало Синоду решить этот вопрос положительно для Общества. Более того, из приведенной справки следовало, что вопрос об открытии своей собственной типографии Обществом поднимался еще в 1860 г. Тогда Св. Синод по представлению экзарха Грузии разрешил напечатать на осетинском языке букварь, литургию св. Иоанна Златоустого, Последование вечерни, утрени и св. крещения, с отнесением расходов по печати переводов на счет местных источников. После того, как данное дело было представлено на рассмотрение покровительнице Общества государыне императрице, последняя поручила обер-прокурору Синода А. П. Толстому «сделать соображения о возможности учредить на месте типографию для печатания книг на осетинском языке»¹³.

Экзарх Грузии архиепископ Евсевий (Ильинский), которому и был сделан запрос по данному делу, в марте 1862 г. отвечал, что Комитет, учрежденный для устройства «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», признал особенно актуальным и востребованным учреждение в Тифлисе за счет Общества особой типографии для печати как священно-церковных книг, необходимых для всех православных церквей Закавказского края, так и других книг, издаваемых Обществом¹⁴. Подробный проект о типографии, сообщил архиерей, уже был составлен и делу предполагалось дать ход после возвращения из-за границы тогдашнего

¹¹ Там же.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 5 об.-6.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 33. 1 отд. Д. 180. Л. 3-3 об.

Наместника на Кавказе генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского¹⁵. Однако тогда по каким-то причинам вопрос о типографии не был разрешен. И к нему вновь вернулись уже в 1863 г., когда Наместником был назначен великий князь Михаил Николаевич.

Из канцелярии обер-прокурора предложение великого князя 22 июня 1863 г. было направлено в Хозяйственное управление при Св. Синоде, которое и должно было вынести проект итогового решения по типографии¹⁶. Хозяйственное управление дало ответ довольно оперативно — уже 27 июня. Управление отметило, что, во-первых, не встречает препятствий к печати в Тифлисе за счет Общества священно-церковных, учебных и других книг на грузинском языке и горских наречиях, с тем только исключением, чтобы в учрежденной там для этого типографии не печатались книги, издаваемые Св. Синодом на славянском и русском языках. Данный пункт был принципиальным, следующий же носил технический характер. Дело в том, что в случае прекращения печати в Москве книг на грузинском языке, в синодальной типографии остались бы без всякого употребления значительное количество грузинских шрифтов. В этой связи Хозяйственное управление полагало: «предложить учреждаемой в Тифлисе типографии, чтобы она приобрела в Московской Типографии означенный шрифт»¹⁷. Из материалов рассмотренных архивных дел не видно, был ли и как именно разрешен данный вопрос.

Синод рассмотрел данный вопрос летом того же 1863 г. и своим указом от 31 июля за № 1683 согласился предоставить право собственной цензуры «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе»¹⁸. Примечательно, что в тексте указа были упомянуты 182 и 257 статьи устава духовной цензуры, согласно которым цензура духовных книг, относящихся к православному исповеданию, зависела исключительно от академических конференций и действующих при них цензурных комитетов¹⁹. Другими словами — и это важно отметить и подчеркнуть, — Синод шел на исключение из правил, точнее, на исключение из законов (!). Одна из причин могла заключаться в том, что члены Синода сами увидели необходимость в некоторой корректировке существующих духовно-цензурных законов для пользы миссии на Кавказе. Но, как кажется, гораздо более правдоподобной выглядит другая причина. Синод не мог отказать в ходатайстве брату правящего императора Александра II великому князю Михаилу Николаевичу. То есть, если бы с точно такой же инициативой выступил, например, экзарх, то Синод мог бы и отказать, сославшись на устав духовной цензуры, действовавший с 1828 г. Кроме того, справедливости ради надо сказать, что предложенная аргументация в пользу децентрализации духовной цензуры и учреждения типографии Общества выглядит вполне разумной и убедительной. Единственное, что позволило бы Синоду воспрепятствовать проводимым преобразованиям, это наличие знатоков горских наречий в столице или в Москве. Но таковых там не было...

Далее проект о преобразованиях 18 ноября 1863 г. был представлен обер-прокурором Св. Синода Ахматовым императору Александру II²⁰, который Высочайше соизволил предоставить «Обществу восстановления Православного Христианства на Кавказе права печатания священно-церковных и учебных книг на горских наречиях, под собственную цензуру, и права печатания священно-церковных книг на грузинском языке, для церквей Грузинского Экзархата»²¹. Условия полностью совпадали

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 1 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 33. 1 отд. Д. 180. Л. 4.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 2.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 7–9 об.

¹⁹ Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. С. 36, 45.

²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 33. 1 отд. Д. 180. Л. 7–8 об., 24–25 об.

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 18.

с предложенными Наместником на Кавказе. Синодальный циркулярный указ о произошедших изменениях в сфере духовной цензуры и деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» был издан 23 декабря 1863 г.²²

Подводя итоги, следует отметить, что, во-первых, вне всякого сомнения, данное решение Св. Синода самым серьезным образом облегчило переводческую и издательскую деятельность Общества. В литературе иногда встречаются критические высказывания, сводящиеся к тому, что Общество могло бы переводить и издавать больше, а в действительности получилось не так много. Даже если согласиться с таким мнением, то нужно отметить, что, если бы была сохранена прежняя практика духовного цензурирования в Санкт-Петербурге или Москве, то Общество издало бы еще меньше, чем получилось на самом деле. Как бы то ни было, с 1863 г. все переводческо-издательское дело находилось в руках членов самого Общества. Во-вторых, данное разрешение впоследствии использовали для получения такого же права на собственную цензуру Братство святителя Гурия в Казани²³ и Алтайская миссия²⁴. И Синод, учитывая прецедент с Обществом на Кавказе, вынужден был предоставлять соответствующие полномочия, все больше следуя по пути децентрализации духовно-цензурного контроля.

Источники и литература

1. *Бубулашвили Э.* Общество восстановления православного христианства на Кавказе // Православная энциклопедия. Т. ЛШ. М., 2018. С. 310–312.
2. *Волхонский М. А.* Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 105–126.
3. *Дзанагова Л. В.* Роль православного христианства в развитии просвещения и школы народов Центрального Кавказа (XVIII — начало XX вв.). Дисс... канд. педаг. наук. Владикавказ, 2003. 126 с.
4. *Надеждин А. Н.* История Санкт-Петербургской духовной семинарии с обзорением общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885. 665 с.
5. *Наскидаева Е. X.* Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа: середина XVIII — нач. XX вв. Дисс... канд. истор. наук. Владикавказ, 2011. 170 с.
6. *Платонов А. И.* Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910. 245 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. О предоставлении обществу восстановления Православия на Кавказе цензуры и печатания церковных книг, в переводах на горские наречия. 2 июля 1863 / 24 января 1864 г. 23 л.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 102. О предоставлении Совету Казанского братства Св. Гурия права издавать на иностранных языках вероучительные книги под собственную цензуру. 40 л.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 152. Д. 1544. О разрешении Алтайской духовной миссии иметь собственную цензуру и типографию. 45 л.
10. РГИА. Ф. 797. Оп. 33. 1 отд. Д. 180. О дозволении Обществу восстановления Христианства на Кавказе печатать издаваемые им книги под собственной цензурой.
11. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1359. Журналы заседаний Комитета за 1859 г. 294 л.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1055. Л. 18–18 об.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 102.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 152. Д. 1544.

12. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1567. Журналы заседаний Комитета за 1875 г. 123 л.
13. *Савенко Е. А.* История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг.: идеи, практика, результаты. Дисс... канд. истор. наук. Пятигорск, 2013. 309 с.
14. *Савенко Е. А., Савенко С. Н.* Вопросы историографии восстановления православного христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX в. Ставрополь: Графа, 2013. 52 с.
15. Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857.
16. *Цимцба А. Л.* Деятельность Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе: исторические условия, методы и формы работы. Дисс... канд. истор. наук. Майкоп, 2001. 223 с.
17. *Цимцба А. Л.* Учреждение Общества восстановления православного христианства на Кавказе и его деятельность в деле просвещения абхазов // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 61–74.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

М. В. Шкаровский

**Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха»
в конце XVIII–XX вв.**

УДК 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_81
EDN NYUWEQ

Аннотация: Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха» с конца XVIII в. являлась одним из самых значительных храмов Санкт-Петербурга. Большую часть своей более чем двухвековой истории она была и во многом остается духовным центром Невской заставы. Ее святыни играли важную роль в церковной жизни горожан, что особенно ярко проявилось в советский период. Свято-Троицкий храм был построен в стиле русского классицизма в 1785–1788 гг. по проекту выдающегося петербургского архитектора Н. А. Львова и является уникальным по своей архитектуре среди всех церквей России. В 1874 г. в церкви был крещен будущий Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак. В 1938 г. храм был закрыт, но 17 апреля 1946 г. вновь открыт. В храм были переданы чтимые святыни — образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» (с грошиками), а также колпинская икона святителя Николая Чудотворца. С 1976 г. в церкви несколько лет служил известный петербургский пастырь протоиерей Василий Ермаков. Особенно активно приходская деятельность велась с конца 1980-х гг. Статья подготовлена на основе архивных документов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха», архитектура, приходская деятельность.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Для цитирования: Шкаровский М. В. Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха» в конце XVIII–XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 81–87.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Mikhail V. Shkarovsky

**Holy Trinity Church “Kulich and Easter”
at the End of the XVIII–XX Centuries**

UDC 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_81
EDN NYUWEQ

Abstract: One of the most significant churches in St. Petersburg since the end of the XVIII century was the Holy Trinity Church “Kulich and Easter”. For most of its more than two-century history, it was and in many ways remains the spiritual center of the Nevsky Outpost. Her shrines played an important role in the church life of the townspeople, which was especially pronounced during the Soviet period. The Holy Trinity Church was built in the style of Russian classicism in 1785–1788, according to the project of the outstanding St. Petersburg architect, N. A. Lvov, and is unique in its architecture among all the churches in Russia. In 1874, the future Supreme Ruler of Russia, Admiral A. V. Kolchak, was baptized in the church. In 1938, the church was closed, but reopened on April 17, 1946. Revered shrines were transferred to the temple – the image of the Mother of God “Joy to All Who Mourn” (with pennies), as well as the Kolpino icon of St. Nicholas the Wonderworker. Since 1976, the famous St. Petersburg pastor Archpriest Vasily Ermakov has served in the church for several years. Parish activity has been especially active since the late 1980s. The article is based on archival documents.

Keywords: Russian Orthodox Church, St. Petersburg, Holy Trinity Church “Kulich and Easter”, architecture, parish activity.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences; Chief Archivist of the Central State Archive of Saint Petersburg; Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

For citation: Shkarovsky M. V. Holy Trinity Church “Kulich and Easter” at the End of the XVIII–XX Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 81–87.

Одним из самых значительных храмов Санкт-Петербурга с конца XVIII в. была Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха». Большую часть своей, более чем двухвековой, истории она была и во многом остается духовным центром Невской заставы (ныне Невского благочиннического округа). Ее святыни играли важную роль в церковной жизни горожан, что особенно ярко проявилось в советский период. Свято-Троицкий храм считается признанным памятником архитектуры федерального значения.

Свято-Троицкий храм был построен в стиле русского классицизма в 1785–1788 гг. по проекту выдающегося петербургского архитектора, писателя и живописца Николая Александровича Львова и является уникальным по своей архитектуре среди всех церквей России. Заказчиком строительства был сподвижник Екатерины II генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский, владелец села Александровского, места возведения церкви.

Храм был освящен в 1790 г., первым его настоятелем стал священник Феодор Антонов. При устройстве церкви к ее приходу принадлежали деревни: Александровская, Заводская (или Кокино) и Лесная, мыза Мурзинка, село Сарское или Смоленская слобода, — всего 76 дворов, в которых проживали 463 человека. Кроме того, к приходу принадлежали мастерские Александровской мануфактуры, в 1807 г. их было 194 человека, в 1861 г. — 778. Также к приходу с 1806 г. принадлежали питомцы воспитательного дома (около 300 человек)¹. Во второй половине XIX — начале XX вв. прихожанами храма были в основном служащие и рабочие соседних предприятий, прежде всего Обуховского сталелитейного завода.

Главная святыня церкви — икона Пресвятой Троицы, была пожертвована крестьянами села Александровского в 1824 г., в 1848 г. благотворители украсили ее серебряной позолоченной ризой. Следующим настоятелем Троицкой церкви был священник Илия Петров, перешедший в 1806 г. к Копорскому Преображенскому собору. После

Церковь Пресвятой Троицы — «Кулич и Пасха».
Журнал «Живописное обозрение»

¹ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 104–106.

него служили: иерей Михаил Добронравин, переведенный в 1810 г. к Скорбященской церкви; иерей Никита Орловский, перешедший в 1822 г. в Большую Коломну; иерей Петр Виноградов, служивший до 1828 г.; иерей Павел Смирнов, переведенный в 1835 г. на Большую Охту; иерей Матфей Цветков, перешедший в январе 1851 г. на Митрофаньевское кладбище; иерей Павел Стрелинский, служивший в церкви с 19 января 1851 г. до своей кончины в октябре 1872 г.²

14 марта 1871 г. при церкви открыли приходское попечительство о бедных со школой и богадельней. Его председатель петербургский купец Р. Т. Гафа и 18 членов из прихожан были утверждены указами духовной консистории. К 1883 г. попечительство имело наличными деньгами и на счету в банках 1.328 рублей. В 1909 г. председателем Троицкого попечительства был генерал-лейтенант Г. А. Власьев, председателем ревизионной комиссии — М. З. Шеманов, почетный членом — купец Р. Т. Гафа³.

15 декабря 1874 г. в Свято-Троицкой церкви был крещен будущий Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак, родившийся 4 ноября в семье штабс-капитана. С декабря 1872 по 24 марта 1911 гг. настоятелем храма был протоиерей Василий Китаев, а с 25 апреля 1911 по 29 сентября 1915 гг. — священник Иоанн Колесников. В 1904–1917 гг. в храме служил протоиерей Николай Успенский, автор большого количества назидательно-духовных брошюр для простого народа. Последним перед революцией 1917 г. (с 29 сентября 1915 по 1918 гг.) настоятелем был протоиерей Николай Клериков.

В 1884 г. приход Троицкой церкви составляли крестьяне села Александровского, деревень Льнозаводской и Мурзинки (509 человек), работники ближайших предприятий (1.251 человек) и воспитанники воспитательного дома. Всего по исповедным книгам значились 871 мужчин и 966 женщин. 16 октября 1883 г. при церкви земской управой была открыта народная школа на 50 детей, однако школа посещало большее число учащихся. Школой заведовала учительница, уроки Закона Божия преподавал священник храма. При церкви имелись ризница и библиотека, содержавшая достаточное количество книг для любителей благочестивого чтения⁴. В 1913 г. был создан Детский союз для детей 6–14 лет, которые собирались дважды в неделю для молитв и бесед⁵.

Кроме праздника Пресвятой Троицы, прихожане особо отмечали праздники Покрова Пресвятой Богородицы, святителя Николая Чудотворца, всех Святых и Воздвиженья Креста Господня. Трижды в год в приходе свершались крестные ходы: 8 июля — в Мурзинке, в Ильинскую пятницу — в деревне Леснозаводской, 20 июля — вокруг села Александровского, в память избавления от холеры в 1848 г.

Прихожан храма хоронили на небольшом местном (Александровском) кладбище в деревне Мурзинке, находившемся в одной версте от церкви. В 1845 г. на нем была устроена приписная к Троицкой церкви кладбищенская часовня Успения Божией Матери. На Успение здесь совершались поминовение усопших. В 1911 г. часовня была перестроена в каменную церковь Успения Божией Матери, уничтоженную после революции 1917 г. вместе с кладбищем⁶.

В 1919–1924 гг. настоятелем Троицкого храма служил протоиерей Владимир Базарянинов. После начала в 1922 г. обновленческого раскола Троицкая община сохранила верность канонической Русской Православной Церкви, возглавляемой Патриархом Тихоном. В 1924 г. отец Владимир Базарянинов был переведен на Волковское кладбище. Он был арестован 7 марта 1935 г. и приговорен к 5 годам ссылки⁷.

² Там же. С. 102.

³ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1909. С. 76.

⁴ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. С. 106–107.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1383. Л. 25.

⁶ Попов И. В. Свято-Троицкая Церковь («Кулич и Пасха») // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. № 6. С. 84.

⁷ Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017. С. 92.

Церковь Пресвятой Троицы — «Кулич и Пасха». Начало XXI в.

Летом 1925 г. кладбищенская церковь Успения Божией Матери в Мурзинке была выделена в самостоятельный приход, и с этого времени вплоть до своего закрытия в апреле 1940 г. Успенская церковь оставалась обновленческой⁸.

В 1924–1928 гг. настоятелем Троицкого храма служил протоиерей Михаил Вертоградский, переведенный затем на Коневское подворье. Он был арестован 22 декабря 1933 г. по «делу евлогиевцев» и приговорен к 3 годам концлагеря⁹. Летом 1931 г. у советских властей впервые появились планы закрыть храм, однако 16 августа президиум Володарского райсовета отправил в сектор административного надзора Леноблисполкома письмо, в котором сообщил о невозможности закрыть Троицкую церковь в настоящее время, так как поблизости нет других храмов и, кроме того, ее здание находится под охраной Главнауки как памятник архитектуры I категории¹⁰.

В 1935 — феврале 1936 гг. настоятелем Троицкого храма служил протоиерей Василий Спиридонов, скончавшийся в период блокады Ленинграда. Согласно решению ЦИК РСФСР от 20 марта 1935 г. церковь находилась под государственной охраной как архитектурный памятник зодчества XVIII в.¹¹ В 1934–1937 гг. в церкви был произведен ремонт под руководством архитектора Д. А. Крапивина. Во время массовой высылки духовенства из Ленинграда в ходе т.н. «Кировского потока» в марте 1935 г. из Свято-Троицкой церкви «Кулич и Пасха» был выслан диакон Иоанн Тютяев, а оставлен диакон Алексей Калистов¹².

В справке о состоянии религиозного общества и деятельности исполнительного органа «двадцатки» Троицкого храма на 1 апреля 1937 г. указывалось, что приходской совет состоит из 23-х человек (9 мужчин и 14 женщин), председателем является пенсионерка М. И. Иванова, зарегистрировано семь певчих и три члена причта. Капитал храма составлял 8.000 руб., при этом среднемесячные расходы на содержание здания равнялись 3.000 руб. (отмечалось, что большие суммы тратились на ремонт)¹³.

Церковь являлась одним из немногих храмов Ленинграда, долгое время действовавших в советское время — более 20 лет, до конца 1930-х гг. Несколько ее

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 58. Л. 21–23, 57, 66, 79.

⁹ Санкт-Петербургский мартиролог. С. 130–131.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 90. Д. 7. Л. 381.

¹¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 19. Д. 85. Л. 45–47.

¹² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 58. Л. 1–3.

священнослужителей пострадали за веру в ходе антирелигиозных репрессий, в том числе настоятель с 22 июля 1936 г. протоиерей Леонид Дьяконов и диакон Иоанн Александров. По указанию митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) отец Леонид также являлся благочинным и одно время даже секретарем владыки. Протоиерей Леонид Дьяконов был арестован 10 октября 1937 г.¹⁴

Первые два допроса ничего не дали следователям¹⁵. 29 октября 1937 г. привлеченный в качестве единственного свидетеля протоиерей Павел Тарасов показал: «Свои антисоветские настроения Дьяконов часто высказывал вслух среди верующих, пытаясь этим восстановить последних против Советской власти... Как священник имел много почитателей, среди которых популярен якобы своей молитвенностью, умением исповедовать, сердечностью»¹⁶.

На состоявшемся после этих показаний третьем допросе 2 ноября отец Леонид признался в том, что высказывал среди верующих антисоветские настроения¹⁷. Лишь на пятом допросе 25 ноября протоиерей Леонид, видимо, после пыток, признался в том, что «скрыл» свои «контрреволюционные пораженческие высказывания» о необходимости поражения СССР в войне¹⁸.

Следует особо отметить, что пастырь, несмотря на сильнейшее давление следователей, ни одного слова не сказал об антисоветских действиях или высказываниях других лиц, поэтому никто от его показаний не пострадал. 3 декабря отец Леонид был приговорен Особой Тройкой при Управлении НКВД по Ленинградской области к высшей мере наказания и 5 декабря расстрелян¹⁹.

Протоиерей Иоанн Александров 18 ноября 1936 г. был переведен из Николо-Богоявленского собора в Свято-Троицкую церковь, но прослужил там чуть больше года. 8 декабря 1937 г. он оказался арестован сотрудниками НКВД²⁰. На первом допросе 9 декабря отец Иоанн лишь сообщил свои биографические данные, но на втором допросе 20 декабря признал свое вступление в 1934 г., во время служения в Николо-Богоявленском соборе, в контрреволюционную церковную организацию. Протоиерей также признал, что в своем приходе проводил контрреволюционную пропаганду и агитацию. 25 декабря Особая Тройка Управления НКВД приговорила отца Иоанна к высшей мере наказания, и 28 декабря 1937 г. он был расстрелян²¹.

В условиях массовых репрессий и резкого увеличения налогов «двадцатка» 13 декабря 1937 г. подала заявление об отказе от договора использования церкви за неимением средств. 2 марта 1938 г. было принято постановление президиума Леноблисполкома о закрытии Троицкой церкви²². В том же месяце церковь оказалась закрыта — одной из последних в городе — и стала использоваться под районную библиотеку и клуб. При этом почти все ее внутреннее убранство, в том числе иконостас, было уничтожено, бесследно пропала и икона Пресвятой Троицы 1824 г.

Возобновление церковной жизни Свято-Троицкого храма произошло вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в годы которой существенно изменилась советская религиозная политика. Учтя ходатайства верующих, Ленгорисполком 6 августа 1945 г. вынес предварительное решение об открытии храма²³.

17 ноября 1945 г. Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР принял окончательное решение по этому вопросу, однако районные власти начали

¹⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68757. Л. 1–3.

¹⁵ Там же. Л. 15–16 об.

¹⁶ Там же. Л. 9–10 об.

¹⁷ Там же. Л. 16–17.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 23, 24.

²⁰ Там же. Д. П-68588. Т. 1. Л. 25–27.

²¹ Там же. Л. 69, 113.

²² Там же. Л. 3.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1670. Л. 78.

оказывать противодействие. 8 марта 1946 г. митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову) пришлось подать заявление председателю Ленсовета П. С. Попкову о том, что райисполком мешает открытию церкви²⁴.

Наконец, 17 апреля храм был открыт, и 1 июня 1946 г. митрополит Григорий совершил его торжественное освящение. В храм были переданы чтимые святыни — образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» (с грошиками), а также колпинская икона святителя Николая Чудотворца. Иконостас середины XVIII в. поступил из Благовещенской церкви на Васильевском острове.

Первым настоятелем Троицкой церкви накануне открытия 10 декабря 1945 г. был назначен протоиерей Филофей Поляков. После открытия храма с апреля 1946 по 20 марта 1947 гг. настоятелем служил еще один блокадный пастырь протоиерей Михаил Смирнов, а вторым настоятелем, с 1 мая 1947 по 14 февраля 1948 гг., был свидетель обвинения на Нюрнбергском процессе протоиерей Николай Ломакин.

В последующие десятилетия церковная жизнь храма активно развивалась. 9 июня 1957 г. богослужение в нем совершил епископ Лужский Алексий (Коноплев). Община храма выступала в период новых антирелигиозных гонений 1958–1964 гг. С декабря 1973 г. по 2010-е гг. настоятелем служил протоиерей Виктор Голубев, ставший потом почетным настоятелем. С 1976 г. в церкви несколько лет служил известный петербургский пастырь протоиерей Василий Ермаков. Особенно активно приходская деятельность велась с конца 1980-х гг. С 1989 г. местом постоянного попечения причта и прихожан Свято-Троицкой церкви о престарелых одиноких людях стала больница № 34 вблизи станции Понтонная, где призываются 60 человек. С 1990 г. церковь перечисляет средства на детский дом. С этого же года при храме действует воскресная школа на 85 человек. В настоящее время планируется поставить на территории храма памятник его создателю архитектору Н. А. Львову.

Таким образом, один из самых необычных в архитектурном плане храмов Санкт-Петербурга — Свято-Троицкая церковь «Кулич и Пасха», с XVIII в. более двух веков истории была духовным центром района Невской заставы. Храм оказался закрыт в ходе антирелигиозных гонений 1930-х гг., но уже вскоре окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., советские власти были вынуждены разрешить открытие и возвращение верующим Свято-Троицкой церкви. При этом она оказалась одной из двух открытых в Ленинграде в послевоенный период. С этого времени и до наших дней приходская жизнь Свято-Троицкой церкви «Кулич и Пасха» продолжает активно развиваться.

Источники и литература

1. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 19. Д. 85.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68757; Д. П-68588.
3. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884.
4. Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1909.
5. *Попов И. В.* Свято-Троицкая Церковь («Кулич и Пасха») // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. № 6. С. 81–87.
6. Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 90. Д. 7; Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1670; Оп. 33. Д. 58; Д. 102; Д. 112.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1383.

²⁴ Там же. Оп. 33. Д. 102. Л. 1–3, 5, 6.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

Н. П. Тарасова

**Слободской приход Краснохолмского Николаевского
Антониева монастыря во второй половине XVIII столетия
(предварительные данные)**

УДК 271.2-788-055.1-774-9:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_88
EDN KTNEZZ

Аннотация: Исповедные ведомости Бежецкого Верха, где территориально располагается Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь, как исторический источник никогда не были самостоятельным объектом научного изучения. Однако они дают весьма интересную и разнообразную информацию для изучения истории как конкретного подмонастырского прихода, так и региональной истории в целом. Из данного источника мы получаем сведения о демографии, административно-территориальных изменениях, о социальном делении, о перемещениях населения, различных видах профессий, а также получаем материал для генеалогии священнослужителей. Исповедные ведомости Бежецкого Верха второй половины XVIII столетия по-новому раскрывают историю подмонастырского прихода Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря.

Ключевые слова: Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь, Бежецкий Верх, Бежецкая епархия, уезд, церковный приход, монастырская слобода.

Об авторе: **Наталья Петровна Тарасова**

Воспитатель Государственного бюджетного образовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 68 города Санкт-Петербурга.

E-mail: nataliatarasova77@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0353-5126>

Для цитирования: Тарасова Н. П. Слободской приход Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря во второй половине XVIII столетия (предварительные данные) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 88–98.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Natalya P. Tarasova

**Slobodskoy parish of Krasnokholmsky Nikolaevsky
Antoniev the Monastery in the 2nd Half of the XVIII Century
(Preliminary Data)**

UDC 271.2-788-055.1-774-9:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_88
EDN KTNEZZ

Abstract: The confessional sheets of the Bezhetsky Top, where the Krasnokholmsky Nikolaevsky Antoniev Monastery is geographically located, as a historical source have never been an independent object of scientific study. However, they provide very interesting and diverse information for studying the history of both a particular parish of the monastery and regional history in general. From this source, we receive information about demography, administrative and territorial changes, social division, population movements, various types of professions, and also receive material for the genealogy of the clergy. Confessional sheets of the Bezhetsky Top of the 2nd half of the XVIII century reveal in a new way the history of the monastery parish of the Krasnokholmsky Nikolaevsky Antoniev monastery.

Keywords: Krasnokholmskiy Nikolaevskiy Antoniev monastery, Bezhetskiy Top, Bezhetsk Diocese, county, church parish, monastic settlement (sloboda).

About the author: Natalya Petrovna Tarasova

Educator of the State budgetary educational institution of secondary school No. 68 in St. Petersburg.
E-mail: nataliatarasova77@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0353-5126>

For citation: Tarasova N. P. Slobodskoy parish of Krasnokholmsky Nikolaevsky Antoniev the Monastery in the 2nd Half of the XVIII Century (Preliminary Data). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 88–98.

Исповедные ведомости или росписи — разновидность церковно-статистических документов Нового времени¹, представляющих собой полный именной список всех семейств церковного прихода².

Исповедные ведомости позволяют изучать демографические и миграционные характеристики населения городов, сел и деревень. Росписи содержат информацию о профессиональной деятельности демографических групп населения, социальном положении населения одного поселения по отношению к жителям соседних селений, фиксируют заселенность регионов, наличие диаспор определенного этнического происхождения, религиозные группы и виды вероисповедания.

Первые исповедные ведомости были составлены по инициативе митрополита Новгородского Корнилия в 1690 г. Эта мера была направлена на выявление раскольников и опиралась на решения Большого Московского Собора 1666–1667 гг. Есть мнение, что составление ведомостей было поддержано в 1697 г. патриархом Адрианом и царем Петром I³. Таким образом, если возникновение исповедных ведомостей было напрямую связано с церковным расколом, то затем их содержательный принцип в целом оказался подходящим для церковных, социальных и экономических реформ всего XVIII столетия.

Ведение исповедных ведомостей стало со второго десятилетия XVIII в. обязательным для всего белого духовенства страны. Указы 1716 и 1718 гг. обязывали приходских священников и старост составлять полный список исповедовавшихся, неисповедовавшихся и раскольников, копию с него предоставлять в духовные правления архиереям, а также в присутственные места для сбора штрафных денег. Указ 1722 г. впервые вводил учет населения по отдельным дворам на территории всей России и разъяснял возникавшие в процессе составления росписей процедурные вопросы⁴. Первоначальная форма этих ведомостей была самая простая. Каждый церковный причт обязан был вести у себя три именных списка: в 1-й вносились все прихожане, бывшие у исповеди, во 2-й — не бывшие, в 3-й — раскольники. Списки эти представлялись приходскими священниками поповским старостам, заказчикам или десятильникам, а этими последними в архиерейские дома, откуда посылались в Св. Синод только общие извлечения из списков, с показанием общего количества бывших и не бывших у исповеди по каждой епархии⁵. Нововведение, увеличившее канцелярскую нагрузку на церковный причт и предусматривающее систему штрафов для нерадивых исполнителей, вызвало недовольство как духовенства, так и прихожан. В 1726 г. подача исповедальных листов была отменена, но в 1728 г. возобновилась

¹ К таковым относят также метрические книги, книги брачных обысков, клировые ведомости. Считается, что практика ведения метрических книг в России первое законодательное оформление получила в решениях Московского Собора 1666–1667 гг. Тогда как «первым светским узаконением» был указ Петра I от 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». В мае 1722 г. «Прибавления к Духовному регламенту» установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи. Указ Синода от 1724 г. впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. А после указа Синода от 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным. Метрические книги рассчитывались на год и заполнялись тем священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода. Клировые ведомости составляются с 1769 г. Все эти документы позволяют получить генеалогическую информацию, сведения биографические, демографические, социальные, отследить миграционные процессы. См.: Косых Е. А., Чеснокова Е. В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. 2011. № 12. С. 467–472.

² Певцов В. Г. Лекции по церковному праву. СПб., 1914. С. 202–206.

³ Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник (на примере Москвы) // Историческое обозрение. 2010. № 11. С. 53.

⁴ Там же. С. 54; Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия: в 12-ти томах / Под ред. проф. А. П. Лопухина. Т. 5: Донская епархия — Ифика. СПб., 1904. С. 1119.

⁵ Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия... С. 1119–1120.

вновь⁶. В 1737 г. правительство принимает ряд мер по урегулированию системы церковного учета: Синодом совместно с Сенатом была установлена более сложная форма этих списков, состоявшая из 49 граф с 22 заголовками⁷. А указом 16 апреля того же года повелено: «во всех епархиях градским и уездным всех приходских церквей священникам, каждому со своим причтом, сочинить прихожанам своим всякого чина мужеска и женска пола, от престарелых до сущая младенца, именные, по чинам и домам, верныя с показанием комуждо лет от рождения, росписи»⁸. Указ настрого запрещал прихожанам исповедоваться в ином приходе вне места проживания, в случае отлучки предписывалось «исповедываться в тех местах, где... в отлучке будет... и от того священника... взять о том свидетельствующее... письмо, которое... обявит приходскому своему священнику» и исповедоваться у него вторично, чтобы такими отъездами не могли прикрываться раскольники⁹. Согласно новым правилам, приходские священники составляли росписи прихожан, бывших на исповеди в Святую Четырнадцатую¹⁰, в соответствии с формуляром, указывая их пол, возраст и место жительства. После этого ведомости не позже Фоминой недели пересылались в Духовную епархиальную дикастерию (с 1744 г. — консисторию¹¹). Из епархий ведомости пересылались в Архиерейские дома — место средоточения епархиального управления (отсюда до 1764 г. осуществлялось управление вотчинами и всем движимым и недвижимым имуществом епархии)¹². Там ведомости обобщались в генеральный экстракт — таблицу с обобщенными данными по епархии, и отсылались в Св. Синод¹³.

Исповедные росписи на местах составлялись в двух экземплярах: один отсылался в консисторию, другой оставлялся при церкви для справок и выдачи свидетельств в необходимых случаях (браки, рождение детей, лета) в качестве дополнительных (второстепенных) документальных доказательств при недостатке документов или их сомнительности¹⁴. Вследствие такого значения исповедных росписей на заказчиков (со времен Елизаветы Петровны — благочинных¹⁵), осуществлявших задачу административного

⁶ Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века... С. 54.

⁷ Там же; Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия... С. 1120.

⁸ Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия... С. 1120.

⁹ Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века... С. 55.

¹⁰ Правила допускали, что, если по каким-то причинам прихожанин не мог исповедоваться в Великий пост, он мог сделать это в Петров или Успенский пост. Период, когда прихожане могли исповедоваться за текущий год, оканчивался 15/28 августа — в праздник Успения Божией Матери. После этого священник составлял чистовой вариант исповедной ведомости по своему приходу, а также создавал ее копию для отправки. Если же прихожанин пренебрегал обязанностями, с него взыскивался штраф, а если не исповедовался и не причащался на протяжении трех лет, то автоматическим записывался в раскольники. См.: Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века... С. 55; *Его же*. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2013. № 1. С. 71–72.

¹¹ Новгородская духовная консистория была учреждена в мае 1725 г. В 1747 г. в Бежецкой пятине при Столпненском монастыре было организовано духовное правление. Пока не ясно, имело ли это отношение к Бежецкому уезду. В епархиальной структуре приходские общины или церковные приходы образовывали нижнюю ступень. Промежуточными звеньями между ними и епископом были поповские старосты, заказчики, благочинные и духовные правления. См.: *Снытко О. В.* Архив Новгородской духовной консистории: история, проблемы создания научно-справочного аппарата // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. 2005. Вып. 1. С. 182; Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): Сб. документов. Великий Новгород, 2016. С. 192; *Цыпин В., прот.* Духовная консистория // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 392–394; *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. М., 1996. С. 273.

¹² *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. С. 277.

¹³ Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века... С. 54–55.

¹⁴ *Певцов В. Г.* Лекции по церковному праву. С. 206.

¹⁵ Назначавшиеся епископом благочинные получали от него инструкцию. В 1775 г. архиепископ (позже митрополит) Московский Платон (Левшин) издал свою «Инструкцию благочинным

надзора за духовенством при епархиальных архиереях (до 1764 г.)¹⁶, возлагалась обязанность наблюдать за своевременным и верным составлением росписей приходскими священниками и, в частности, за тем, чтобы последние с особенной осторожностью показывали супругам таких лиц, которые хотя и поступали на постоянное жительство в их приходы, но не ими были венчаны, и в подтверждение супружества своего не представляли никаких доказательств. За неисправное ведение росписей священнослужители и причетники наказывались выговором или денежной пеней, а за явное нерадение или неблагонамеренность в ведении этого дела священники могли быть подвергнуты отрешению от места с низведением в причетники¹⁷.

Исповедные ведомости просуществовали до 1917 г., и за два столетия их формуляр несколько раз подвергался корректировкам (изменения вносились в 1742, 1841, 1846, 1861 гг.)¹⁸.

Исповедные росписи церковных приходов Бежецкого Верха дошли до нас в составе комплекса материалов Тверской духовной консистории (Ф. 160 ГАТО). Самый ранний из сохранившихся документов датируется 1737 г.¹⁹, самый поздний, пожалуй, стоит определить 1779 г.²⁰, поскольку губернская реформа Екатерины II внесла значительные коррективы в административную историю края²¹. Поскольку в территориально-административном отношении Бежецкий Верх — как категория более исторического, нежели географического пространства — на протяжении веков неоднократно менял свое административное положение, фактически сливаясь с уездом, а ведомости приходов после их подачи в Консисторию сшивались в одну книгу по каким-то географическим или территориально-административным принципам, то материалы по церковным приходам Бежецкого Верха оказались в совершенно разных книгах. Для XVIII столетия — это книги уездов Новгородской епархии²², Угличской провинции

приходских церквей», которую Св. Синод объявил обязательной для всех епархий. В 1857 г. она была исправлена и дополнена, а в 1892 г. вышла новым изданием. Разделения епархий на благочинные округа происходит уже в XIX в. См.: *Смолиц И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. С. 275.

¹⁶ *Смолиц И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. С. 275.

¹⁷ Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия... С. 1120–1121.

¹⁸ *Федорец А. И.* Исповедные ведомости XVIII века... С. 54; Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия... С. 1120.

¹⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17765. Л. 283–342 об.

²⁰ Там же. Д. 17876. Л. 1–40 об.

²¹ В ходе губернской реформы, в 1764 г., село Спас на Холму, одна из крупнейших и доходных вотчин Николаевского Антониева монастыря, было изъято из его владений. В 1776 г. был издан указ № 14420, по которому село Спас на Холму становилось городом с переименованием его в Красный Холм, а также с последующим присоединением к Тверскому Наместничеству. Указ определял разделить Бежецкий уезд на две части, оставив часть при городе Бежецке в 28.336 душ и приписав к селу Красный Холм 25.139 душ, именуя это село городом. Таким образом, монастырское село преобразовывается в город-центр Краснохолмского уезда Тверского Наместничества, затем Тверской губернии. В 1778 г. был утвержден регулярный план нового города, охвативший древнее село на северном краю города, Антониев монастырь на южном конце и три деревни-слободы, располагавшиеся между ними — Глунцовскую, Никольскую и Бортницкую. Так, Николаевский Антониев монастырь, бывший в свое время солидным вотчинником, фактически вошел в городскую черту Красного Холма, что, в свою очередь, способствовало новому перераспределению собственности монастыря. Уже в 1796 г. Краснохолмский уезд был упразднен, а его территория была поделена и включена в состав Бежецкого и Весьегонского уездов Тверской губернии. Город Красный Холм становится заштатным. См.: *Тарасова Н. П.* Из истории Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря (К вопросу о проблеме изучения истории монастыря в отечественной историографии) // Рекомендательный аннотированный указатель литературы / Сост. Н. П. Тарасова, С. Г. Воронин, Т. Д. Телятникова. 2-е изд. Красный Холм, СПб., 2017. С. 22–23.

²² До 1 марта 1776 г. Бежецкий Верх находился в ведении Новгородской епархии, затем был передан Тверскому наместничеству. В 1895 г. В. Н. Фиников определял границы Новгородской епархии, опираясь на современное ему территориально-административное деление,

Московской губернии и книги уездов Тверского наместничества, позднее губернии. Зачастую такие книги состоят из нескольких многостраничных томов за один год и имеют разные территориально-географические названия, что затрудняет поиск книг по конкретному верхнебежецкому приходу. Поскольку исповедные ведомости Бежецкого Верха как исторический источник никогда не были самостоятельным объектом научного изучения²³, то говорить о методологических принципах формирования книг или об административных (уровневых) способах передачи росписей в консисторию не представляется возможным, тем более что для городских, сельских и монастырских церквей этот способ мог быть разным за 200-летний период²⁴. Рукописи по Бежецкому Верху сохранились в достаточно приемлемом состоянии, многие из них удовлетворительно читаются, имеют хорошую погодную сохранность, что позволяет провести довольно детально их изучение. По всей видимости, мы имеем дело с Консисторскими копиями исповедных ведомостей, а вот сохранились ли копии самих приходов, неизвестно, пока нам известны только единичные экземпляры документов.

В 1737 г., как мы уже отметили, был введен единый порядок составления исповедных ведомостей и учреждена определенная форма. Для Бежецкого Верха сложилась практика росписей по следующему порядку: епархия — уезд — стан — село — название приходской церкви — имя священника, составившего роспись — год составления. Иногда год составления указывался в начале росписи. Общие наблюдения за переписными книгами и исповедными ведомостями Бежецкого Верха XVII–XVIII вв. позволяют сделать вывод, что наименование «Бежецкий Верх» перешло на административный центр — город Городецко, будущий Бежецк. Прилегающие к нему территории по-прежнему называются «Бежецким уездом», подразделяющимся на станы. А такая самостоятельная историко-географическая единица как Бежецкий Верх, известная по документам XIV — нач. XVII вв., фактически перестала существовать, влившись в одноименный уезд²⁵. Четкая географическая фиксированность в исповедных ведомостях XVIII столетия позволяет внести свою уточняющую корректировку географии Бежецкого Верха, проследить происходящие изменения, поскольку населенные пункты соотносятся в них с определенным административным делением.

История деревни Слобода современного Барбинского сельского поселения Краснохолмского района Тверской области и ее Зосимовского храма тесно связана с историей старинного Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря²⁶. Исторические источники пока не позволяют однозначно ответить на вопрос о времени возникновения

следующим образом: «Новгородская епархия в первой половине XVIII в. обнимала всю Новгородскую губернию за исключением Череповецкого и Белозерского уездов; почти всю Олонецкую губернию; часть Архангельской в Онежском и Холмогорском уездах; весь Новолодожский, почти весь Лужский и добрую половину, если не более, Гдовского уезда Петербургской губернии; почти всю Псковскую губернию, за исключением Псковского, Островского и Опочского уездов; весь Вышневолоцкий уезд, почти весь Новоторжский, весь Бежецкий, почти весь Весьегонский уезды и значительную часть Кашинского уезда Тверской губернии». До 1721 г. в черте Новгородской епархии находились т.н. новозавоенные местности: Санкт-Петербург (с 1703 г.), Шлиссельбург (с 1702 г.), Ямбург (с 1702 г.), Ивангород (с 1704 г.), Выборг и Кронштадт (с 1709 г.), Копорье. См.: *Анатолий (Смирнов), иж.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 56; *Снытко О. В.* Архив Новгородской духовной консистории... С. 179–180.

²³ Исповедные ведомости преимущественно используются местными краеведами и узкопрофильными специалистами для извлечения генеалогической информации.

²⁴ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. С. 282.

²⁵ *Дворников А. С.* Город Бежецк и Бежецкий край: Очерки по истории и археологии. Тверь, 1996; *Алексеева С. В.* Княжеские усобицы второй четверти XV в.: территориально-политический аспект развития Русских земель. Дисс... канд. истор. наук. СПб., 2008. С. 162–181; *Сорокин В. Н.* Писцовые и переписные книги Бежецкого уезда XVII — начала XVIII века. Бежецк, Тверь, 2016; *Переписные книги Бежецкого Верха XVII — начала XVIII веков.* М., 2020.

²⁶ Храм святых преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, деревни Слобода / Сост. Н. П. Тарасова. Бежецк, СПб., 2022.

Красный Холмъ. Мужской Монастырь.

Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь

подмонастырского поселения. Первое документальное свидетельство о нем встречается в «Переписной книге» Бежецкого Верха 1677–1778 г., но, скорее всего, поселение возникло в 30–40-е гг. XVII ст. — в период восстановления Николаевского Антониева монастыря после сокрушительного разорения Смутного времени. В Слободе проживали слуги и служебники монастырские, которые непосредственно трудились в обители. Монастырю принадлежало также расположенное рядом более крупное торговое село с церковью Спас на Холму (г. Красный Холм под Бежецком), а также ряд прилегающих к этой местности деревень, где также проживали монастырские крестьяне. Фактическая история слободской церкви, освященной во имя свв. прпп. Зосимы и Савватия Соловецких, прослеживается с 1675 г.²⁷ А вот слободской приход сложился значительно позднее и получил документальную фиксацию только в 1760 г.

Исповедная роспись 1737 г. «Великоновгородской епархии Бежецкого уезду Антоновского стану Спасохолмского погоста»²⁸ отражает переходный период не только в учетной церковной документации в целом, но и фиксирует некоторые реалии до изменений в жизни Антониева монастыря и подмонастырских территорий в середине XVIII столетия. Из документа следует, что монастырское село Спас на Холму именуется еще по-старинному, как и в XVI–XVII вв., погостом — Спасохолмский погост. Чуть позднее в исповедных ведомостях появляется наименование «село Спас Холму»²⁹. Интересно, что церковь прихода не указана в названии документа. В названии росписи 1737 г. просто говорится — «духовенство Спасохолмского погоста». Однако, по монастырским и прочим ранним документам известно, что исстари в селе имелись церкви, одна из которых и дала название погосту. К 1725 г. эти церкви были выстроены в камне: холодная — Спасо-Преображенская, и теплая — Троицкая³⁰.

²⁷ Там же. С. 9–14.

²⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17765. Л. 283–342 об.

²⁹ Там же. Д. 17800. Л. 734.

³⁰ Крылов Л. И., свящ. Г. Красный Холм и его соборы: К 200-лет. (1713–1913) юбилею Преображенского собора. Тверь, 1913. С. 16–17, 30–34, 37–38.

Указание на приходскую церковь Преображения Господня приводится в сводной таблице данных в конце документа³¹. И только в следующем году в исповедных ведомостях появляется название прихода в соответствии с формуляром — приход церкви Преображения Господня³². В 1737 г. мы видим в приходе Преображенской церкви и близлежащую подмонастырскую Слободу. Интересно, что в документах она не имеет самостоятельного названия, а так и числится подмонастырской слободой Николаевского Антониева монастыря³³.

Поскольку росписи составляются достаточно унифицированно, мы видим четкую административную составляющую Преображенского прихода и можем вести учет крестьянских дворов и количества душ в них проживающих; также росписи приводят социальное деление населения на чины. Так, в Преображенском приходе в 50–60-е гг. XVIII ст. проживают с семьями³⁴: лица духовного звания (притч Преображенской церкви и белое подмонастырское духовенство), военные, разночинцы (слуги и служебники монастырские), дворовые (крепостные люди местных помещиков) и поселяне (крестьяне, работавшие на земле, бобыли). Необходимо отметить, что белое духовенство при Николаевском Антониевом монастыре было всегда. Приобретенные монастырем в период XVI–XVII вв. села имели церкви, духовенство и приход. Монастырские села и церкви известны нам по монастырским описям и некоторым переписным книгам. Эти церкви поддерживались монастырем, снабжались необходимой богослужбной утварью, книгами, иконами³⁵. По всей видимости, монастырь заботился и о формировании штата священно- и церковнослужителей своих подмонастырских церквей. Но как формировался этот штат, как обучалось духовенство, мы не знаем. Исповедные росписи XVIII столетия позволяют зафиксировать династию и преемственность белого подмонастырского духовенства. Военные чины расселяются на монастырских территориях с начала XVIII в. согласно указу Петра I, по которому монастыри были обязаны брать на свое содержание увечных, больных, раненых и пожилых солдат³⁶. В приходе Спасохоломской Преображенской церкви состояли поселения с крепостными крестьянами: дворовые люди сельца Фофаново вотчины довольно известного генерала XVIII в. князя В. Е. Оболенского, получившего впоследствии прозвание «Белого»; дворовые того же села помещика И. А. Ушакова; деревни Семеновской дворовые помещика В. А. Тютчева; дворовые люди сельца с нечитаемым названием (вероятно, Ргени) вотчины дворянина И. И. Унковского и того же сельца дворовые поручика А. М. Акулова³⁷.

Таким образом, из ряда исповедных ведомостей следует, что на протяжении не менее двадцати лет слобожане были членами Спасохоломского Преображенского прихода. По росписям середины XVIII в. мы наблюдаем численное увеличение населения подмонастырской Слободы в Спасохоломском приходе с указанием профессий слобожан (в Слободу проживают часоводец, хлебной, артель каменщиков, каретник, солодовник, мельник, портной, стряпчие, подьячие, конюхи, коновал, дворники, трудники и т. д.). Жили в Слободу и бывшие слуги (по старости), и вдовы бывших слуг, и сироты.

³¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17765. Л. 342.

³² Там же. Д. 17768. Л. 439.

³³ Там же. Д. 17765. Л. 284–290.

³⁴ Там же. Д. 17800. Л. 734–760; Д. 17822. Л. 425–458; Д. 17826. Л. 3–31; Д. 17835. Л. 957–994 об., Л. 995–1004 об.; Д. 17846. Л. 664–674; Д. 17851. Л. 591–598.

³⁵ *Анатолий (Смирнов), иж.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря... С. 63–64, 67; *Сорокин В. Н.* Писцовые и переписные книги Бежецкого уезда XVII — начала XVIII века. С. 9, 30, 118, 124, 126, 128–129.

³⁶ *Гаврилина Н. А., Третьяков А. В.* Развитие системы государственного и общественного призрения при Петре I и его преемниках // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4 (52). URL: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/153> (дата обращения: 02.04.2024).

³⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17800. Л. 736 об., 744–744 об.

Также важно отметить, что в росписях наблюдаются административные изменения на подмонастырских территориях: одни деревни перестают упоминаться, в других — более не проживают монастырские крестьяне, при этом численность дворов и жителей в подмонастырской слободе растёт. Очевидно, что этот вопрос требует отдельного изучения, потому как может показать на примере Бежецкого Верха процессы секуляризации монастырских владений или иные административные перемены. Поскольку не удалось установить конкретную причину выделения из Спасохолмского Преображенского прихода в отдельный церковный приход подмонастырской слободы, в этих переменах можно увидеть отражение государственной секулярной политики.

По всей видимости, руководствуясь какими-то экономическими причинами, важными для полноценного функционирования монастыря на фоне ухудшения монастырского благосостояния, игумену Варсонофию (1759–1761, 1767–1774)³⁸, управлявшему монастырем в этот период, пришлось прибегнуть к радикальным административным мерам (хотя это предположение ещё нуждается в более детальном изучении): перетасовать население подмонастырских деревень, переселить какую-то его часть в Слободу, выделить Слободу в отдельный приход, указывая в исповедных росписях службы подмонастырского населения. Возможно, он полагал, что такими мерами ему удастся сохранить эту территорию за монастырем, потому как сохранить за монастырем богатое торговое село, каким было Спас на Холму, шансов было мало. Реформа Екатерины II лишила монастыри вотчин. В 1764 г. село Спас на Холму отымается у монастыря³⁹, а где-то с 80-х гг. XVIII в. и Слободской приход, изменяясь по социальному составу, постепенно переходит в статус уже городского прихода⁴⁰. Очевидно, что меры, предпринятые отцом Варсонофием, имели определенный успех, — Слободской приход еще примерно полтора десятилетия остается под влиянием Антониева монастыря.

Сам приход был выделен между 1759 и 1760 гг. В 1760 г. появляется новая исповедная ведомость по монастырским территориям — «Роспись Новгородской епархии Бежецкого уезда Антоновского стану Николаевского Антониева монастыря церкви Николая Чюдотворца подмонастырской Слободы священника Димитрия Яковлева с пречетники...»⁴¹ Новый приход получает название Николаевского или Никольского, потому как Слобода не имела своей собственной церкви, ее население окормлялось в Никольском монастырском соборе, но своим священником из белого монастырского духовенства. Последующие исповедные росписи позволяют установить имена слободских священно- и церковнослужителей, проследить родословие слободского причта⁴².

Для организации нового прихода было необходимо получить у архиерея разрешение, но вот сохранился ли такой документ в отношении Слободского прихода, неизвестно. Краснохолмский игумен Анатолий (Смирнов), издавший в 1883 г. книгу по истории монастыря⁴³, такой документ не упоминает, как и факт существования Николаевского прихода при монастыре. Поэтому пока мы можем только предполагать,

³⁸ Тарасова Н. П., Сорокин В. Н. Свет миру: Настоятели Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. 1461–1920 гг. (Материалы к биографиям). Бежецк, Тверь, 2017. С. 100–102, 193–194.

³⁹ Анатолий (Смирнов), иг. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря... С. 55; Крылов Л. И., свящ. Г. Красный Холм и его соборы... С. 19–20.

⁴⁰ Роспись 1779 г. называет приход еще подмонастырским, роспись 1798 г. указывает его как городской. Промежуточные росписи, возможно, не сохранились. Вопрос нуждается в изучении. ГАТО Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17876. Л. 1–40 об; Д. 17893. Л. 58–71.

⁴¹ Там же. Д. 17835. Л. 995–1004 об.

⁴² Там же. Д. 17822. Л. 425; Д. 17835. Л. 957, 995; Д. 17846. Л. 664; Д. 17851. Л. 591; Д. 17876. Л. 1; Д. 17869. Л. 299; Д. 17876. Л. 1; Д. 17893. Л. 58.

⁴³ Анатолий (Смирнов), иг. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря...

что такое благословение было дано архиепископом Димитрием (Сеченовым). Возможно, что упомянутая исповедная роспись 1760 г. может оказаться единственным свидетельством существования на протяжении четырех лет в 60-е гг. XVIII ст. Николаевского слободского прихода.

Никольский приход изначально не получил свой собственный храм, поскольку помимо разрешения нужны были еще и средства, а в XVIII в. Николаевский Антониев монастырь нес колоссальные убытки, страдая от налогообложения. Таким образом, организовать приход оказалось, видимо, проще, чем выделить ему храм. Вероятно, по этой причине Слободской приход оказался приписан к монастырскому Никольскому собору.

Вопрос с выделением приходу храма решил следующий игумен – архимандрит Марк⁴⁴. В 1764 г. он получил разрешение от владыки Димитрия перенести с Соловецкого монастырского острова полуразрушенную деревянную церковь Зосимы и Савватия на место близ монастырской Слободы⁴⁵. Исповедная роспись 1764 г. фиксирует в Слободе наличие уже Зосимовского прихода, пока еще состоящего только из жителей Слободы⁴⁶. Включение в состав Зосимовского прихода деревень происходит, по всей видимости, с 1780-х гг., когда Слобода начинает постепенно выходить из-под монастырской опеки (однако данный вопрос нуждается в изучении).

Таким образом, мы видим, что исповедные росписи XVIII столетия являются весьма ценным источником, поскольку значительно дополняют как сюжеты, связанные с историей конкретных приходов, так в целом и сюжеты региональной истории.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17765.
2. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17768.
3. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17800.
4. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17822.
5. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17826.
6. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17835.
7. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17846.
8. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17851.
9. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17869.
10. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17876.
11. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17893.

Литература

12. *Алексеева С. В.* Княжеские усабицы второй четверти XV в.: территориально-политический аспект развития Русских земель. Дисс... канд. истор. наук. СПб., 2008. 246 с.
13. *Анатолий (Смирнов), иг.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. 95 с.
14. *Гаврилина Н. А., Третьяков А. В.* Развитие системы государственного и общественного призрения при Петре I и его преемниках // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4 (52). URL: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/153> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴⁴ *Тарасова Н. П., Сорокин В. Н.* Свет миру... С. 102–103, 193.

⁴⁵ Храм святых преподобных Зосимы и Савватия... С. 20–21.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 17846. Л. 664–674.

15. *Дворников А. С.* Город Бежецк и Бежецкий край: Очерки по истории и археологии. Тверь: Русская провинция, 1996. 141 с.
16. Исповедные ведомости // Православная богословская энциклопедия: в 12-ти томах / Под ред. проф. А. П. Лопухина. Т. 5: Донская епархия — Ифика. СПб.: Т-во А. П. Лопухина, 1904. С. 1119–1121.
17. *Косых Е. А., Чеснокова Е. В.* Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. 2011. № 12. С. 467–472.
18. *Крылов Л. И., свящ.* Г. Красный Холм и его соборы: К 200-лет. (1713–1913) юбилею Преображенского собора: Исторический очерк. Тверь, 1913. 203 с.
19. Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): Сб. документов. Великий Новгород, 2016. 360 с.
20. *Певцов В. Г.* Лекции по церковному праву. СПб., 1914. 242 с.
21. Переписные книги Бежецкого Верха XVII — начала XVIII веков. М.: Старая Басманная, 2020. 236 с.
22. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Т. VIII. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 800 с.
23. *Снытко О. В.* Архив Новгородской духовной консистории: история, проблемы создания научно-справочного аппарата // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. 2005. Вып. 1. С. 171–194.
24. *Сорокин В. Н.* Писцовые и переписные книги Бежецкого уезда XVII — начала XVIII века. Бежецк, Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. 208 с.
25. *Тарасова Н. П.* Из истории Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря (К вопросу о проблеме изучения истории монастыря в отечественной историографии) // Рекомендательный аннотированный указатель литературы / Сост. Н. П. Тарасова, С. Г. Воронин, Т. Д. Телятников. 2-е изд. Красный Холм, СПб.: Лема, 2017. С. 6–30.
26. *Тарасова Н. П., Сорокин В. Н.* Свет миру: Настоятели Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. 1461–1920 гг. (Материалы к биографиям). Бежецк, Тверь: Тверской гос. ун-т, 2017. 250 с.
27. *Федорец А. И.* Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник (на примере Москвы) // Историческое обозрение. 2010. № 11. С. 51–58.
28. *Федорец А. И.* Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2013. № 1. С. 64–73.
29. Храм святых преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, деревни Слобода / Сост. Н. П. Тарасова. Бежецк, СПб.: Лема, 2022. 32 с.
30. *Цыпин В., прот.* Духовная консистория // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 392–394.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

А. П. Сологуб

**Участие священно- и церковнослужителей
в организации церковно-певческой деятельности
в Киевской епархии
во второй половине XIX — начале XX вв.
(по материалам «Киевских епархиальных ведомостей»)**

УДК 271.2-535:070.482(477-25)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_99
EDN JNVOOV

Аннотация: Официальный печатный орган древнейшей Киевской епархии «Киевские епархиальные ведомости» освещал церковную жизнь с 1861 по 1918 гг. На страницах этого периодического издания публиковались статьи, посвященные в том числе церковно-певческой проблематике. Особый интерес представляет материалы, касающиеся участия священно- и церковнослужителей в организации и формировании церковно-певческого дела на своих приходах. В данной статье рассматривается вклад в дело развития церковного пения святителей Филарета (Амфитеатрова) и Сильвестра (Малеванского), митрополита Евгения (Болховитинова) и других архиереев. Отдельное внимание уделено церковно-певческим трудам маститых епархиальных протоиереев, сельских священнослужителей, псаломщиков, учителей церковных школ и регентов.

Ключевые слова: духовные учреждения, церковно-певческая культура, духовная музыка, церковное пение, епархиальная школа, церковный хор, клирос.

Об авторе: **Анна Петровна Сологуб**

Преподаватель кафедры церковно-музыкальных и педагогических дисциплин факультета церковных искусств Санкт-Петербургской Духовной Академии.

E-mail: dekanat.fci@spbda.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4270-4519>

Для цитирования: Сологуб А.П. Участие священно- и церковнослужителей в организации церковно-певческой деятельности в Киевской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам «Киевских епархиальных ведомостей») // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 99–110.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Anna P. Sologub

**Participation of Clergy and Church Ministers
in Organizing Church Singing Activities
in the Kyiv Diocese
in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries
(Based on Materials from the Kiev Diocesan Gazette)**

UDC 271.2-535:070.482(477-25)(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_99

EDN JNVOOV

Abstract: The official printed organ of the ancient Kiev diocese, the Kiev Diocesan Gazette, covered church life from 1861 to 1918. The pages of this periodical published articles devoted, among other things, to church singing issues. Of particular interest are materials concerning the participation of clergy and church ministers in organizing and developing church singing activities in their parishes. This article examines the contribution of Saints Philaret (Amphiteatrov) and Sylvester (Malevansky), Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov) and other bishops to the development of church singing. Special attention is paid to the church singing works of venerable diocesan archpriests, rural clergy, psalm-readers, teachers of church schools and choir directors.

Keywords: spiritual institutions, church singing culture, sacred music, church singing, diocesan school, church choir, kliros.

About the author: **Anna Petrovna Sologub**

Lecturer of the Department of Church Music and Pedagogical Disciplines of the Faculty of Church Arts of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: dekanat.fci@spbda.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4270-4519>

For citation: Sologub A. P. Participation of Clergy and Church Ministers in Organizing Church Singing Activities in the Kyiv Diocese in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries (Based on Materials from the Kiev Diocesan Gazette). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 99–110.

* Photos are taken from open sources.

Освещение церковно-певческих вопросов на страницах официального издания Киевской епархии — «Киевских епархиальных ведомостей», регулярно выходивших несколько раз в месяц с 1861 по 1918 гг., не только дает представление о данной теме, но и демонстрирует степень вовлеченности приходов и духовных учебных заведений в проблематику церковно-певческого искусства того времени. Так, один из авторов журнала в 1899 г. писал, что «отраднo только то, что люди, преданные великому делу церковного пения, никогда не упадут духом и, Бог даст... займут свое место в истории церковного пения, место вполне ими заслуженное, т.к. в свое время и они содействовали движению вперед, развитию, улучшению, обновлению, а не регрессу великого дела церковного пения»¹.

В первую очередь необходимо сказать о деятельности некоторых лиц епископского сана в церковно-певческой области. Непосредственное участие архиерея в судьбах тех, кому церковное пение стало «путевкой в жизнь» прослеживается красной нитью во всем огромном объеме материалов. Так, прославленный в лике святых свт. Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский, в свое время инспектор Санкт-Петербургской Духовной Академии (1814 г.), известный «безукоризненным образом жизни», неоднократно упоминается в контексте церковно-певческих обстоятельств своего времени. Например, в некоторых публикациях подчеркивалось, что правящий митрополит Филарет был особенно «близок к малым певчим своего хора, обучавшимся в том училище, для которых он обыкновенно содержал на свой счет особого репетитора... и сам лично делал им особые третные испытания»². Это свидетельствовало об особой заинтересованности киевского митрополита в достойном образовании певчих архиерейского хора. Для «домашнего наблюдения за учениками малыми певчими как митрополичьего софийского хора, так и михайловского, были особые учителя»³, что также свидетельствовало об их обособленном положении в середине XIX в. Интересным явлением в этом духовном училище были так называемые публичные экзамены в конце каждого учебного года, которые становились «особенным торжеством для училища... и распевались духовные концерты и канты, в роде: «С горнего трона Троицкостасный призри на нас» и пр., впрочем, с 1844 г., по приказанию самого владыки, канты заменены были нотным церковным пением»⁴. В одной из статей описывалась судьба сына бедного диакона Орловской губернии, который, будучи юным богомольцем-паломником древних святынь Киева, подошел за благословением к митрополиту Филарету, который «со свойственной ему патриархальной простотой и отеческой милостью ласково принял сего юного странника и после расспросов,

Киевские епархиальные ведомости, 1861 г.

¹ Нелидов К. А. Ф. Львов, его деятельность в области духовной музыки // Русская музыкальная газета. 1899. № 50. С. 1289–1295.

² Троцкий П., свящ. Киево-Софийское уездно-приходское духовное училище // Киевские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1868. № 18. С. 709.

³ Троцкий П., свящ. Киево-Софийское уездно-приходское духовное училище // КЕВ. 1868. № 19. С. 739.

⁴ Там же. С. 741.

узнав, что мальчик хорошо понимает партесное пение и имеет отличный голос, принял его в свой хор»⁵. Впоследствии этот юноша, получив образование и приняв священнический сан, стал преподавателем и законоучителем по делам совраченных в католицизм. Имя митрополита Филарета (Амфитеатрова) в контексте церковно-певческих вопросов особенно важно, учитывая его известную связь с жизнью таких великих церковных композиторов как протоиерей Петр Турчанинов, протоиерей Михаил Виноградов и др.

Отдельная статья в «Киевских епархиальных ведомостях» была посвящена преосвященному епископу Сильвестру (Малеванскому) (прославленному в лике местночтимых святых в 2019 г.), «благодетелю хористов» академического архиерейского хора и ректору Киевской Духовной Академии. В публикации сообщалось, что владыка на личные средства содержал мальчиков-певцов хора в духовном училище. Хористы обеспечивались прекрасным питанием, великолепными и разнообразными формами одежды. Кроме регента, особый репетитор следил за успехами архиерейских воспитанников, а на экзаменах старался присутствовать сам владыка, лично поощряющий к праздникам детей и нередко материально обеспечивающий их дальнейшее устройство. Так, в одной статье описывается приезд нового регента хора епископа Сильвестра — Михаила Лисицына, который позднее стал видным петербургским протоиереем и известным церковным композитором⁶. Например, крупнейшее музыкальное периодическое издание того времени — «Русская музыкальная газета» — развернуто и подробно описывало серию духовно-музыкальных сочинений священника Михаила Лисицына⁷.

Предшественник митрополита Филарета (Амфитеатрова) на престоле киевских архиереев в первой половине исследуемого столетия, известный церковный историк, археограф и библиограф митрополит Евгений (Болховитинов) также не один раз упоминался в связи с церковно-певческой деятельностью. Так, в некрологе о маститом киевском протоиерее Мине Жолткевиче⁸, сыне бедного сельского дьячка Трофима, который смог получить образование благодаря благодетелю-протоиерею, говорится, что он, «как владевший хорошим голосом, состоял в певческом хоре, а с философского класса до окончания курса сам управлял хором, чем обратил на себя внимание покойного митрополита Евгения (Болховитинова)»⁹. В дальнейшем этот юноша прославился многогранной деятельностью в сане протоиерея, в том числе и около сорока лет на преподавательском поприще и более двух десятков лет состоял «как знаток церковного пения... членом комитета, учрежденного для представления мнения о напевах церковных»¹⁰. Авторитет и роль митрополита Евгения таковы, что уже в 1871 г. в столице вышла книга «Евгениевский сборник» с самым обширным материалом о его жизни и деятельности¹¹. В статье из «Современных Известий» о выходе в свет руководства по практическому изучению церковного богослужебного пения Н. М. Потулова также упоминался митрополит Евгений, который, в «религиозном негодовании» рассуждая об истории богослужебного пения, говорил, что при концертном исполнении сердца не затрагиваются как при благочестивой мелодии «и часто при песнопениях церковь более походит на итальянскую оперу, нежели на дом благоговейного молитвословия к Всевышнему»¹². И этот «негодующий голос митрополита Евгения не остался гласом вопиющего в пустыне»¹³, так как все чаще стали раздаваться «голоса

⁵ Некролог [священник Иоанн Атлантов] // КЕВ. 1877. № 6. С. 173–174.

⁶ *Витвицкий С., свящ.* Воспоминания бывшего певчего академического хора о преосвященном еп. Сильвестре как благодетеле певчих своего архиерейского хора // КЕВ. 1909. № 10. С. 228–232.

⁷ *Компанейский Н.* Духовно-музыкальные сочинения свящ. Лисицына // Русская музыкальная газета. 1904. № 33–34. С. 753–756.

⁸ Некролог // КЕВ. 1873. № 1. С. 14–22.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Объявление // КЕВ. 1871. № 18. С. 32.

¹² Для любителей и ревнителей церковного пения // КЕВ. 1874. № 4. С. 96–99.

¹³ Там же. С. 99.

против противо-церковного направления нашей духовной музыки», чему в огромной степени способствовал исторический ученый труд о церковном пении в России протоиерея Дмитрия Разумовского и князя В. Ф. Одоевского¹⁴.

В опубликованной торжественной речи, посвященной столетию митрополита Евгения (Болховитинова) как видного иерарха конца XVIII — начала XIX вв., подчеркивалось, что оставшись сиротой, он, сын воронежского священника «к счастью имел хороший голос и потому взят был в архиерейский певческий хор», где в 1770-х гг. «вместе с обучением пению, учили детей и первоначальным предметам общего образования»¹⁵. Благодаря этому, иерарх «начавши знакомиться здесь с искусством церковного пения, впоследствии изучил его в такой мере, что написанное им рассуждение «о древнем христианском богослужбном пении вообще и особенно о пении российской церкви, с примечаниями на оное» разослано было Святейшим Синодом по всем церквям России в 1804 г.»¹⁶ После окончания певческой школы в 11-летнем возрасте, будущий митрополит Евгений поступает в учебные духовно-образовательные учреждения с хорошей базой знаний и «пением в архиерейском хоре»¹⁷. Столетие же митрополита Евгения отмечалось по-особому. В «Киевских епархиальных ведомостях» приводился подробный обзор его пребывания на Псковской кафедре, а также описывался цикл памятных мероприятий в Воронежской и Вологодской епархиях. Особо была отмечена программа в Вологде, когда после Литургии в актовом зале местной семинарии был организован литературно-музыкальный концерт, в котором, помимо концертных произведений, хором исполнялись положенные на музыку стихи и канты самого митрополита Евгения¹⁸.

Попечение архиереев о церковном пении на местах описывалось в целом ряде публикаций. Так, в одной из статей приводилось распоряжение епископа Владимирской епархии Феогноста (Лебедева), согласно которому причетникам указывалось, «чтобы они проверяли и направляли пение по церковному обиходу и исправляли оное, а некоторые церковные песнопения, например, богородичны в воскресные дни, заდостойники и ирмосы пели непременно по обиходу, потому что в сельских церквях поют большей частью понаслышке, не употребляя нотного обихода»¹⁹. Благодаря попечению правящего архиерея в Архангельске, епископа Серапиона (Маевского), в 1884 г. был открыт причетнический класс для лиц от 18 до 27 лет с целью «дать исключительно музыкальное образование псаломщикам сельских церквей в видах приготовления певцов из среды прихожан, что весьма возможно при любви к церковному пению

Митрополит Евгений (Болховитинов)

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фаворов Н., *прот.* Речь, произнесенная на годичном торжественном собрании Императорского университета св. Владимира // КЕВ. 1867. № 20. С. 609–612.

¹⁶ Там же. С. 611–612.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Известия // КЕВ. 1868. № 3. С. 129–132.

¹⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1883 г. // КЕВ. 1885. № 22. С. 1047–1055.

сельских прихожан и руководства хорами»²⁰. Таким образом, мы видим, что редакция «Киевских епархиальных ведомостей» в вопросе о церковном пении наблюдала в том числе за тем, что происходило в других епархиях.

В одном из номеров за 1910 г. было опубликовано распоряжение епископа Могилевского Стефана (Архангельского), который на двадцати шести печатных страницах представил подробную записку о положении церковно-певческого дела в духовно-учебных заведениях и дал указания о средствах постановки его на подобающую высоту. Архиерей делал акцент на том, что значительная часть богослужений, много говорящая текстами песнопений, пропадает для молящихся вследствие партесного распевания. Огромное значение он придавал преподаванию и богослужебному исполнению Осмогласия, отмечал значение общенародного пения²¹. Астраханский епископ Евгений (Шерешилов) признал необходимым, «в виду беспорядков, производимых некоторыми вольнонаемными певчими», дать поручение местной консистории определять регентов епархиальной властью (по представлению причтов через благочинного архиерею), с испытанием их на знание церковного простого и партесного пения (при отсутствии аттестатов)²².

Кавказский епископ Герман (Осецкий) в 1885 г. издал распоряжение о недопущении совместного пения мальчиков и девочек в церковных хорах²³. В отчете о состоянии Русской Церкви за 1883 г. обер-прокурор Св. Синода упомянул инициативу Харьковского епископа Амвросия (Ключарёва) о создании специальных нотных сборников при архиерейском служении, так как многие приходы, «в которых никто никогда не видел архиерейских священнослужений», не знают песнопений. Кроме того, владыка Амвросий велел в каждой благочинии «отобрать» диаконов, псаломщиков и любителей из мирян для создания хоров, которые «приготовят приличное исполнение всех песнопений на литургии»²⁴. На все было отведено полгода. В отчете обер-прокурора отмечалось, что осуществив такую организационную модель церковно-певческого протокола, преосвященный Амвросий отправлялся во все дальние концы епархии без певчих, так как в каждой благочинии имелся хор для беспрепятственного совершения богослужений²⁵.

В отчете о почти двухнедельной поездке в 1909 г. викария Киевской епархии епископа Иннокентия (Ястребова) по 24-м храмам Киевской епархии приводилось описание богослужений, во время которых владыка «своим терпением и снисходительностью так упрощал дело, что даже архиерейские литургии совершались без запутанности... чего не успел петь хор, пели священнослужители. <...> Преосвященный спокойно руководил ими. Когда обедню совершал священник, Преосвященный выходил на солею и, обратившись к народу, приглашал пропеть песнопения всюю церковью... сам начинал и управлял пением и это пение удавалось даже и там, где общего пения в храме никогда не бывало»²⁶. В статье отдельно отмечалось, что, если кладбище находилось по дороге к храму, владыка Иннокентий облачался в мантию, епитрахиль, омофор, митру и с пением «Благословен еси, Господи...» с диаконом и посохоносцем обходил все кладбище, совершая каждение на могилках, что производило на видящих эту картину и умиляющее, и потрясающее впечатление.

Отдельное внимание на страницах «Киевских епархиальных ведомостей» уделялось некоторым церковно-певческим инициативам священнослужителей на местах.

²⁰ Известия и заметки // КЕВ. 1885. № 23. С. 1114–1115.

²¹ Из иноепархиальной печати // КЕВ. 1910. № 6. С. 142–144.

²² Известия и заметки // КЕВ. 1885. № 23. С. 1116.

²³ Там же.

²⁴ Извлечение из всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1883 г. // КЕВ. 1885. № 22. С. 1042–1043.

²⁵ Там же.

²⁶ Поездка преосвященного Иннокентия, еп. Каневского по епархии 1909 г. // КЕВ. 1909. № 49. С. 1188.

Так, на одном из заседаний Св. Синода было рассмотрено и разрешено использовать изобретение клирика Ярославской епархии, священника Аристарха Израилева (служившего в Рождественском женском монастыре г. Ростова) — стальные камертоны на резонансовых ящиках. Три изобретенных камертона прошли проверку в главной физической обсерватории и теперь рекомендовались Св. Синодом «для употребления при обучении пению в духовных семинариях и училищах»²⁷.

В некрологе священника Андрея Ясинского говорилось, что он открыл значительных размеров церковную школу, где обучались предметам и церковному пению не только дети, но и взрослые со всех окрестностей. Редакцией «Киевских епархиальных ведомостей» подчеркивалось, что «выпускники старой Киевской Академии» вообще имели привычку обучать при церквях и на дому «в старое время», поскольку «польские паны в былое время» не жаловали образование крестьянских детей и выпускники-академисты «имели большую охоту и привычку заниматься обучением» на дому или в церковных школах со всеми²⁸. Это имело колоссальное значение для осуществления устной преемственности церковно-певческих традиций, что и подчеркивалось неоднократно в статьях рассматриваемого издания. В некрологе об указанном выше священнике Андрее Ясинском говорилось, что этот священнослужитель «оставил по себе нерукотворенный и вечный памятник обучением... согласно пению, мотивы коего, с пением “на подобны” составляют и теперь гордость старинных дьячков... с той благоговейной настроенностью, какой проникались и проникаются добрые поселяне»²⁹.

Участие лиц священного сана в осуществлении церковно-певческой деятельности иллюстрирует и целая серия информационных сообщений. Так, в одном из отчетов о визитах епархиального архиерея в церкви уездных округов было зафиксировано, что в одном из сел была отслужена литургия, за которой «пел обычный крестьянский хор и пел великолепно, особенно выделялись взрослых певцов голоса. Здесь хороший певец-псаломщик. <...> Все — и церковь, и такой хор... создано трудами священников Дробницких»³⁰. Далее в статье описывался молебен: «красивые голоса хора невольно обращают на себя внимание. Оказывается, что подбор голосов — дело священника, бывшего некогда регентом, знатока пения»³¹. В отчетах имелись характеристики и других настоятелей, разбирательства с депутациями и пр., что свидетельствует о самом прямом отношении священника к благоуспешности и процветанию прихода, в том числе и церковного хора.

В материалах периодического издания имеются сведения о содержании духовными лицами сирот-воспитанниц, обучающихся в духовно-учебных заведениях, которые становились «всегдашними молитвенницами» о них³². В статье о пятидесятилетнем юбилее пастырского служения протоиерея Василия Пахаревского описывалось его особое попечение и неопенимый вклад в развитие церковно-приходских школ, а также подчеркивалось, что «из ничтожных средств о. протоиерей в своем приходе устроил новый величественный храм и завел общее хоровое пение»³³. В еще одной публикации отмечалась деятельность сына тайного советника, происходившего из знатного рода — священника Константина Случевского, в связи с его кончиной в двадцативосьмилетнем возрасте, который, по «призванию и влечению сердца» сам прослужил около года псаломщиком, а в дальнейшем

²⁷ Определения и Указы Святейшего Синода // КЕВ. 1884. № 11–12. С. 501.

²⁸ Левитский А., *свящ.* Священник Андрей Антониев Ясинский (Некрологи) // КЕВ. 1884. № 1. С. 33–38.

²⁹ Там же. С. 36–37.

³⁰ Потехин С., *свящ.* Посещение преосвященным Димитрием, еп. Уманским, церковью округов // КЕВ. 1912. № 34. С. 809.

³¹ Ромоданов Г., *свящ.* Посещение преосвященным Назарием, еп. Черкасским приходов // КЕВ. 1911. № 37. С. 874.

³² Юбилей духовных лиц в 1873 г. // КЕВ. 1874. № 5. С. 133.

³³ Шомовский И., *свящ.* Пятидесятилетний юбилей // КЕВ. 1914. № 23. С. 575–577.

служении особо благодетельствовал всегда низшим членам клира, в том числе псаломщикам и певчим³⁴.

В биографиях священников того времени часто встречаются упоминания об их служении в качестве псаломщиков до рукоположения³⁵. Так, в описании одного из соборных священнических погребений отмечалось, что «при большом стечении осиротелого народа пел хор, составленный из прибывших псаломщиков и местных прихожан, под умелым руководством священника о. Иоанна Чижского»³⁶. Особо упомянута роль сорокачетырехлетнего почившего священника Афанасия Боряковского в деле не только покупки земли для устройства церковно-приходской школы, но и его деятельность по устройству приходского хора. Очень тяжелым был труд «по устройству церковного гармонического хора: он собирал по вечерам в своем доме певцов из взрослых, школьников и других мальчиков и девочек и обучал их под игру на фортепиано и из своего голоса по слуху церковному пению, разучивая с ними, как простое мелодическое пение, так и очень много партесных произведений. Обучил он хористов просто на удивление без нот, по слуху, очень многим песнопениям с самым точным выполнением их и так закрепил их в их памяти, что и теперь они хорошо исполняют их. Хор составляет и теперь красу села и известен в округности, так как из других сел некоторые приглашают его петь погребение, свадьбу и проч.»³⁷.

В еще одной статье отмечалась роль «интеллигентного трудника по епархиальной службе» старейшего диакона Киево-Софийского кафедрального собора Михаила Руткевича, который «умело исполнял богослужбное пение и всегда благоговейно соучаствовал в соборном богослужении», а также преподавал на курсах псаломщиков³⁸.

Роль священника как учителя, в том числе в области церковного пения, также отмечалась неоднократными упоминаниями на страницах издания. Шестьдесят лет служения в священном сане протоиерея Феодосия Чайковского характеризовались в том числе и его преподавательскими трудами по предмету нотного пения в духовном училище³⁹. Еще один маститый представитель духовенства, протоиерей Иосиф Ольшевский, по воспоминаниям современников «обладал дивным голосом (тенором), редким по широте диапазона и красоте звука, память о котором сохранилась у всех старожилов, любителей семинарского пения»⁴⁰. Описывая жизнь и деятельность этого пастыря, автор статьи обращал внимание на его удивительное отношение к красоте богослужения и попечение о церковно-приходских школах, выпускники которых составляли его паству от мала до велика, а многочисленное собственное семейство составляло «хор из детей и внуков маститого пастыря, доставлявший ему большое утешение». При описании кончины этого протоиерея говорилось, что «не чувствовалось никакого страха смерти», а погребение его совершалось «при пении хора внуков почившего... последний долг их горячо любимому дедушке и влагавших в исполнение погребальных песнопений все свои чувства любви и скорби»⁴¹.

Важную роль в деле развития и сохранения сокровищницы церковно-певческого искусства исполняли священнослужители, которые устно передавали как теоретические знания, так и, зачастую, в большей степени, практические навыки богослужбно-певческого исполнительства, его систему, формы, распевы и особенности. О такой преемственности церковно-певческих традиций на рубеже XIX–XX вв. красноречиво свидетельствуют некоторые факты. Так, в «пятидесятилетие служения Церкви

³⁴ Шулькевич Л., *свящ.* Священник Н. В. Случевский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 20. С. 503–505.

³⁵ Ганкевич В., *свящ.* Священник Иона С. Бытачевский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 7. С. 163–165.

³⁶ Говяядовский М., *свящ.* Священник Петр С. Креминский (Некролог) // КЕВ. 1913. № 27. С. 746–747.

³⁷ Еленецкий Н., *свящ.* Священник А. Н. Боряковский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 18. С. 451–455.

³⁸ Диакон Михаил Михайлович Руткевич (Некролог) // КЕВ. 1914. № 5. С. 116–117.

³⁹ Радецкий В., *прот.* Протоиерей Феодосий И. Чайковский (Некролог) // КЕВ. 1913. № 19. С. 556–559.

⁴⁰ Памяти протоиерея Иосифа Д. Ольшевского // КЕВ. 1913. № 22. С. 615–621.

⁴¹ Там же. С. 620.

Божией» одного маститого священнослужителя, сына псаломщика, протоиерея Федора Матушевича, в журнальной статье отмечалось, что он в юные годы был отдан в Киево-Печерскую лавру, где состоял канонархом и «прекрасно изучил лаврское пение». Потом, поступив на приход псаломщиком, где «и помину не было о церковных хорах, стал в этом деле... первым устройтелем его. С помощью Божией он преодолел все препятствия и устроил без нот, с голоса, по тем временам прекрасный хор. Все песнопения исполнялись лаврским напевом. Диковинка эта, по тогдашним временам, приковала внимание к юбиляру и симпатии положительно всех прихожан. Храм... во все богослужения был до тесноты переполнен молящимися»⁴². Несмотря на возраст и почтенность лет, юбиляр продолжал иногда сам читать, а также руководить хором, умело исполняя песнопения.

Таким образом, фиксируем особый вклад в церковно-певческое дело и громадную воспитательную роль в деле преемственности монастырских, в том числе и лаврских традиций. Например, отмечая пятидесятилетнее служение псаломщика Матфея Ивановича Кальницкого, в соответствующей статье подчеркивалось, что все эти годы он прожил на одном и том же маленьком приходе, будучи великолепным знатоком церковного устава и добросовестным исполнителем своих обязанностей, потому как до своего поступления на этот приход в девятнадцать лет, он состоял канонархом Киево-Печерской лавры и является носителем умирительно-торжественных ее напевов, которые теперь исполняются все эти годы на клиросе с певцами-любителями⁴³.

Нельзя не упомянуть и отметить, хотя бы кратко, роль церковнослужителей и низших клириков, как они значились в документах того времени, имевших непосредственное отношение к церковно-певческому делу по роду своего служения. Об именах, громко звучавших в свое время и в историческом отдалении еще более привлекающих внимание исследователей, как, например, А. А. Архангельского или А. Д. Кастальского, которые упоминаются в «Киевских епархиальных ведомостях», отдельно останавливаться не будем. Упомянем менее известные имена тружеников на ниве церковного пения.

«Киевские епархиальные ведомости» являются одним из важных источников, содержащих сведения о деятельности выдающегося церковного регента и композитора — Якова Степановича Калишевского. В многочисленных статьях приводятся упоминания и свидетельства о его участии в различных мероприятиях. Речь идет о выступлениях на разного рода празднованиях⁴⁴, руководстве соединенными хорами киевских церквей на духовных концертах, в том числе в зале русского купеческого собрания в пользу сражающихся на передовых позициях⁴⁵, духовных концертах самого хора Калишевского под его управлением в лазарете⁴⁶ и других значимым мероприятиях⁴⁷. Отдельный материал был посвящен «редкому юбилею регента церковного хора» — сорокалетию регентской деятельности Якова Калишевского. В статье содержится важная информация о его значимом вкладе и трудах на церковно-певческом поприще. Особо отмечается огромная роль регента в «записи с голоса» древних напевов Киево-Печерской лавры, а также устройство в Киеве (с основанным при типографии хором) первых духовных концертов в 1874 г. Перечисляются основанные им многочисленные церковные хоры и работа с ними, среди которых уникальное место занимают студенческие хоры и хор при училище слепых. Отмечена также

⁴² Скромный юбилей // КЕВ. 1912. № 32. С. 746–749.

⁴³ Осадчий И. Юбилей псаломщика // КЕВ. 1914. № 24. С. 598–599.

⁴⁴ Празднование 900-летия прославления св. кн. Владимира Киевским епархиальным Св.-Владимирским Братством // КЕВ. 1915. № 29–30. С. 716–723.

⁴⁵ Духовный концерт // КЕВ. 1915. № 3. С. 60.

⁴⁶ Духовный концерт в лазарете церквей и духовенства г. Киева и Киевской епархии // КЕВ. 1915. № 2. С. 36.

⁴⁷ Торжественное соединенное годичное собрание Киевского епархиального комитета православно-миссионерского Общества и Киевского Св.-Владимирского братства // КЕВ. 1912. № 7. С. 153–156.

просветительская роль хоров под управлением Калишевского, концерты которых приходили слушать католики, протестанты и совершенно далекие от церкви люди. Особо отмечалась педагогическая деятельность регента, создавшего свою школу церковного пения и воспитавшего многих учеников-регентов, а также его творческая дружба с видными композиторами-современниками, как, например, с П. И. Чайковским⁴⁸.

Отдельного внимания заслуживают псаломщики. На страницах «Киевских епархиальных ведомостей» имеется достаточно большое количество упоминаний о назначении, смещении, объявлении вакантной на приходе должности псаломщика с указанием целого ряда имен. Остановимся на некоторых из них. Так, в информационной ленте одного из номеров отмечено полувековое служение псаломщика Лукиана Федоровича Крыжановского, устроил в своем жилом доме школу, выпустившей за четверть века немало учеников, поющих на церковных клиросах. Как знаток церковных напевов, он пел так, что «многие слушатели всегда плакали — своим могучим голосом владел с чувством» и «посвятив себя всецело на служение Церкви, он просвещал неграмотное молодое поколение в захолустном селе»⁴⁹ всю свою жизнь. В биографии еще одного псаломщика того времени Николая Леонтьевича Грушевского отмечалось, что он «один из последних могижан, типичных старых дьячков, которые обыкновенно относились к своему служению не за страх, а за совесть»⁵⁰. Вся его жизнь прошла на одном и том же приходе, где он исполнял свои обязанности сорок восемь лет. В статье подчеркивалось, что, будучи выходцем из духовного сословия, образование он получил у своего отца, «а встарь как-то умели и небольшие знания прочно вкладывать в душу» так, что до конца жизни своим могучим тенором, неспешным, выразительным, воодушевленным чтением и пением на своем любимом клиросе приводил любящих его крестьян в умиление⁵¹.

Безусловно, отдельное внимание на страницах «Киевских епархиальных ведомостей» уделялось регентам. Так, в номере за 1915 г. описывалось служение регента церковных хоров Ивана Ивановича Аполлонова (сына священника Пензенской епархии и однокурсника А. В. Касторского), который много потрудился на церковно-певческом поприще, начиная с младенческих лет в архиерейском хоре и впоследствии был назначен регентом архиерейского хора при Михайловском монастыре в Киеве. Этот монастырь был известен сохранением столетиями особых певческих традиций. В статье была отмечена особая дирижерская техника Аполлонова и методика работы с хором, а также его композиторское творчество, оставшееся в рукописном виде. Также внимание обращалось на его неоценимый вклад в сохранение церковно-певческих традиций. Он зафиксировал в трехголосном изложении полный круг церковного обихода обычного напева Киевской епархии. И в педагогическом плане этот церковный регент тоже оставил свой вклад — он преподавал церковное пение в псаломщических классах при Киево-Михайловской учительской школе и на ежегодно устраиваемых летних курсах церковного пения для учителей церковно-приходских школ и псаломщиков⁵².

Несколько слов заслуживают учителя церковного пения, каждый из которых вносил свой посильный вклад в дело развития церковно-певческого искусства. Так, в некрологе учителя церковного пения Петра Степановича Гдешинского были отмечены не только его дирижерские способности, так как он «организовал из учеников духовного училища такой хор, который славился во всей округности». Также было обращено внимание на его педагогический талант: «многие из ныне здравствующих тружеников на церковной и других певческих нивах являются учениками П. С... неудивительно, что из среды учеников покойного вышло несколько оперных певцов и церковных регентов». Также отмечалась его издательская деятельность в издательстве Юргенсона («Детские пение для 2-х голосов», «Краткое практическое руководство

⁴⁸ Редкий юбилей регента церковного хора // КЕВ. 1915. № 9. С. 213–215.

⁴⁹ Крыжановский А., свящ. Псаломщик Л. Ф. Крыжановский // КЕВ. 1913. № 14–15. С. 433–435.

⁵⁰ Псаломщик Н. Л. Грушевский // КЕВ. 1913. № 18. С. 533–535.

⁵¹ Там же. С. 534.

⁵² Надеждинский М. И. И. Аполлонов (Некролог) // КЕВ. 1915. № 36. С. 841–845.

к постановке голоса. Средства к сохранению его от повреждения и ключ к правильному пению») и пр.⁵³ Особого внимания заслужила композиторская деятельность Гдешинского, поскольку многие из написанных им церковных песнопения (почти всей Божественной Литургии и Великого Поста) исполнялись академическим хором в храме Киево-Братского монастыря. Особо был отмечен молитвенный характер и легкость звучания этих песнопений, но они так и не были изданы. Также о нем говорилось как о многоопытном регенте церковного хора, преподававшем на курсах для псаломщиков, для которых он составил начальные упражнения для игры на скрипке и нотное изложение обихода церковных песнопений.

Отличительной особенностью в преподавании учителей церковного пения было то, что они «вселяли любовь к пению и музыке, а у многих эта любовь осталась на всю жизнь»⁵⁴. Так, при посещении псаломщического класса Киево-Михайловской учительской школы, обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер заявил, что очень «многим в развитии любви к церковному пению он обязан своему незабвенному учителю-псаломщику», а также подчеркнул «какое важное значение церковное пение имеет для учителей и псаломщиков и какое значение имеет должность такого учителя и псаломщика на поприще служения народного»⁵⁵.

Рассредоточено свидетельствующая об участии в церковно-певческой деятельности лиц священного сана и церковнослужителей информация на страницах «Киевских епархиальных ведомостей», освещающая некоторые стороны церковной жизни XIX столетия, остается чрезвычайно актуальной и свидетельствующей о верности служению великих наших предшественников, трудившихся порой в самых скромных обстоятельствах. Упомянутые имена тружеников церковно-певческой нивы даже в таком самом общем контексте этого направления их деятельности, подтверждают слова одного из архиереев, принимавшего экзамены у слушателей летних церковно-певческих педагогических курсов. Вручая в 1898 г. святое Евангелие каждому архиепископ Новгородский Феогност (Лебедев) произнес: «По мере и последних сил заботиться всегда и всюду о распространении среди населения истинно церковного пения»⁵⁶.

Источники и литература

1. А. Д. Петр Степанович Гдешинский (Некролог) // Киевские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1915. № 38. С. 889–891.
2. *Витвицкий С., свящ.* Воспоминания бывшего певчего академического хора о преосвященном еп. Сильвестре как благодетеле певчих своего архиерейского хора // КЕВ. 1909. № 10. С. 228–232.
3. *Ганкевич В., свящ.* Священник Иона С. Бытачевский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 7. С. 163–165.
4. *Говядовский М., свящ.* Священник Петр С. Креминский (Некролог) // КЕВ. 1913. № 27. С. 746–747.
5. Дьякон Михаил Михайлович Руткевич (Некролог) // КЕВ. 1914. № 5. С. 116–117.
6. Для любителей и ревнителей церковного пения // КЕВ. 1874. № 4. С. 96–99.
7. Духовный концерт // КЕВ. 1915. № 3. С. 60.
8. Духовный концерт в лазарете церкви и духовенства г. Киева и Киевской епархии // КЕВ. 1915. № 2. С. 36.

⁵³ А. Д. Петр Степанович Гдешинский (Некролог) // КЕВ. 1915. № 38. С. 889–891.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Посещение господином обер-прокурором Св. Синода В. К. Саблером Киево-Михайловской учительской школы и находящегося при ней псаломщического класса // КЕВ. 1913. № 50. С. 1285.

⁵⁶ Музыка в провинции. Новгород [Работа курсов с 25 июня по 31 июля] // Русская музыкальная газета. 1898. № 10. С. 904.

9. *Еленецкий Н., свящ.* Священник А. Н. Боряковский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 18. С. 451–455.
10. Из иноепархиальной печати // КЕВ. 1910. № 6. С. 142–144.
11. Известия // КЕВ. 1868. № 3. С. 129–132.
12. Известия и заметки // КЕВ. 1885. № 23. С. 1114–1116.
13. Извлечение из всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1883 г. // КЕВ. 1885. № 22. С. 1042–1055.
14. *Компанейский Н.* Духовно-музыкальные сочинения свящ. Лисицына // Русская музыкальная газета. 1904. № 33–34. С. 753–756.
15. *Крыжановский А., свящ.* Псаломщик Л. Ф. Крыжановский // КЕВ. 1913. № 14–15. С. 433–435.
16. *Левитский А., свящ.* Священник Андрей Антониев Ясинский (Некрологи) // КЕВ. 1884. № 1. С. 33–38.
17. Музыка в провинции. Новгород [Работа курсов с 25 июня по 31 июля] // Русская музыкальная газета. 1898. № 10. С. 904.
18. *Надеждинский М. И. И.* Аполлонов (Некролог) // КЕВ. 1915. № 36. С. 841–845.
19. Некролог // КЕВ. 1873. № 1. С. 14–22.
20. Некролог [священник Иоанн Атлантов] // КЕВ. 1877. № 6. С. 173–174.
21. *Нелидов К. А. Ф.* Львов, его деятельность в области духовной музыки // Русская музыкальная газета. 1899. № 50. С. 1289–1295.
22. Объявление // КЕВ. 1871. № 18. С. 32.
23. Определения и Указы Святейшего Синода // КЕВ. 1884. № 11–12. С. 501.
24. *Осадчий И.* Юбилей псаломщика // КЕВ. 1914. № 24. С. 598–599.
25. Памяти протоиерея Иосифа Д. Ольшевского // КЕВ. 1913. № 22. С. 615–621.
26. Поездка преосвященного Иннокентия, еп. Каневского по епархии 1909 г. // КЕВ. 1909. № 49. С. 1188.
27. Посещение господином обер-прокурором Св. Синода В. К. Саблером Киево-Михайловской учительской школы и находящегося при ней псаломщического класса // КЕВ. 1913. № 50. С. 1285.
28. *Потехин С., свящ.* Посещение преосвященным Димитрием, еп. Уманским, церквей округов // КЕВ. 1912. № 34. С. 809.
29. Празднование 900-летия прославления св. кн. Владимира Киевским епархиальным Св.-Владимирским Братством // КЕВ. 1915. № 29–30. С. 716–723.
30. Псаломщик Н. Л. Грушевский // КЕВ. 1913. № 18. С. 533–535.
31. *Радецкий В., прот.* Протоиерей Феодосий И. Чайковский (Некролог) // КЕВ. 1913. № 19. С. 556–559.
32. Редкий юбилей регента церковного хора // КЕВ. 1915. № 9. С. 213–215.
33. *Ромоданов Г., свящ.* Посещение преосвященным Назарием, еп. Черкасским приходов // КЕВ. 1911. № 37. С. 874.
34. Скромный юбилей // КЕВ. 1912. № 32. С. 746–749.
35. Торжественное соединенное годичное собрание Киевского епархиального комитета православного миссионерского Общества и Киевского Св.-Владимирского братства // КЕВ. 1912. № 7. С. 153–156.
36. *Троцкий П., свящ.* Киево-Софийское уездно-приходское духовное училище // КЕВ. 1868. № 18. С. 702–709; № 19. С. 739–741.
37. *Фаворов Н., прот.* Речь, произнесенная на годичном торжественном собрании Императорского университета св. Владимира // КЕВ. 1867. № 20. С. 609–612.
38. *Шомовский И., свящ.* Пятидесятилетний юбилей // КЕВ. 1914. № 23. С. 575–577.
39. *Шулькевич Л., свящ.* Священник Н. В. Случевский (Некролог) // КЕВ. 1914. № 20. С. 503–505.
40. Юбилей духовных лиц в 1873 г. // КЕВ. 1874. № 5. С. 133.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (20)

2024

А. С. Харчевников

**Празднование круглых дат со дня хиротонии
в Российской империи начала XX в.
по материалам
«Известий по Санкт-Петербургской епархии»**

УДК 271.2-725:070.482(470.23-25)(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_111

EDN GRJXXN

Аннотация: К началу XX столетия в Российской империи сложилась определенная традиция чествования церковно- и священнослужителей, которые отмечали круглые даты со дня своей хиротонии. О столь важном событии в их жизни довольно часто упоминала и церковная пресса, которая, по сути, отображала сформировавшуюся в церковном народе нравственную традицию чествования пастырей за их многолетние труды. На основании нескольких десятков статей журнала «Известия по Санкт-Петербургской епархии», посвященных тому или иному юбилею, автор статьи представил подробную информацию о разновидностях подобных заметок, а также реконструировал события праздничного дня пастыря в Северной столице.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская епархия, духовенство Санкт-Петербурга, юбилей со дня хиротонии, Известия по Санкт-Петербургской епархии.

Об авторе: **Алексей Сергеевич Харчевников**

Аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Для цитирования: Харчевников А. С. Празднование круглых дат со дня хиротонии в Российской империи начала XX в. по материалам «Известий по Санкт-Петербургской епархии» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (20). С. 111–118.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (20)

2024

Alexey S. Kharchevnikov

**Celebration of Round Dates from the Day of Consecration
in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century,
Based on Materials
from the “News of the St. Petersburg Diocese”**

UDC 271.2-725:070.482(470.23-25)(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_4_111

EDN GRJXN

Abstract: By the beginning of the 20th century, a certain tradition of honoring church and clergymen who celebrated round anniversaries from the day of their ordination had developed in the Russian Empire. The church press also often mentioned such an important event in their lives, which, in essence, reflected the moral tradition of honoring pastors for their many years of work that had formed among the church people. Based on several dozen articles in the magazine “News of the St. Petersburg Diocese” dedicated to one or another anniversary hero, the author of the article presented detailed information about the variety of such notes, and also reconstructed the events of the pastor’s festive day in the Northern capital.

Keywords: St. Petersburg Diocese, clergy of St. Petersburg, anniversary of ordination, News of the St. Petersburg diocese.

About the author: **Alexey Sergeevich Kharchevnikov**

Postgraduate student at the Saint Petersburg Theological Academy.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8180-0426>

For citation: Kharchevnikov A. S. Celebration of Round Dates from the Day of Consecration in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century, Based on Materials from the “News of the St. Petersburg Diocese”. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (20), pp. 111–118.

В начале XX в. некий автор в своей статье, помещенной в «Известиях по Санкт-Петербургской епархии», отмечал: «У нас обыкновенно пишут и говорят о хороших качествах человека тогда, когда он или во гробе, или справляет юбилей, но все тако- вые писания и речи так заурядны, и всем и каждому так хорошо известны, что нового, пожалуй, ничего не скажешь»¹.

Действительно, автор статьи был прав, — о достоинствах того или иного человека обычно говорят в определенных обстоятельствах, одним из которых является юбилей. Однако далеко не все подобные «писания и речи» были заурядны, а потому заслужи- вают определенного внимания.

У священнослужителей, помимо юбилейных дат со дня рождения, принято особым образом отмечать и круглые даты со дня хиротонии, поскольку день приня- тия особой благодати Св. Духа является одним из наиболее важных в жизни пастыря. Об этом, к примеру, писал свт. Симеон Солунский: «Каждому из священников надо праздновать то время, в которое он рукоположен и освящён Духом, и чтить, и отли- чать от других тот день, в который он сподобился великих и непостижимых даров»².

В начале XX в. было принято торжественно отмечать данный праздник. Не оста- валась в стороне от подобных торжеств и церковная пресса, так или иначе рассказы- вавшая о данном событии.

Так, в столичном издании «Известия по Санкт-Петербургской епархии»³ первого де- сятилетия XX в. опубликован целый ряд статей, посвящённых тому или иному юбиляру, праздновавшему 25–30–35–40–45–50-летие и даже 60-летие со дня хиротонии⁴. На приме- ре данных статей постараемся реконструировать ход праздничных мероприятий.

Следует отметить, что подобные юбилейные заметки в «Известиях по Санкт- Петербургской епархии» были нескольких типов: 1) только биографическая справка о юбиляре; 2) краткая заметка о праздновании данного события, либо 3) развернутая статья. Ниже приведена таблица с указанием основных составляющих заметки.

Краткая биографическая справка⁵	Краткая заметка⁶	Развернутая заметка⁷
1) Указывалась круг- лая дата со дня хиро- тонии; 2) Биография юби- ляра.	1) Указывалось, ка- кого числа состоя- лось празднование и какая круглая дата со дня хиротонии; 2) Описание совер- шения Божествен- ной литургии и / или благодарствен- ного молебна; 3) Перечисление имен тех, кто поиз- носил приветствен-	1) Указывалось, како- го числа состоя- лось празднование и какая круглая дата со дня хиротонии; 2) Краткая биография юбиляра (иногда отсутствовала); 3) Описание совершения Божественной литургии в день празднования; 4) Перечисление имен тех, кто поизносил приветственные речи; 5) Награждение юбиляра и вручение подарков (церковно-иерархические награды могли быть вручены на Малом входе); 6) Благодарственный молебен;

¹ Смирницкий А., свящ. Голос из деревни // Известия по С.-Петербургской епархии. 1902. № 7. С. 11.

² Симеон Солунский, свт. Премудрость нашего спасения. М.: Благовест, 2009. С. 188.

³ См. подробнее: Троицкий А., прот. «Известия по Санкт-Петербургской епархии» // Православная энциклопедия. Т. XXI. М., 2009. С. 550–552.

⁴ 60-ти летней юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1909. № 23. С. 30.

⁵ См., например: Пастырские юбилеи // Известия по С.-Петербургской епархии. 1913. № 24. С. 14.

⁶ См., например: 25-тилетие служения в священном сане // Известия по С.-Петербургской епархии. 1915. № 9. С. 7; Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1908. № 4. С. 28.

⁷ См., например: Z. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 10.

	ные речи (иногда указывалось, какие подарки дарились).	7) Совместная трапеза и перечисление имен тех, кто поизносил приветственные речи, вручение подарков; 8) Пожелания от автора статьи (авторов).
--	--	--

Конечно же, приведенная таблица несколько условна, т. к. краткая статья могла содержать некоторые пункты развернутой и наоборот, однако краткая биографическая справка обычно включала только сведения о чествуемом священнике и ничего не упоминала о том, как проходили праздничные мероприятия. Иногда это была целая колонка из нескольких биографий под общим названием «Пастырские юбилеи»⁸.

Следует отметить, что краткая заметка носила более формальный характер, чем развернутая, — состояла всего из нескольких предложений и касалась только непосредственно дня празднования.

Разумеется, более ценным было развернутое описание торжества, к каковому следует обратиться.

В начале подобной заметки читателю представляли информацию о том, когда, где, кого и с какой круглой датой поздравляли. К примеру: «10-го февраля прихожане и причт Андреевского собора на Васильевском острове торжественно чествовали местного протоиерея о. Виктора Александровича Благовещенского, по случаю его 50-летнего служения в священном сане»⁹.

Далее печаталась краткая биография, включавшая сведения о сословной принадлежности («сын диакона»¹⁰, «сын священника»¹¹ и пр.), о духовном образовании, даты, когда юбиляр был определен на должность (здесь могли указываться и все этапы церковно- и священнослужения, от псаломщика до священника, а могла указываться сразу степень, в которой находится юбиляр), в каких приходах юбиляр совершал служение. Иногда также упоминалось о послушаниях и должностях, занимаемых священнослужителем на момент празднования. Любопытно, что дата рождения юбиляра указывалась довольно редко.

Протоиерей Константин
Никольский (1824–1910)

После знакомства читателя с биографией священника-юбиляра шло описание самого празднования.

Как правило, в этот день совершалась Божественная литургия. Иногда её возглавлял архиерей — митрополит или викарный епископ, иногда служил благочинный или настоятель церкви. Мог возглавлять богослужение также и сам юбиляр, если он был лишь штатным клириком. Во время Литургии юбиляру вручались церковно-иерархические награды, если они ему были положены. Например, протоиерею К. Никольскому в честь 50-летия служения в священном сане была вручена митра¹².

Затем шли краткие приветствия, после которых начинался благодарственный молебен.

Почти всегда в заметках указывалось, кто именно произносил эти приветствия, иногда публиковались выдержки из них, где, как правило, акцентировалось внимание на самоотверженном пастырском служении

⁸ Пастырские юбилеи // Известия по С.-Петербургской епархии. 1914. № 2. С. 11.

⁹ Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1908. № 4. С. 28.

¹⁰ 45-летний юбилей священства настоятеля пригородной Смоленской церкви, протоиерея Василия Андреевича Баротинского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 7. С. 4.

¹¹ З. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 10.

¹² Кондратьев Е., прот. Юбилей о. протоиерея Константина Никольского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 4. С. 26.

юбиляра. Так, благочинный Шлиссельбургского округа протоиерей Н. Тихомиров, обращаясь к протоиерею А. Вашневскому по случаю 35-летия его хиротонии, отметил: «Ваш живой пример будил равнодушных, Ваше просвещённое слово влияло на грубые сердца, под Вашим пастырским влиянием смягчались нравы и Ваша пастырская молитва согрела холодные души и облегчала тяжелое бремя их жизни»¹³.

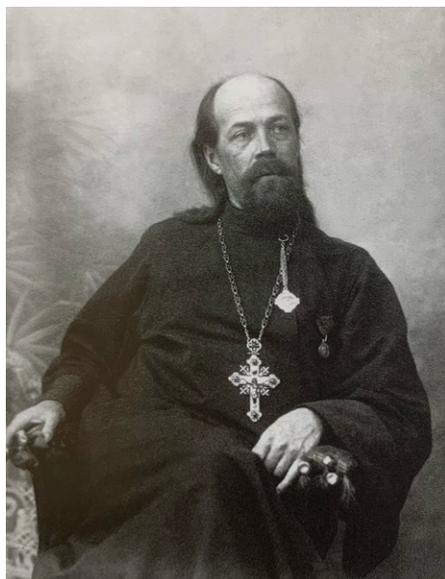
Участие в Литургии могли принимать не все приглашенные на торжества церковно- и священнослужители, однако к молебну старались собраться большинство гостей, чтобы совершать богослужение соборно.

К примеру, торжества по случаю 25-летия служения в священном сане протоиерея Волковско-кладбищенских церквей Николая Павинского проходили следующим образом. Юбиляр совершил Литургию в сослужении двух священников и двух диаконов. Затем на молебное пение вышел благочинный IV столичного округа протоиерей И. Виноградов, настоятель кладбища с остальными членами причта и «многочисленные товарищи юбиляра по Академии во главе с настоятелем Преображенского всей гвардии собора митрофорным протоиереем С. А. Голубевым, который и возглавил соборное служение»¹⁴. В тот день в молебне приняло участие более 20-ти священнослужителей.

Важной частью мероприятия были подарки, которые дарились как в церкви, так и за трапезой. Самым распространенным из них был священнический крест (если юбиляр был пресвитером). К примеру, золотые кресты (иногда с драгоценными украшениями) были подарены к 25-летию хиротонии священникам Николаю Триодину¹⁵, Николаю Павинскому¹⁶, Анатолию Покровскому¹⁷ и др.

В церкви духовенство и гости могли дарить и другие памятные подарки, какими являлись иконы Спасителя, Божией Матери и святых¹⁸, Библия¹⁹, Евангелие²⁰ и пр. Иногда в статьях говорилось лишь, что священнику принесли «массу дорогих подарков»²¹, среди которых могли оказаться и пары ящичков серебра. Именно такой подарок к 25-летию хиротонии преподнесли протоиерею Философу Орнатскому²². Также дарили серебряные сервизы, подстаканники и другие предметы быта²³.

Особый подарок был сделан диакону А. Львову по случаю 50-летия со дня

Протоиерей Философ Орнатский
(1860–1918)

¹³ Л-ский М. Чествование пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1916. № 24. С. 7.

¹⁴ Юбилейное торжество 25-летнего служения в священническом сане протоиерея Волкова кладбищенской церкви Николая Феодоровича Павинского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1912. № 7. С. 5.

¹⁵ Пастырские юбилеи // Известия по С.-Петербургской епархии. 1914. № 2. С. 11.

¹⁶ Юбилейное торжество 25-летнего служения... С. 5.

¹⁷ Z. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 11.

¹⁸ Юбилейное торжество 25-летнего служения... С. 5.

¹⁹ Z. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 11

²⁰ 45-летний юбилей священства... С. 4.

²¹ Паозерский М., свящ. 40-летний юбилей протоиерея гор. Шлиссельбурга Благовещенского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1902. № 3. С. 18.

²² Юбилей протоиерея Философа Николаевича Орнатского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 19/20. С. 49.

²³ Юбилейное торжество 25-летнего служения... С. 6.

почтившіе его подношеніями.

Пятидесятилѣтній юбилей.

Того-же 15 февр. праздновалось 50-лѣтіе служенія въ дьяконскомъ санѣ о. дьякона при церкви Петроградскаго Коммерческаго училища А. В. Львова. Юбиларъ за пятидесятилѣтнюю службу посвященъ во іереи. Посвященіе и совер-

Пятидесятилетний юбилей // Известия по С.-Петербургской епархии. СПб., 1915. № 9. С. 7.

мстерскую дома причта» или ещё в какое-либо место, где продолжались поздравления. Описания застолий были нечастыми в заметках, однако иногда встречались. Так, 25-летний юбилей протоиерея В. Дурнева после богослужения продолжился на квартире, где «произнесен был ряд здравниц, тостов и приветственных речей в честь юбиляра. Оглашено было свыше 100 телеграмм, в том числе от обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, действ. ст. сов. В. И. Яцкевича, Г. Г. Елисеева, протоиерея от. Иакова Смирнова из Парижа»²⁴ и т. д. Следует отметить, что авторы статей старались перечислять особо значимые фигуры для Церкви и общества, поздравившие юбиляра.

Каждый из гостей старался выразить юбиляру свое почтение, адресуя ему добрые, искренние и иногда весьма возвышенные слова. К примеру, протоиерей Анатолий Покровский был назван «самородком-педагогом», «маяком, светящим ярким, немерцающим светом»²⁷.

Любопытно, что в отдельных статьях после самой новости были опубликованы поздравительные адреса от священников-сослуживцев, прихожан, людей, с которым тесно общался юбиляр.

Вероятно, просматривая строки поздравлений, читатели «Известий по Санкт-Петербургской епархии» утверждались в мысли о множестве весьма достойных пастырей в Северной столице. Этому способствовало, например, стихотворное поздравление от детей-сирот протоиерею Василию Баторинскому: «...Вы бедных сирот крошек также не забыли, Вы теплый кров-приют устроили для нас; До Вас судьбою злой обижены мы были. Теперь в тепле-уюте молимся за Вас. Вы наш отец второй, нас лаской окружили: Как в гнездышке родном-тепло, уютно нам; Под Вашим крылышком мы знания получили, Вы снова дали жизнь забытым малышам»²⁸.

В стихах было написано и поздравление священника другому пастырю-юбиляру:

— Прошел уж год, за ним другой,
За ним и двадцать чередой
Пропали в вечность...
И опять ты в храме.
Но не тот уж ты...
Где та энергия, где силы...
И ты стоишь седой,
С поникшей головой,
Себя не узнаешь и ищешь смысла жизни»²⁹.

²⁴ Пятидесятилетний юбилей // Известия по С.-Петербургской епархии. 1915. № 9. С. 7.

²⁵ 45-летний юбилей священства... С. 4.

²⁶ Юбилей протоиерея В. И. Дурнева // Известия по С.-Петербургской епархии. 1914. № 7. С. 6.

²⁷ З. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 10.

²⁸ 45-летний юбилей священства... С. 5.

²⁹ У-ко Ф., свящ. Скромный юбилей // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 4/5. С. 13.

Иной раз произнесенные слова настолько трогали гостей, что они не могли сдерживать своих эмоций. В одной заметке говорилось, что некий участник торжества после пламенной речи священника, обращенной к своему сослужителю, «потеряв самообладание, зарыдал и с земным поклоном припал к ногам юбиляра. Все это так растрогало юбиляра, что и он не мог удержаться от слез, многие стали отирать при этом свои слезы и из присутствовавших»³⁰.

В то же время следует отметить, что не все священники широко отмечали свои юбилеи, о чем свидетельствует, к примеру, запись в некрологе протоиерея Н. Крылова, который «от празднования 50-летнего юбилея ... совсем уклонился, прося не доводить до сведения об этом дне епархиальному начальству»³¹.

В редких случаях в редакцию журнала поступало ответное слово юбиляра на статью в его честь. Так, протоиерей Николай Тихомиров писал: «Убедительно прошу многоуважаемую Редакцию “Известий” настоящим дать мне возможность через этот печатный орган принести самую искреннюю благодарность всем причтам и церковным старостам Шлиссельбургского благочиннического округа, моим товарищам по школе, сослуживцам и почитателям...»³² за поздравление по случаю 25-летия служения в священном сане.

Таким образом, традиция празднования круглых дат со дня хиротонии имела важное значение для духовенства в конце синодального периода. Как можно было увидеть, юбилеи в большинстве случаев широко отмечались в петербургских храмах. И, что ещё более важно, через печатный церковный орган об этом узнавали многие православные жители Северной столицы. Сами же статьи написаны были по одному и тому же принципу. Вероятно, реакция на данные заметки была в большинстве своем или положительной, или равнодушной. Тем не менее, пример ревностного служения в течение длительного времени вполне мог бы вдохновлять христиан на добрые благочестивые поступки, давая возможность гордиться своими маститыми духовниками-пастырями.

В то же время в «Известиях по Санкт-Петербургской епархии» довольно часто публиковались статьи с критикой как в адрес подобных панегириков, так и в целом духовенства XX в.: «Епархиальные Ведомости в их неофициальной части по-прежнему содержат в себе описания всяческих торжеств, празднеств, освящений, юбилеев; по-прежнему изобилуют панегириками в честь архиереев, пастырей... Увы, хорошо известно всем, имеющим отношение к духовенству, что в данном случае периодическая печать отражает лишь одну сторону жизни, да и ту рисует неумеренно выпуклыми чертами. В действительности и в жизни духовенства, и в его отношениях к пасомым и между собою, и в личных качествах иных пастырей не мало неприглядного, не симпатичного»³³.

Тем не менее, сформировавшуюся традицию поздравлений юбиляров подобными негативными откликами — впрочем, нечастыми и немногочисленными — поколебать не удавалось, поскольку большая часть духовенства и верующих мирян к подобной традиции привыкла, в ней нуждалась и не видела ничего предосудительного в том, чтобы поздравить своих сослуживцев, чтимых архиереев и пастырей с юбилеем, отдавая дань признания и уважения их многолетним трудам.

³⁰ Юбилейное торжество 25-летнего служения... С. 5–7.

³¹ Памяти протоиерея Н. П. Крылова // Известия по С.-Петербургской епархии. 1905. № 14/15. С. 13.

³² Тихонов Н., прот. Известия по С.-Петербургской епархии. 1915. № 48. С. 8

³³ К вопросу оживления епархиальной печати // Известия по С.-Петербургской епархии. 1906. № 18/19. С. 62.

Источники и литература

1. 25-ти-летие служения в священном сане // Известия по С.-Петербургской епархии. 1915. № 9. С. 7.
2. 45-летний юбилей священства настоятеля пригородной Смоленской церкви, протоиерея Василия Андреевича Баротинского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 7. С. 4–6.
3. 60-ти летней юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1909. № 23. С. 30–31.
4. К вопросу оживления епархиальной печати // Известия по С.-Петербургской епархии. 1906. № 18/19. С. 61–64.
5. *Кондратьев Е., прот.* Юбилей о. протоиерея Константина Никольского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 4. С. 26–27.
6. *Л-ский М.* Чествование пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1916. № 24. С. 7–8.
7. Памяти протоиерея Н. П. Крылова // Известия по С.-Петербургской епархии. 1905. № 14/15. С. 12–16.
8. *Паозерский М., свящ.* 40-летний юбилей протоиерея гор. Шлиссельбурга Благовещенского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1902. № 3. С. 18–19.
9. Пастырские юбилеи // Известия по С.-Петербургской епархии. 1913. № 24. С. 14.
10. Пастырские юбилеи // Известия по С.-Петербургской епархии. 1914. № 2. С. 10–11.
11. Пятидесятилетний юбилей // Известия по С.-Петербургской епархии. 1915. № 9. С. 7.
12. *Симеон Солунский, свт.* Премудрость нашего спасения. М.: Благовест, 2009. 640 с.
13. *Смирницкий А., свящ.* Голос из деревни // Известия по С.-Петербургской епархии. СПб., 1902. № 7. С. 11–13.
14. *Тихонов Н., прот.* Известия по С.-Петербургской епархии. СПб., 1915. № 48. С. 8.
15. *Троицкий А., прот.* «Известия по Санкт-Петербургской епархии» // Православная энциклопедия. Т. XXI. М., 2009. С. 550–552.
16. *У-ко Ф., свящ.* Скромный юбилей // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 4/5. С. 11–13.
17. Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1908. № 4. С. 28–29.
18. Юбилей протоиерея В. И. Дурнева // Известия по С.-Петербургской епархии. 1914. № 7. С. 6–7.
19. Юбилей протоиерея Философа Николаевича Орнатского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 19/20. С. 48–51.
20. Юбилейное торжество 25-летнего служения в священническом сане протоиерея Волково кладбищенской церкви Николая Феодоровича Павинского // Известия по С.-Петербургской епархии. 1912. № 7. С. 5–7.
21. *З.* Юбилей пастыря // Известия по С.-Петербургской епархии. 1917. № 1. С. 10–11.

**Защита кандидатской диссертации
игумена Серафима (Николина)
«Источниковедческий аспект исследования деятельности
святого Патриарха Тихона в 1917–1925 гг.
и его значение для современной историографии»**

16 июня 2023 г. в Санкт-Петербургской Духовной Академии состоялась защита кандидатской диссертации игумена Серафима (Николина) на тему «Источниковедческий аспект исследования деятельности святого Патриарха Тихона в 1917–1925 гг. и его значение для современной историографии». Диссертация была написана в аспирантуре Санкт-Петербургской Духовной Академии под научным руководством протоиерея Георгия Митрофанова, заведующего кафедрой церковной истории, доктора богословия, кандидата философских наук, профессора.

Игумен Серафим (Николин Олег Викторович) родился в городе Егорьевске Московской области. В 1987 г. окончил среднюю образовательную школу № 5 г. Егорьевска. В 1991 г. окончил с красным дипломом Егорьевское медицинское училище. В 1989–1991 гг. проходил срочную службу в Вооруженных Силах СССР. В 1995 г. поступил в Коломенскую духовную семинарию, которую окончил в 1999 г. по первой категории. В 1997 г. был пострижен в монашество митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием во Введенском храме Коломенской духовной семинарии с именем Серафим в честь сщмч. Серафима (Чичагова). В сентябре 1997 г. рукоположен во диакона, в 1998 г. рукоположен во пресвитера. В 2008 г. окончил Московскую Духовную Академию с присуждением квалификации — специалист в области церковно-практических дисциплин. В 2011–2013 гг. преподавал общецерковную историю в Коломенской духовной семинарии. В 2018 г. поступил в аспирантуру Санкт-Петербургской Духовной Академии для написания кандидатской

Игумен Серафим (Николин)

диссертации. В настоящее время является настоятелем храма св. великомученика и Победоносца Георгия г. Глазова Удмуртской республики, благочинным церковью Глазовского церковного округа, руководителем отдела религиозного образования и катехизации Глазовской епархии, руководителем Совета по культуре Глазовской епархии, заместителем руководителя курсов повышения квалификации клириков Глазовской епархии, референтом управляющего Глазовской епархии, членом общественного совета муниципального образования «Город Глазов».

Диссертационное исследование игумена Серафима посвящено анализу и осмыслению источниковедческого аспекта деятельности святого Патриарха Тихона, и его значению для современной историографии. Святой Патриарх Тихон является одной из ключевых фигур российской истории первой четверти XX в. Изучение его деяний и взглядов приобретает первостепенное значение для познания исторического процесса, для анализа эволюции церковно-государственных отношений, поскольку основным гносеологическим трендом современной науки о прошлом, причем не только отечественной, но и мировой, является антропоцентризм. Он предполагает познание *Истории* через личность и судьбу конкретного *Человека*, когда каждый биографический факт рассматривается в широком общеисторическом аспекте и позволяет объективно понять сущность и механизмы реализации исторических процессов и событий, наполнить общие, схематические представления конкретным эмпирическим материалом. В данном случае, без изучения жизни, деяний и взглядов святого Патриарха Тихона невозможно получить полноценное, объективное знание об истории Русской Православной Церкви в первые годы советской власти, выяснить генезис новой модели церковно-государственных отношений. По этой причине ни одно серьезное исследование, посвященное истории Русской Православной Церкви периода революции, Гражданской войны и НЭПа, не обходится без упоминания святителя и указания его роли в политических событиях тех лет. Результатом такого пристального внимания к личности и служению святого Патриарха Тихона стало большое количество научной и публицистической литературы о его жизни и трудах, которая в настоящий момент нуждается в критическом рассмотрении и концептуальном осмыслении. Этим в первую очередь и обусловлена актуальность диссертационного исследования игумена Серафима (Николина). За последние тридцать лет были подробно изучены основные исторические сюжеты, связанные с Первосвятителем, изданы и подвергнуты источниковедческому анализу многочисленные документы биографического и общеисторического характера, и теперь назрела необходимость подвести первые итоги проделанной исследователями работы, выделить основные тенденции развития современной отечественной историографии постсоветского периода, показать органические взаимосвязи сложного, разнопланового материала.

Кроме познавательной актуальности заявленная тема диссертационного исследования представляется современной в духовно-нравственном отношении. Личность святого Патриарха Тихона может служить образцом подвига подлинного исповедничества, патриотизма, бескорыстного служения Русской Православной Церкви, глубокой нравственности. Такие качества оказались востребованными в эпоху глубоких политических реформ и во многом обусловили то обстоятельство, что Русская Православная Церковь смогла не только сохранить каноническую структуру в условиях боготорческого государства, но и возродиться как основополагающий общественный институт, когда для этого возникли исторические условия.

Игумен Серафим взял за основу своего исследования источниковедческий аспект проблемы. Этим обусловлена структура его работы, содержание которой раскрывается во введении, четырех главах и заключении. В работе последовательно представлены историографический, археографический и источниковедческий срез заявленной проблемы. Такое постепенное погружение в тему позволяет автору диссертационного исследования наиболее эффективно проработать очень неоднородный материал. Сначала в диссертации дается общий обзор всей литературы, посвященной святому Патриарху Тихону с момента его канонизации в 1989 г. Архиерейским Собором

Русской Православной Церкви до 2018 г., когда автор приступил к написанию своего труда. Затем на страницах работы внимательно прослеживается история публикации источников, касающихся жизни и деятельности святого Патриарха Тихона. После этого освещается процесс критического осмысления опубликованных источников, и только потом автор приступает к рассмотрению проблемы влияния источниковедческого аспекта на развитие современной историографии по заявленной теме.

В первой, историографической, главе излагается история изучения в современной России деятельности святого Патриарха Тихона в синодальный и советский периоды его жизни. В этом процессе выявлены этапы, тематические направления, методологические основы, виды исторических исследований, отмечено большое влияние социокультурных и политических факторов на интенсивность и содержание научных интересов на каждом из этих этапов. Определены также тексты, ставшие базой для многих исследователей, и основные историографические проблемы изучения жизни и деятельности святого Патриарха Тихона.

Во второй, археографической, главе дается характеристика большому комплексу публикаций трудов (посланий, слов, речей, писем и иных текстов) святого Патриарха Тихона, публикациям документов о жизни и деятельности святого Патриарха Тихона и отдельно документальным публикациям по теме «Святой Патриарх Тихон и советская власть». В этой главе к исследованию привлечены опубликованные документы не только современного, но и синодального, и всего советского периода, дана оценка этих публикаций с точки зрения соответствия их общепринятым археографическим требованиям. Закономерным выглядит вывод автора о том, что активность археографической деятельности была детерминирована выявлением множества новых документов, обнаружением подлинников документов, ранее опубликованных без должной археографической презентации, результатом чего «стала возможность проводить многоаспектные, верифицированные исследования о жизни и пастырском служении святого Патриарха Тихона».

В третьей главе показаны место и роль источниковедческих исследований при изучении деятельности святого Патриарха Тихона. Сначала автор дает общую характеристику процессу введения в научный оборот и использования источников по этой теме. Затем игумен Серафим фокусирует свое внимание на тех источниковедческих проблемах, которые возникают при обращении к документам, характеризующим взаимоотношения святого Патриарха Тихона и советской власти, а также на важном вопросе установления авторства посланий Патриарха. Выводом проведенного исследования становится утверждение, что «при изучении общих проблем церковно-государственных отношений в Советской России к посланиям следует относиться как к источникам не вполне достоверным, не отражавшим в полной мере личную позицию святого Патриарха Тихона». Также следует отметить в работе анализ характерной для посланий святого Патриарха Тихона источниковедческой проблемы коллективного, скрытого, фиктивного авторства, проблемы намеренно искаженного текста. Решение этих проблем имеет большое значение для выработки приемов корректного использования источников по истории взаимоотношений с советской властью не только святого Патриарха Тихона, но и всей Русской Церкви в ранний советский период.

Четвертая, историографическая, глава посвящена описанию, осмыслению и оценке современного процесса изучения истории взаимоотношений святого Патриарха Тихона и советской власти. От общих и персональных характеристик, периодизации и выявления основных концепций историографии этого вопроса игумен Серафим переходит к анализу научной дискуссии, посвященной проблемным аспектам темы. В первом параграфе показано, как в историографии преодолевалась политическая ангажированность перестроечного периода. В трудах Н. А. Кривовой, А. Н. Кашеварова, М. И. Одинцова, священника Димитрия Сафонова, протоиерея Георгия Митрофанова, С. Г. Петрова и других историков происходило движение от одностороннего подхода, когда проблема взаимоотношений Русской Православной Церкви и власти решалась

только в плоскости антицерковной политики властей и сводилась только к эволюции взглядов святого Патриарха Тихона на советскую власть, к концепции обоюдного действия, к исследованию разнообразных механизмов воздействия на святого Патриарха Тихона и его реакции на это давление. Справедливо отмечено особое значение трудов В. В. Лобанова, который «смог наиболее объективно и фактически исчерпывающе рассмотреть взаимоотношения святого Патриарха Тихона с советской властью».

К основным выводам диссертации можно отнести следующие положения. Во-первых, автор показал, что основной проблемой современной историографии о святом Патриархе Тихоне по мнению некоторых исследователей назывался фактический отказ от анализа и использование опирающихся на источники характеристик, соответствующих агиографическому канону и традиции (в качестве примера приводились труды Н. А. Кривошеевой). Однако такая позиция излишне критична. Историография, посвященная святителю, не может состоять только из научных исследований. Отражая масштабы деятельности этого выдающегося деятеля отечественной истории, она имеет сложную структуру и состоит как из изложений результатов дискурса, так и из публикаций, ориентированных на массового читателя, а также, учитывая факт канонизации, из необходимой церковной литературы. Нельзя также отрицать, что достижения науки, новые факты и предлагаемые концепции, воздействуют на церковные и на научно-популярные публикации.

К настоящему времени накоплен большой и разнообразный опыт изучения жизни и деятельности святого Патриарха Тихона после 1917 г., который выяснен с достаточной для дальнейшего научного дискурса степенью полноты, точности и верифицированности. Данное обстоятельство создает эмпирическую возможность для осмысления такой источниковедчески и методически сложной проблемы, как взаимоотношения святителя с советской властью.

Во-вторых, широко использование копий материалов в научном дискурсе создает текстологические и археографические проблемы, поскольку не всегда есть полная уверенность в том, что воспроизводимые версии текста идентичны необнаруженным или утраченным подлинникам. Выявление последних могло стать в современной историографии убедительной причиной повторной публикации.

Такие фундаментальные публикации, как «Архивы Кремля» и следственное дело святого Патриарха Тихона, сделали доступными широкий круг разнообразных источников, которые позволили переосмыслить многие аспекты церковной истории постреволюционных лет и патриаршего служения святого Патриарха Тихона. Ситуация с источниками изменилась кардинальным образом. Утратили значение многие материалы, опубликованные эмигрантами за рубежом. Оказалось, что в них содержится много фактических ошибок и для верифицированного обсуждения они не вполне пригодны. Создавался текст археографически освоенных источников, детерминировавших генезис принципиально иного исследовательского пространства.

Особенностью публикаций источников об истории взаимоотношений святого Патриарха Тихона с советской властью является то, что наиболее важные из них воспроизводились в течение сравнительно непродолжительного периода несколько раз — и в научных, и в популярных изданиях. Далеко не всегда такая ситуация детерминировалась источниковедческими обстоятельствами (например, обнаружением более полного или подлинного варианта текста). Речь шла о необходимости повторной трансляции информации. Частые публикации делали источники более доступными.

К настоящему времени изучение истории взаимоотношений святого Патриарха Тихона с советской властью полностью обеспечено археографическим фондом из разнообразных, информативных, достоверных источников.

В-третьих, вопрос об авторстве и подлинности посланий святого Патриарха Тихона можно считать принципиально решенным. Их тексты с 1919 г., когда святитель якобы начинает проявлять лояльное отношение к советской власти и призывает верующих к нейтралитету и ее поддержке, были написаны по инициативе или под нажимом

репрессивных органов, выразивших интересы высшего партийно-государственного руководства, получены путем угроз и давления. Исходные варианты источников редактировались и согласовывались в партийных и карательных органах, которые даже принимали участие в их распространении. В такой ситуации следует говорить о коллективном авторстве посланий. Одним из авторов, но не единственным, безусловно, являлся святой Патриарх Тихон. При изучении общих проблем церковно-государственных отношений в Советской России к посланиям следует относиться как к источникам не вполне достоверным, не отражавшим в полной мере личную позицию святого Патриарха Тихона.

И, в-четвертых, статус сложной дискуссии приобрел в современной исторической науке вопрос о характере подчинения святого Патриарха Тихона требованиям советской власти. Наиболее авторитетные авторы (священник Димитрий Сафонов, В. В. Лобанов и др.) считают, что поддержка являлась декларативной и противоречила внутренним убеждениям святителя, который пользовался любой возможностью для сохранения церковной жизни. Такая позиция наглядно проявилась в обстоятельно описанной в литературе упорной, перманентной борьбе, которую он вел за сохранение в обиходе Русской Православной Церкви юлианского календарного стиля.

В современных исследованиях доказан тезис о том, что тактика святого Патриарха Тихона по отношению к советской власти состояла в том, чтобы в ответ на угрозы репрессий по отношению к Русской Православной Церкви готовить послания с необходимыми партийно-государственным органам оценками и признаниями, но на деле святитель не собирался предпринимать никаких действия для реализации обещанного.

Именно вопрос о компромиссе в отношениях с советской властью помогает лучше всего и полнее раскрыть личность святого Патриарха Тихона, понять мотивацию его поступков после 1917 г. и подлинную, неоспоримую преданность Русской Православной Церкви, когда ее интересы были для него выше любых личных выгод и даже выше спасения собственной жизни.

На защиту соискателем были вынесены следующие положения:

— историография о святом Патриархе Тихоне имеет сложную структуру и представляет собой совокупность научных, научно-популярных, светских, церковных, общественно-политических текстов различной видовой принадлежности;

— первоначально исследовательский интерес к святому Патриарху Тихону был детерминирован его канонизацией, впоследствии существенным стимулом исследований стала публикация многочисленных источников, что обусловило количественный рост работ с 2000-х гг.;

— биография святого Патриарха Тихона изучена неравномерно, некоторые периоды еще не стали объектом целенаправленного исследования, основное внимание уделялось Патриаршему служению;

— в начале 2000-х гг. в историографии о святом Патриархе Тихоне выделилось несколько тематических направлений дискурса: источниковедческое-архивное, изучение служения святителя в Северной Америке, изучение истории его взаимоотношений с советской властью;

— в осмыслении истории взаимоотношений святителя с советской властью современной историографией достигнуты очевидные успехи: детально реконструирована событийная сторона, археографически обработаны основные источники, установлено подлинное авторство наиболее важных посланий святителя и т. д.

На защите диссертации после выступлений диссертанта и научного руководителя был зачитан отзыв ведущей организации — Рязанской духовной семинарии. Отзыв составил и. о. заведующего кафедрой исторических и церковно-практических дисциплин, доцент, кандидат богословия, кандидат исторических наук, священник Вячеслав Савинцев. В отзыве были высказаны замечания по поводу применения статистического метода в диссертации, о наличии в источниковедческом обзоре работы источников, авторы которых анализировали источники, подверженные анализу в диссертации, о логических лакунах в одной из глав исследования и др. Впрочем,

Члены Диссертационного совета, оппоненты и соискатели

итоговое решение было положительным. Резюмировав свое заключение, поскольку «высказанные замечания и предложения носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертации игумена Серафима (Николина), которая является самостоятельным и оригинальным научным исследованием».

Официальными оппонентами диссертации выступили доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ Е. Е. Озмитель и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН И. В. Лобанова. Е. Е. Озмитель отметила в своем отзыве, что «научная новизна и практическая значимость исследования, проведенного игуменом Серафимом, не вызывает сомнений — его труд является первым комментированным собранием большого количества источников о жизни и деятельности святого Патриарха Тихона и первым обобщающим исследованием по историографии его взаимоотношений с советской властью». Также она высказала несколько замечаний по поводу того, что в труде не отмечена актуальность темы данного исследования для богословской науки, что труды, основанные на богословском подходе, упоминаемые в исследовании, не подверглись обобщающим характеристикам и теоретической рефлексии. Также она высказалась по поводу частого использования в работе термина «дискурс», который является неоднозначным понятием. Впрочем, по мнению оппонента, «указанные замечания не снижают значимости полученных результатов и не влияют на общую положительную оценку исследования, проведенного игуменом Серафимом».

Официальный оппонент И. В. Лобанова в своем отзыве отметила, что диссертанту «следовало отделить популярную и публицистическую литературу о Патриархе Тихоне от собственно научных трудов по данной теме. Смешение таких разнородных

источников засоряет текст исследования и размывает структуру работы, пусть такой подход и продиктован, скорее всего, научной добросовестностью соискателя и стремлением раскрыть тему диссертации со всей возможной полнотой. Возможно также, отдельный параграф нужно было посвятить агиографической литературе о Патриархе Тихоне, что несомненно обогатило бы диссертационное исследование. Указанные замечания, однако, не умаляют проделанной автором работы и не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования, которую можно рассматривать как заметный вклад в решение актуальных проблем современной исторической науки».

После завершения обсуждения диссертации было проведено тайное голосование с участием 21 присутствующих членов диссертационного совета. По итогам голосования — 20 голосов «за» и 1 голос «против» при отсутствии недействительных бюллетеней — было принято решение о присуждении игумену Серафиму (Николину) исковой ученой степени кандидата богословия по специальности «Церковная история».

Для заметок

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 4 (20), 2024

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82727 от 27 января 2022 года

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/journal-of-historical-society>
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 15.01.2025. Дата выхода в свет: 30.01.2025.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 8,8 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 261. Тираж 250 экз.